

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации *ПИ № ФС 77-21093*)

*Журнал включён ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 19.02.2010 г.).*

2014

Ежеквартальное издание

№ 2

Основан в 2001 г.

Проблемным советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

**Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»**

Редакционная коллегия

доктор исторических наук, профессор **В. С. Меметов** (*главный редактор*)

доктор политических наук, профессор **Ю. М. Воронов**

доктор философских наук, профессор **Г. С. Смирнов**

доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**

(*заместитель главного редактора*)

кандидат исторических наук **А. К. Калинин**

кандидат исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**

кандидат исторических наук, доцент **Д. А. Смирнов**

кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**

(*ответственный секретарь*)

*Издаётся НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

*Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России»
41533

© НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, 2014
© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2014

INTELLIGENTIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation of the Law
on Mass Communication and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License *ИИ № ФС 77-21093*)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidatas of Sciences' dissertations (issued on 19/02/2010)*

2014

Quarterly

№ 2

**Founded in 2001 by the Council of the Russian Federation
on the Problem of Intelligentsia, Culture and Power**

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

Ivanovo State University

Editor-in-Chief Prof. **Valery S. Memetov**, Dr. of History

Editorial Board

Prof. **Yury Voronov**, Dr. of Politics

Prof. **Grigory Smirnov**, Dr. of Philosophy

Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of History (*Deputy Editor-in-Chief*)

Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Dmitriy Smirnov**, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University*

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

*The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.ceeol.com*

Subscription index
in catalogue «Press of RF»
41533

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University, 2014
© Ivanovo State University, 2014

Редакционный совет

В. С. Меметов, Ивановский государственный университет (председатель Редакционного совета); **А. И. Аврус**, Саратовский государственный университет; **В. С. Волков**, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург); **Ю. М. Воронов**, Ивановский государственный политехнический университет; **А. А. Данилов**, Институт Всеобщей истории РАН; **Э. Б. Ершова**, Государственный университет управления (Москва); **О. В. Золотарёв**, Коми государственный педагогический институт (Сыктывкар); **А. В. Квакин**, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; **Г. Н. Кныш**, Днепропетровский национальный университет (Украина); **И. В. Кондаков**, Российский государственный гуманитарный университет (Москва); **М. И. Кондрашёва**, Уральская государственная юридическая академия (Екатеринбург); **Г. В. Корзенко**, Институт истории Национальной Академии наук Беларуси (Минск); **Г. Н. Кочешков**, Ярославский государственный педагогический университет; **Д. А. Макеев**, Владимирский государственный университет; **В. А. Мансуров**, Институт социологии РАН (Москва); **И. И. Осинский**, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ); **С. Н. Полторак**, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций; **Д. И. Поливянный**, Ивановский государственный университет; **В. А. Порозов**, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет; **Е. М. Раскатова**, Ивановский государственный химико-технологический университет; **А. В. Репников**, Российский государственный архив социально-политической истории (Москва); **В. Г. Рыженко**, Омский государственный университет; **И. В. Сибиряков**, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск); **Ф. Х. Соколова**, Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск); **А. А. Соловьёв**, Костромской государственный технологический университет; **В. Л. Соскин**, Сибирское отделение ИРИ РАН.

Editorial board

V. S. Memetov, Ivanovo State University (Chairman of the Editorial Board); **A. I. Avrus**, Saratov State University; **V. S. Volkov**, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg); **Y. M. Voronov**, Ivanovo State Polytechnical University; **A. A. Danilov**, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences; **E. B. Ershova**, State University of Management (Moscow); **O. V. Zolotaryov**, Komi State Pedagogical Institute (Syktyvkar); **A. V. Kvakin**, Moscow State University named after M. V. Lomonosov; **G. N. Knysh**, Dnepropetrovsky State University (Ukraine); **G. N. Kocheshkov**, Yaroslavl State Pedagogical Institute; **I. V. Kondakov**, Russian State Humanitarian University (Moscow); **M. I. Kondrashyova**, Ural State Academy of Law (Ekaterinburg); **G. V. Korzenko**, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk); **D. A. Makeev**, Vladimir State University; **V. A. Mansurov**, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **I. I. Osinsky**, Buryat State University (Ulan-Ude); **S. N. Poltorak**, St. Petersburg State University of Telecommunications; **D. I. Polyvyanny**, Ivanovo State University; **V. A. Porozov**, Perm State Humanitarian Pedagogical University; **E. M. Raskatova**, Ivanovo State University of Chemistry and Technology; **A. V. Repnikov**, Russian State Archive of Social and Political History; **V. G. Ryzjenko**, Omsk State University; **I. V. Sibiryakov**, South Ural State University (Chelyabinsk); **F. H. Sokolova**, Pomorsky State University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk); **A. A. Solovyev**, Kostroma State Technological Institute; **V. L. Soskin**, Siberian Branch of Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

<i>Петровичева Е. М.</i> Земская интеллигенция в период Первой мировой войны (На материалах центральных губерний России)	9
<i>Квакин А. В.</i> Интеллигенция и духовный кризис в России после 1917 года	20
<i>Кузьмина В. М.</i> О роли интеллигенции в индустриальной модернизации в СССР	37
<i>Комиссаров В. В.</i> Дискуссии в среде интеллигенции о социальных функциях научной фантастики	46

ИСТОРИОГРАФИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

<i>Ершова Э. Б.</i> Современные исследования о российской интеллигенции XX — начала XXI века	52
--	----

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

<i>Сайтанов С. В.</i> Общественно-политический выбор русского интеллигента: П. А. Кропоткин и анархистское движение ...	65
<i>Гордеев П. Н.</i> С. Л. Бертенсон в 1917 году: политический выбор интеллигента-чиновника	72
<i>Околотин В. С.</i> Реализация налоговой политики и специфика политических репрессий в воспоминаниях Н. М. Сиганова	88

ИЗ АРХИВНЫХ ФОНДОВ

- Возилев В. В.* Проблема интеллигенции на страницах рукописных журналов начала XX века 101
- Кузеванов В. С.* Архитектурный проект как источник для изучения социальной истории и культуры интеллигенции России в 1930—50-е годы 114

ДЕБЮТ

- Цумарева Е. П.* Интеллигенция о национальном вопросе в Российской империи в начале XX века (По материалам прессы) 129
- Симонов А. В.* Империя и колониализм в полемике британских интеллектуалов во второй половине XIX — начале XX века 138
- Зверев К. А.* Русскоязычная интеллигенция и формирование национальной политики Эстонской Республики в 1992—2007 годах 146

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Красильников С. А.* Региональные научно-исследовательские центры в современном интеллектуальном и образовательном пространстве РФ 156
- Аннотации* 161
- Информация для авторов* 171

CONTENTS

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

- Petrovicheva E. M.* Intelligentsia of Zemstvo during World War I
(on the materials of the central provinces of Russia) 9
- Kvakin A. V.* Intelligentsia and spiritual crisis in Russia
after 1917 20
- Kuzmina V. M.* About the role of intelligentsia in the industrial
modernization in the USSR 37
- Komissarov V. V.* Discussions in the milieu of intelligentsia
about social functions of science fiction 46

HISTORIOGRAPHY OF INTELLIGENTSIA

- Yershova E. B.* Contemporary research of the Russian
intelligentsia of the 20th — the beginning of the 21st
centuries 52

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Saytanov S. V.* Social and political choice of Russian
intellectual: P. A. Kropotkin and anarchist movement 65
- Gordeyev P. N.* S. L. Bertenson in 1917: political choice
of intelligent-official 72
- Okolotin V. S.* Realization of tax policy and the specifics
of political repressions in N. M. Siganov's memoirs 88

FROM ARCHIVE COLLECTIONS

- Vozilov V. V.* The problem of intelligentsia on the pages of handwritten magazines in the beginning of the 20th century 101
- Kuzevanov V. S.* An architectural project as a source for studying social history and culture of Russian intelligentsia in the 1930-s — the 1950-s 114

DEBUT

- Tsumareva E. P.* Intelligentsia on the national question in Russian Empire in the beginning of the 20th century (on the press materials) 129
- Simonov A. V.* Empire and colonialism in polemics of the British intellectuals in the second half of the 19th — the beginning of the 20th centuries 138
- Zverev K. A.* Russian-speaking intelligentsia and the formation of national policy of the Republic of Estonia in 1992—2007 ... 146

SCIENTIFIC LIFE

- Krasilnikov S. A.* The regional research centers in contemporary intellectual and educational space of the Russian Federation ... 156
- Annotations* 166
- Information for authors* 171

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ББК 63.3(2)534-283.2

Е. М. Петровичева

ЗЕМСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (На материалах центральных губерний России)

В условиях современной России, когда встает вопрос о необходимости дальнейшего развития органов местного самоуправления как базы формирования гражданского общества, вновь актуальной становится история земских учреждений, действовавших в России в течение более полувека. Несмотря на значительный интерес, проявленный к институту местного самоуправления отечественными и зарубежными историками, целый ряд проблем остается еще недостаточно изученным. К ним относятся, в частности, история земской интеллигенции и ее деятельности в годы Первой мировой войны.

В новейшей историографии обозначился интерес к земским учреждениям периода Первой мировой войны, переломным моментом здесь можно считать работу Н. Д. Судавцова¹. Тем не менее, многие современные исследователи в качестве верхней рамки по-прежнему ставят начало Первой мировой войны. Об этом свидетельствует даже тот факт, что, например, заслуживающая внимания монография Е. В. Чернышевой, специально посвященная изучению социального облика и деятельности земской

© Петровичева Е. М., 2014

Петровичева Елена Михайловна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории России, директор Гуманитарного института Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых. helenp94@mail.ru

интеллигенции во второй половине XIX — начале XX века в историографии, ограничена 1914 г., т. е. доведена до начала Первой мировой войны². В недавно вышедшей фундаментальной монографии П. В. Галкина, в которой глубоко рассмотрены проблемы взаимодействия самоуправления и власти на материалах Московской губернии, периоду Первой мировой войны в целом уделено лишь несколько страниц³.

На наш взгляд, в год столетия начала Первой мировой войны не лишним будет обратиться к детальному исследованию проблем, связанных с положением и деятельностью земской интеллигенции в тот исторический период. Тем более, что ее социальная активность в годы войны достигла, пожалуй, наивысшей точки за всё время существования органов земского самоуправления.

В основу представленной работы положена почерпнутая, главным образом, в архивных фондах делопроизводственная документация земских учреждений, а также периодические издания периода Первой мировой войны. Обобщающих статистических данных сохранилось немного, что осложняет исследование; и всё-таки имеющаяся в нашем распоряжении источниковая база позволяет решить поставленные задачи.

Сразу же после начала Первой мировой войны земства, к чести своей, взялись за конкретную работу, вызванную нуждами военного времени. Запросы со стороны общества к земскому самоуправлению существенно выросли, в то время как его финансовые возможности сузились, несмотря на субсидии правительства⁴. Смета 1914 г., составленная еще в мирное время, превысила смету 1913 г. на 15 % — это был общий средний прирост в предвоенные годы. Первый «военный» бюджет 1915 г. в целом укладывался в рамки 1914 г.: в центрально-промышленных губерниях он увеличился на 0,36 %, а в центрально-черноземных уменьшился на 1,73 %. Сметы 1916 г. вновь дали превышение в среднем на 8 %, однако безудержная инфляция приводила к реальному сокращению земских расходов.

В годы войны работа земств серьезно осложнялась мобилизациями земских специалистов. К концу 1916 г. убыль в составе всего «третьего элемента» достигла почти одной трети. В 1916 г. около 40 % должностей специалистов (врачей, агрономов и др.) при земствах Центральной России оставались не замещенными.

Недостаток работников существенно осложнял выполнение задач, поставленных условиями военного времени. На место мобилизованных специалистов земства вынуждены были приглашать новых, не имевших достаточного опыта. В связи с этим многие земские собрания поднимали вопрос о предоставлении отсрочек по призыву земским работникам и, прежде всего, специалистам⁵.

Известный земский деятель Б. Б. Веселовский писал в 1915 г.: «В тяжелую и ответственную минуту... жизнь ставит перед земствами всё новые и новые, всё усложняющиеся задачи, как в связи с развивающимися военными событиями, так и по разрешению культурных вопросов земского строительства вообще. Сочетать действенный живой отклик на переживаемые страной события с напряженной творческой работой — такова задача земства в данный момент. Успешно разрешена она может быть лишь при исключительном напряжении сил, при мобилизации в земстве и вокруг земства культурных сил на местах. <...> Мало людей, нет работников, земское безлюдье — вот на что теперь непрестанно раздаются жалобы земских людей. Однако работники на местах есть и они жаждут приложить свои руки и свое разумение к делу земского строительства. Недаром земство поработало полвека; оно воспитало целые кадры интеллигентных работников в деревнях... Земство, как в былое время, должно стать средоточием культурных сил в деревне...»⁶

Стремясь заполнить существующие вакансии и удержать на службе специалистов, земства повышали им жалование. Заработная плата земских служащих в большинстве случаев была недостаточной для обеспечения нормального образа жизни в период прогрессирующей инфляции. В годы войны цены на продукты поднялись до небывалой высоты. В «Известиях Московской губернской управы» были приведены данные о росте цен с августа 1914 г. по май 1915 г.⁷: за восемь месяцев цены на пшеничную муку первого сорта поднялись с 2 руб. 80 коп. до 3 руб. 25 коп. за пуд, на гречневую крупу — с 2 руб. 15 коп. до 8 руб. 40 коп., на пшено — с 1 руб. 65 коп. до 2 руб. 90 коп.

Быстрое повышение цен вызвало необходимость пересмотра окладов земских специалистов. Большинство губернских собраний увеличило служащим вознаграждение в зависимости от получаемого содержания: чем больше было жалование, тем

меньший процент прибавки был установлен. Так, Костромское губернское земство с 1 июля 1915 г. увеличило земским служащим, получавшим ранее до 50 руб., жалование на 20 руб.; специалистам, получавшим до 100 руб. — повысило оклад на 15 руб.; имевшие оклад до 150 руб. получили прибавку на 10 руб.

Тверская губернская управа в августе 1915 г. поручила ведущим различных отделов разработать проект доклада об увеличении содержания служащих. На общем совещании была установлена специальная схема прибавок в процентах: получавшим до 300 руб. — 50 %, до 500 руб. — 45 %, до 700 руб. — 40 %, до 900 руб. — 35 %, до 1100 руб. — 30 %, до 1300 руб. — 25 %, до 1500 руб. — 20 %.

Тульское земство постановило увеличить с 1 июля по 1 сентября 1915 г. жалование служащим, получавшим 50 руб., — на 5 руб., а затем повысить его еще на 20 %.

Стараясь компенсировать рост цен, земства центральных губерний провели в течение войны увеличение окладов своих служащих по 2—3 раза⁸. При губернских управах учреждались кассы взаимопомощи для земских служащих⁹. Семьям служащих, мобилизованных на фронт, устанавливались пособия¹⁰.

Не все земские гласные и члены управ, однако, понимали важность этих мер для сохранения земских специалистов в период военного лихолетья, даже в условиях сокращающихся финансовых возможностей. Тамбовская управа признала, что служащие, которые пользовались от земства столом и квартирой, не могли быть признаны нуждающимися, и не включила их в список на получение вознаграждения.

В Нижегородской губернии решение об увеличении окладов земских служащих, получавших менее 100 руб., было принято на состоявшемся при губернской управе 4 августа 1915 г. совещании председателей уездных управ и одобрено уездными земствами. Однако очередное Нижегородское губернское собрание в декабре 1915 г. закрытой баллотировкой решило этот вопрос отрицательно. По настоянию редакционной комиссии вопрос был пересмотрен и прибавки несколько уменьшены. Перебаллотировка дала положительный результат, но председатель Нижегородской уездной земской управы, уездный предводитель дворянства А. Остафьев заявил протест на том основании, что увеличение

жалования служащим было не своевременным. В то же время губернатор опротестовал постановление нижегородской уездной управы об ассигновании 15 тыс. руб. из благотворительных земских средств и средств, заимствованных из оборотного капитала, на увеличение жалования учителям. Здесь, по всей видимости, проявились не только забота об экономии земских финансов, но и известное пренебрежение со стороны цензовых земств и губернской администрации нуждами «третьего элемента»¹¹.

Остро стоял вопрос о пенсионном обеспечении земских служащих. Высказывалось предложение о проведении земского съезда, посвященного этой проблеме. Среди земцев была популярна идея создания единой всероссийской пенсионной кассы земских служащих, что, впрочем, вызывало возражения со стороны либералов, которые почему-то опасались, что это могло бы привести «к полной бюрократизации пенсионного дела»¹².

Многие задачи, выполнявшиеся земствами ранее, были существенно скорректированы в годы войны. Так, в области народного образования сделан акцент на введении программ профессионального обучения, что должно было способствовать повышению обороноспособности страны; в то же время земства продолжали работу по введению всеобщего начального образования в стране.

Среди новых земских обязанностей следует отметить заботу о семьях фронтовиков, призрение инвалидов войны и детей-сирот. Важную роль земские учреждения играли в организации продовольственного снабжения населения и поставок в армию.

В области медицинского обслуживания они стали уделять большое внимание борьбе с широко распространившимися инфекционными заболеваниями. В годы войны губернским санитарным бюро приходилось бороться с брюшным тифом, оспой, скарлатиной и другими инфекционными заболеваниями¹³. Особенно часто эпидемии распространялись среди беженцев; оказанием им медицинской помощи занимались, наряду с санитарными бюро, комитеты помощи беженцам, создававшиеся при земских управах¹⁴.

Все центрально-российские земства, уездные и — в еще большей степени — губернские, увеличивали сметные ассигнования на противоэпидемические мероприятия¹⁵, возводили новые инфекционные бараки, устраивали дезинфекционные камеры, приобретали приборы для бактериологических кабинетов, приглашали

временных санитарных врачей, повышали жалование постоянному и временному санитарно-медицинскому персоналу. Такое решение приняло, например, экстренное Ярославское земское собрание в марте 1916 г. В докладе губернской управы говорилось: «Убыль участкового медицинского персонала, взятого на военную службу, очень тяжело отразилась на санитарном состоянии губернии. Управа видит выход в приглашении временных санитарных врачей (с окладом 3.600 руб. в год)». Земства проводили профилактику заболеваний, устраивали беседы на темы гигиены. Во Владимирской губернии в целях санитарного просвещения населения устраивались передвижные выставки, рассказывающие о мерах профилактики и борьбы с инфекционными заболеваниями¹⁶.

На первое место среди земских забот в годы Первой мировой войны, безусловно, вышло участие в общеземской организации помощи раненым и налаживание деятельности ее местных комитетов, которые сделали очень многое в деле организации лечения раненым, помощи беженцам и в снабжении армии.

На территории Владимирской губернии госпитали и лазареты были оборудованы в основном в течение второй половины 1914 г. На средства Владимирского губернского комитета содержался госпиталь при губернской управе и места в губернской больнице, которая была одним из лучших лечебных заведений того времени¹⁷. Многочисленные госпитали и лазареты были оборудованы за годы войны уездными земствами¹⁸. На 1 июня 1915 г. во Всероссийском земском союзе по Владимирской губернии числился 71 госпиталь, однако в условиях затянувшихся военных действий и большого притока раненых этого оказалось недостаточно. В июле 1916 г., по предложению Главного комитета, число коек в губернном госпитале было увеличено на сотню, и к концу 1916 г. их насчитывалось 384. В течение только одного 1916 г. на содержание раненых губернский комитет Всероссийского земского союза помощи раненым израсходовал около 540 тыс. руб. За всё время работы, начиная со второй половины 1914 г. по 1 января 1917 г., госпитали Владимирской губернии приняли на лечение почти 50 тыс. человек¹⁹.

Энергично работали также Костромской и Нижегородский губернские комитеты помощи раненым²⁰. В Ярославской губернии уже летом 1914 г. губернская земская больница обеспечила

места для 40 раненых. Кровати для раненых предоставляли и уездные земские больницы; земские управы устраивали для них также специальные госпитали²¹. С помощью губернского комитета только за 1915 г. из Москвы в Ярославль было эвакуировано 6505 человек, а из Ярославля по городам уезда — 2243 человека; кроме того, раненые направлялись из Москвы непосредственно в уезды Ярославской губернии²². За два года войны (с августа 1914 г. по август 1916 г.) Ярославский губернский комитет помощи раненым израсходовал 12,3 тыс. руб.²³ В конце 1916 — начале 1917 г. Ярославская губернская земская управа разработала план расширения специальной лечебной помощи увечным воинам и по постановлению земского собрания в феврале 1916 г. ходатайствовала перед Главным комитетом земского союза об отпуске 12 тыс. руб., необходимых на его осуществление²⁴. Земства заботились о снабжении лазаретов и госпиталей продуктами, книгами и всем необходимым²⁵.

За приведенными фактами и цифрами стоит высокогуманный и патриотичный труд людей, прежде всего — земских врачей, среднего и младшего медицинского персонала, на чьи плечи легла ответственность за судьбы раненых. Гордостью Владимирской губернской земской больницы был старший врач Н. Ф. Богоявленский, который руководил хирургическим отделением, где работали такие известные специалисты, как М. А. Аплавин, М. П. Вишневский, И. В. Радзиловский, Н. А. Орлов. Их врачебное искусство и доброта вернули жизнь и здоровье очень многим людям²⁶. Комплект врачей и фельдшеров в госпиталях и лазаретах был далеко не полным, поскольку многие из них были мобилизованы в действующую армию. Известно, что только из Владимирской губернской земской больницы на фронт ушло 10 врачей и 10 фельдшеров. Вследствие призыва врачей на военную службу в центральных российских губерниях в 90 % уездов имелись участки, подолгу остававшиеся без врачей или обслуживавшиеся врачами соседних участков.

По данным анкетных сведений Пироговского общества²⁷, к осени 1915 г. во всех земских губерниях было мобилизовано более 40 % врачей-мужчин или более трети общего состава врачей²⁸. В Рязанской губернии на 1 января 1915 г. из-за мобилизации было свободно 26 мест земских врачей, что составляло 22,4 % к общему

числу земских врачебных должностей губернии. К 15 сентября, по данным той же анкеты, процент недокомплекта врачей в Рязанской губернии вырос до 29 %. Земства старались заполнить возникавшие вакансии, но это удавалось сделать далеко не всегда²⁹.

В условиях нехватки врачей, по постановлению чрезвычайного собрания Владимирского губернского земства от 4 августа, на время войны санитарные врачи этой губернии были приравнены по своему положению к остальным земским врачам и подчинены уездным земским управам. Это постановление распространялось и на низший медицинский персонал при санитарных врачах.

Ярославская губерния в 1915 г. была почти совершенно лишена санитарных врачей; один врач оставался только в Ростовском уезде, но и он был откомандирован в распоряжение губернского комитета помощи раненым³⁰. К марту 1916 г. в Ярославской губернии насчитывалось 34 фельдшерские вакансии³¹. В этих условиях губернское земство взяло на себя содержание медицинского персонала в уездах, благодаря чему, как отметила губернская управа, в 1916 г. «уездные земства не остались без фельдшерского персонала». Однако в течение последнего года войны число вакансий фельдшеров и врачей в Ярославской губернии продолжало расти³².

Сокращение количества врачей, оставшихся в тылу, а также их загруженность лечением раненых способствовали более широкому, чем в довоенное время, распространению «фельдшеризма». Фельдшерский персонал, в свою очередь, уменьшился в целом по России приблизительно на одну пятую часть (среди фельдшеров-мужчин треть была призвана на фронт)³³. К июлю 1916 г. недокомплект фельдшеров в земствах Центральной России составлял около 30 %.

В период войны земства организовывали ускоренную подготовку медицинского персонала. Владимирское губернское земство решило сократить срок обучения учениц акушерско-фельдшерской школы³⁴. Вязниковское земство (Владимирской губернии) вскоре после начала войны организовало при земской больнице краткосрочные курсы для сестер милосердия и сиделок с обеспечением питания за земский счет³⁵.

Стремясь привлечь и удержать на службе медицинский персонал, земства повышали оклады. Главной причиной большой

текучести медицинских кадров в Ярославской губернии были очень низкие оклады. В начале 1917 г. фельдшера в этой губернии получали по 75 руб. в месяц (и 10 руб. квартирных), в то же время в соседних губерниях оклад фельдшеров составлял от 120 до 170 руб. В этой связи, по предложению губернского санитарного совета, земское собрание в феврале 1917 г. повысило оклад фельдшерам до 100 руб.³⁶

Врачи, которые имели высшее образование, получали более высокое жалование, по сравнению со средним и младшим медицинским персоналом, но в условиях инфляции земства должны были периодически поднимать им оклады³⁷. Так, из постоянных врачей, состоявших на службе Костромского уездного земства, в 1914 г. годовой оклад в 1200 руб. имели двое, 1500 руб. — трое, 1800 руб. — трое; один врач (Виконт) получал в год 1950 руб. и еще один (Скворцов) — 2100 руб. К 1917 г. Костромское земство заметно увеличило годовой оклад врачам: жалование размером в 3150 руб. имели четверо врачей, 2925 руб. — двое, 2400 руб. — четверо, 1400 руб. — один врач. Прибавки составили в основном 1050—1200 руб. (и лишь в одном случае — 240 руб.)³⁸. Семьям врачей и фельдшеров, призванных на военную службу, Костромское уездное земство выплачивало 40—50 % их жалования³⁹.

В целом, итоги самоотверженной работы земских гласных и «третьего элемента» были впечатляющими. В начале 1917 г. английская газета «Morning Post», посвятив большую статью деятельности земских учреждений России в годы войны, отметила: «Русские земства в настоящей войне установили рекорд, не превзойденный ни Англией, ни Францией. То, чего достигли земства соединенными усилиями, представляет собой, быть может, одно из самых удивительных явлений, выдвинутых войной»⁴⁰.

По мере затягивания военных действий, в условиях крайней дискредитации власти со стороны лидеров либеральных и социалистических партий, среди земцев, как и в обществе в целом, усиливались антиправительственные настроения⁴¹. Влияние кадетов выросло в Ярославском, Нижегородском, Тульском губернских, в Ковровском, Судогодском, Сергачском и других уездных земствах Центральной России⁴². Правительству всё сложнее было осуществлять крайне необходимый в условиях войны конструктивный курс, направленный на сотрудничество с земскими учреждениями, справиться с оппозицией оно оказалось не в силах.

Борьбу с исторической властью земская интеллигенция выиграла, но за гибелью думской монархии вскоре последовало уничтожение самих земских учреждений.

Примечания

- ¹ *Судацков Н. Д.* Земское и городское самоуправление в годы Первой мировой войны. М. ; Ставрополь, 2001.
- ² *Чернышева Е. В.* Социальный облик и общественная деятельность земских служащих (вторая половина 1860-х — 1914 год). Челябинск, 2010.
- ³ *Галкин П. В.* Местное самоуправление в Московской губернии и государственная власть, 1864—1917 гг. М., 2012.
- ⁴ См. подробнее: *Петровичева Е. М.* Земства Центральной России в период Первой мировой войны. М., 2001.
- ⁵ Земское дело. 1915. № 22. С. 1229 ; 1916. № 17. С. 679 ; № 24. С. 1053.
- ⁶ Там же. 1915. № 17. С. 952.
- ⁷ Известия Московской губернской управы. 1915. № 6.
- ⁸ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1288. Оп. 3. 1-е д-во. 1913. Д. 24. Л. 77 ; Д. 25. Л. 136 ; Государственный архив Владимирской области (далее — ГАВО). Ф. 205. Оп. 1. Д. 2935. Л. 32 ; Государственный архив Костромской области (далее — ГАКО). Ф. 205. Оп. 2. Д. 978. Л. 1 ; Вестник Рязанского губернского земства. 1916. № 4/5. С. 62 ; Журнал Тульского губернского земского собрания 52-й чрезвычайной сессии : заседание 8 окт. 1915 г. с прил. докл. управы. Тула, 1915. С. 14 ; Владимирский календарь за 1915 год. Владимир, 1916. С. 4.
- ⁹ РГИА. Ф. 1288. Оп. 3. 1-е д-во. 1913. Д. 24. Л. 75 об.
- ¹⁰ Доклады экстренному Ярославскому губернскому земскому собранию июльской сессии 1914 г. Ярославль, 1914. С. 5—7 ; ГАКО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 301. Л. 4.
- ¹¹ Земское дело. 1916. № 5. С. 249, 253.
- ¹² Там же. 1916. № 1. С. 25 ; № 10. С. 488.
- ¹³ ГАКО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 1083. Л. 5, 12 ; Журнал экстренного Ярославского губернского собрания : заседание 17 и 18 февр. 1917 г. Ярославль, 1917. С. 8.
- ¹⁴ ГАКО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 1035. Л. 10 об.
- ¹⁵ Ярославское земство, например, ассигновало на деятельность санитарной организации в 1916 г. 13 тыс. руб.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 1288. Оп. 3. 1-е д-во. 1913. Д. 24. Л. 61, 63, 69, 71, 79 ; 1915. Д. 3. Л. 210 ; ГАКО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 1083. Л. 1 ; Журнал Ярославского губернского земского собрания очередной 51-й сессии 1915 г. Ярославль,

1916. С. 27 ; Доклады экстренному Ярославскому губернскому земскому собранию мартовской сессии 1916 г. по общему отделу. Ярославль, 1916. С. 7, 8, 20 ; Журнал экстренного Ярославского губернского собрания : заседание 17 и 18 февр. 1917 г. С. 8.
- ¹⁷ Доклады Владимирской губернской земской управы по 1-му отделению очередному губернскому земскому собранию сессии 1916 г. Владимир, 1917. С. 120.
- ¹⁸ ГАВО. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1323. Л. 1 ; Журнал чрезвычайного Владимирского губернского земского собрания 4 августа 1914 г. С. III ; Журнал Вязниковского уездного земского собрания. 1914. С. 23.
- ¹⁹ Доклады Владимирской губернской земской управы по 1-му отделению очередному губернскому земскому собранию сессии 1916 г. С. 120.
- ²⁰ Земское дело. 1915. № 1. С. 14—15.
- ²¹ Врачебно-санитарный обзор Ярославского губернского земства. Ярославль, 1916. Вып. 3. С. 5—7.
- ²² Доклады экстренному Ярославскому губернскому земскому собранию мартовской сессии 1916 г. по общему отделу. С. 20.
- ²³ Волкова Т. И. Ярославское земство и развитие народного здравоохранения и образования в губернии (1865—1918 гг.). Ярославль, 1998. С. 40.
- ²⁴ Журнал экстренного Ярославского губернского собрания : заседание 17 и 18 февр. 1917 г. С. 53, 58.
- ²⁵ Там же. С. 8 ; Нижегородская земская газета. 1916. № 2. С. 48.
- ²⁶ Отчет по Владимирской губернской земской больнице за 1915 г. Владимир, 1916. С. 4.
- ²⁷ Анкета, проведенная Пироговским обществом, содержит сведения по 40 % всего числа земских уездов.
- ²⁸ Общественный врач. 1915. № 9/10.
- ²⁹ РГИА. Ф. 1288. Оп. 3. 1-е д-во. 1913. Д. 24. Л. 54.
- ³⁰ Журнал Ярославского губернского земского собрания очередной 51-й сессии 1915 г. Ярославль, 1916. С. 27.
- ³¹ Врачебно-санитарный обзор Ярославского губернского земства. 1916. Вып. 2. С. 78.
- ³² Журнал экстренного Ярославского губернского собрания : заседание 17 и 18 февр. 1917 г. С. 7—8.
- ³³ Календарь-справочник земского деятеля на 1917 г. Пг., 1916. С. 57.
- ³⁴ Журнал чрезвычайного Владимирского губернского земского собрания 4 августа 1914 г. С. III.
- ³⁵ ГАВО. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1323. Л. 1.
- ³⁶ Журнал экстренного Ярославского губернского собрания : заседание 17 и 18 февр. 1917 г. С. 7—8.

- ³⁷ РГИА. Ф. 1288. Оп. 3. 1-е д-во. 1913. Д. 24. Л. 77 об. ; ГАКО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 998. Л. 1—2 ; Вестник Рязанского губернского земства. 1916. № 4/5. С. 92.
- ³⁸ ГАКО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 1083. Л. 14—15.
- ³⁹ Там же. Л. 13.
- ⁴⁰ Земское дело. 1917. № 5/6. С. 245.
- ⁴¹ ГАКО. Ф. 749. Оп. 1. Д. 531. Л. 3—21 ; Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 102. 1915 г. Д. 20. Ч. 94. Л. А. Л. 2, 3, 4, 10.
- ⁴² РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. 1915. Д. 1143. Л. 6 ; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 124. Д. 30. Ч. 9. Л. 1 ; Оп. 125. Д. 78. Ч. 9. Л. 1.

ББК 63.3(2)6-283.2

А. В. Квакин

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ДУХОВНЫЙ КРИЗИС В РОССИИ ПОСЛЕ 1917 ГОДА

Духовный кризис, сопровождавшийся утверждением в Советской России атеизма в качестве государственной политики и идеологии, привел к раскрепощению человека по формуле, высказанной еще в XIX в. одним из персонажей Ф. М. Достоевского: *«Бога нет — всё дозволено»*. Долгий путь, который проделало человечество в поисках смысла своего земного существования и который во все времена составлял стержень культуры, в начале XX столетия привел к масштабному кризису. Он ощущался интеллектуальной элитой страны как духовная катастрофа, как разрушение всех бытовавших представлений о мире, с его традициями и ценностями: варварства и гуманизма, божественной предопределенности и рациональной обустроенности, словом, всего того, что наполняло смыслом прошлое существование. Революционное столетие начало свой путь с отрицания традиций, борьбы с ними («Весь мир до основания мы разрушим...»), из которой

© Квакин А. В., 2014

Квакин Андрей Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории Российского государства Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. akvakin@hotmail.com

выросли не только ценностный плюрализм, но и новая культура масс (пролетарская, коммунистическая), поставившая себя в оппозицию культуре старой.

«Цветущая сложность» культуры императорской России со всей ее иерархичностью, образованностью и профессионализмом, строгими моральными нормами сменилась народной простотой, презиравшей интеллект и интеллигентность, отказавшейся от традиционных ценностей классической культуры во имя принципа всеобщего равенства: мастера с подмастерьем, художника с маляром, ученого с неучем, солдата с офицером и т. д. Многоступенчатая лестница духовного и профессионального роста, опиравшаяся на традиционную шкалу ценностей, оказалась разрушенной мощным движением уравнительности и уравниловки. Начался период всеобщего социокультурного эксперимента, в ходе которого была предпринята попытка сравнить элиту с массой, растворить талант в народной среде, превратить всё сложное в простое. Как говорил нарком просвещения А. В. Луначарский, «общее дело коммунизма состоит не в уничтожении аристократии, а в превращении всего человечества в своего рода аристократию»¹, для чего тут же понадобилось уничтожить не только всю аристократию, но и любого, кто выделялся из толпы.

Причина подобного заключалась в том, что главной ценностью был объявлен не человек, а идея, которой человек должен был служить, и чем усерднее он ей служил, тем ценнее он был для общества. Человек стал рассматриваться лишь как средство для достижения идеи. В результате подобной метаморфозы идеология заняла место культуры, а партийные деятели превратились в квазиинтеллектуальную элиту. Торжество молодого победителя в Гражданской войне трансформировалось в культ успеха, в право сильного и юного диктовать свои нормы и правила поведения всем остальным. Писатель В. П. Катаев, примкнувший к большевикам, писал о том времени: «Впервые мы почувствовали себя освобожденными от всех тягот и предрассудков старого мира, от обязательств семейных, религиозных, даже моральных. Только права и никаких обязанностей»².

Началось это еще в первую русскую революцию, о которой С. Л. Франк писал: «Самый трагический и с внешней стороны неожиданный факт культурной истории последних лет —

то обстоятельство, что субъективно чистые, бескорыстные и самоотверженные служители социальной веры оказались не только в партийном соседстве, но и в духовном родстве с грабителями, корыстными убийцами, хулиганами и разнузданными любителями полового разврата». Задаваясь вопросом: «Отчего политические преступления так незаметно слились с уголовными и отчего “сатанинство” и вульгаризированная “проблема пола” как-то идейно сплелись с революционностью?», Франк видел ответ в том, «что это — не простые нарушения нравственности, возможные всегда и повсюду, а бесчинства, претендующие на идейное значение и проповедуемые как новые идеалы»³.

Пренебрежение моралью, объявленной буржуазной, стало тотальным, ибо она не служила задачам воплощения большевистской идеи в жизнь, и наоборот, всё то, что способствовало ее укреплению, объявлялось нравственным и полезным. «Я осуществляю свою идею и ради нее освобождаю себя от уз обычной морали, я разрешаю себе право не только на имущество, но и на жизнь и смерть других, если это нужно для моей идеи», — писал о психологии революционера С. Н. Булгаков, разъяснявший: «Героическое “всё позволено” незаметно подменяется просто беспринципностью во всем, что касается личной жизни, личного поведения, чем наполняются житейские будни»⁴. При этом идея отождествлялась с благом народа как целого, как массы, в связи с чем всякий, кто выступал против идеи или сомневался в ее верности, объявлялся врагом народа. Идея массы, объединенной в коммуны и нацеленной на коммунизм, поглотила индивидуум, отодвинула интеллектуальную личность на задний план, породив целый ряд советских афоризмов вроде фраз: «я — последняя буква алфавита» и «мы — университетов не кончали». И если демократизация общества, давшая всем равные права (но не возможности), была социально оправданной, то демократизация культуры, вульгарно понятая и поставившая на одну доску гения и бездаря, талант и серость, профессионализм и дилетантство, являлась по сути своей деструктивной, отрицающей те нормы, правила и ценности, на которых стоит и общество, и культура. В революции восторжествовал народнический взгляд на культуру как на «ненужное и нравственно непозволительное барство», отвлекающее от служения народу, от «стремления превратить всех

людей в “рабочих”, сократить и свести к минимуму высшие потребности во имя всеобщего равенства и солидарности...»⁵.

Сразу после Октября 1917 г. в Советской России получили широкое распространение различные движения, попытавшиеся построить всю жизнь общества на совершенно новых социокультурных основаниях, что нашло свое наиболее яркое отражение в действиях объединений «воинствующих безбожников» и «Долой стыд!», которые духовно были тесно связаны друг с другом, поскольку атеизм вольно или невольно провоцировал вседозволенность, сексуальную раскрепощенность и нравственную распушенность. К тому же революционный 1917 г. отменил цензуру, и свобода печати открыла массовому читателю ранее запретную эротическую и порнографическую литературу: вышли в свет «Гавриилиада» А. С. Пушкина, «Опасный сосед» В. Л. Пушкина, «Занавешенные картинки» М. А. Кузмина и др. Правда, в период Гражданской войны с ее голодом, холодом и болезнями людям было не до эротики, которая начала воскресать только после ее завершения. В 1922 г. появилась «Любовная метафизика» профессора Л. П. Карсавина, которую в ученой среде прозвали «кафедральной эротикой», а ее автора — «ученым-эротоманом». В 1923 г. в журнале «Молодая гвардия» было опубликовано «Письмо к трудящейся молодежи» наркома А. М. Коллонтай под красноречивым заголовком «Дорогу крылатому Эросу!», где, с одной стороны, отмечалось «увеличение свободного, без обоюдных обязательств, общения полов, в котором двигателем являлся оголенный, не прикрашенный любовными переживаниями инстинкт воспроизводства», а с другой стороны, предлагалось привнести в него «те душевно-духовные элементы, какие служат к развитию и закреплению чувств товарищества», но без «полового фетишизма» и гедонизма⁶.

Мысли Коллонтай подхватил знаток эротических проблем А. Залкинд, развивший их в статье «Половая жизнь и современная молодежь», а также в других книгах⁷, в которых «протесты против “половой самозакупорки” и нерациональных энергозатрат были догматизированы и доведены до абсурда»⁸. В середине 1920-х гг. эту тему подхватила почти вся большевистская пресса, усмотревшая в «половой распушенности среди молодежи подрыв авторитета Советской власти и партии, давая их врагам возможность

указывать на комсомол как на рассадник разврата»⁹. Журналист и член РСДРП (б) И. И. Ионов отмечал на страницах газеты «Правда»: «В области половых отношений — у нас царство голой физиологии, распущенности и разврата! В нашем быту — “наплеви́зм”, похабщина и бардачная философия. Всюду и везде в отношении к женщине у нас властвует грубый цинизм, отравляющий молодежь и физически, и нравственно. Наши ребята убеждены, что между мужчиной и женщиной не может быть другой связи, кроме половой. У нас нет любви, у нас есть только физиология!»¹⁰ Прочитав этот «крик души» советского партийца, М. П. Арцыбашев, живший в Польше, с иронией заметил: «Много лет понадобилось большевикам, чтобы маленьких зверенышей, выброшенных революцией на улицу, переделать в больших скотов»¹¹. Однако не всё было так однозначно.

Заметка Ионова вызвала живой отклик не только у русской эмиграции, но и среди населения Советской России, увидевшего причину подобного положения вещей в «голой физиологичности» новой литературы, в стремлении советских писателей «облитературить матерщину». В 1920-е гг. появились сочинения П. С. Романова («Без черемухи»), Л. И. Гумилевского («Собачий переулок»), С. И. Малашкина («Луна с правой стороны, или Необыкновенная любовь»), отличавшиеся жесткой натуралистичностью изображения любовных отношений и вызвавшие жаркие дискуссии, в которых приняли участие представители как политической, так и творческой элиты страны — А. В. Луначарский, А. М. Коллонтай, А. Е. Крученых и др.

Один из таких диспутов состоялся, в частности, 6 марта 1927 г. в Большой аудитории московского Политехнического музея. Он открылся выступлением редактора журнала «Печать и революция» В. П. Полонского на тему «Массовое упадничество в жизни и литературе в связи с вопросами пола», которое днем ранее было произнесено им в Коммунистической академии. Речь Полонского, призывавшая к борьбе с плохой литературой и недостойным поведением части молодежи, породила жаркие отклики со стороны В. В. Маяковского, О. М. Брика, Ф. Ф. Раскольников, даже старая большевичка С. Н. Смидович включилась в дискуссию, настолько актуальным оказался поднятый вопрос. Отмечая слабость идейного воспитания юного поколения в усло-

виях «новой экономической политики», собственно и породившей так называемую «гитарную», любовно-натуралистическую литературу, большинство участников прений пришло к выводу о недопустимости в советской стране «размусоливания» проблем пола, о важности, говоря словами Маяковского, публицистических «способов оздоровления нашей литературы художественной, способов переходяния не на осознанную всеми веками лирику, а на фактические статьи, на... тенденциозную литературу», единственно способную, по его мнению, внедрить в массы «революционные вкусы»¹².

Развернулась борьба «с произведениями, обслонявливавшими сексуальные темы», за выравнивание «литературных сил по лозунгам партии»¹³. Модной стала цитата из стихотворения Г. М. Каца «Тоска» — «И на беспартийную печаль отвечай партийною тревогой»¹⁴. Появились даже призывы бить авторов, насаждавших «похабщину», логическим завершением которых стал знаменитый манифест В. Е. Татлина 1930 г. — «Объявим войну комодам и буфетам».

Не осталась в стороне и цензура, выпустившая 2 июля 1924 г. циркуляр Главлита и Главного комитета по контролю за репертуаром и зрелищами, который осуждал фокстрот, шимми и другие, с их точки зрения, эротические танцы за то, что они «направлены на самые низменные инстинкты», «представляют из себя “салонную” имитацию полового акта и всякого рода физиологических извращений», тогда как «в трудовой атмосфере Советской Республики, перестраивающей жизнь и отмечающей гнилое мещанское упадничество, танец должен быть иным — бодрым, радостным, светлым»¹⁵.

Чувства любви, красоты и поэзии, выраженные литературным языком, стали считаться буржуазным пережитком, мещанским предрассудком, которым давно пора положить конец. Писатель Ф. Панферов, например, был уверен в том, что «язык Бунина, Толстого и других классиков» нужно заменить «новым языком, созданным революцией», языком народа — не выхолощенным, выскобленным и очищенным, а таким, каков он есть, на котором говорит русская деревня, фабричные города и поселки¹⁶. С ним был полностью согласен писатель А. Серафимович, разделивший всех писателей на «оближенных»

и «неоближенных» и полагавший, что у последних литераторов присутствует своя особая сила — «этакая корявая, здоровая, мужичья»¹⁷. И именно эта сила, являвшаяся, по мнению М. Горького, «социально нездоровой», выраженной «в форме зоологического озверения»¹⁸, захлестнула в первое послеоктябрьское 10-летие Советскую Россию.

Смена старого политического строя новым режимом сопровождалась всеобщим кризисом нравственных оснований человеческого существования, разрушением привычного эмоционального и этического мира, обнажившим элементарные биологические инстинкты, грубую сексуальность и природную агрессивность. Любовь как социокультурный феномен со всей присущей ему сложной гаммой чувств и ценностных характеристик отошла на задний план, уступив место простой обыденности и революционной целесообразности. «Пролетариат должен немедленно приступить к уничтожению семьи как органа угнетения и эксплуатации», — писалось, например, в одном из журналов тех лет¹⁹. Показательным в этом отношении являлось творчество Б. М. Кустодиева — члена Ассоциации художников революционной России, автора таких полотен, как «Праздник II конгресса Коминтерна», «Большевик», иллюстраций к книге «Детям о Ленине» и одновременно картины «Русская Венера», насыщенной «гиперболизированной сексуальной героикой, восходящей к традиции старых лубков»²⁰.

Девизом дня стал лозунг «свободной любви», выпестованный еще в императорской России и активно поддержанный революционной массой населения во главе с большевиками, которые сразу же после своей победы в Октябре 1917 г. начали быстро и решительно законодательно оформлять все требования свободы брака и развода. Уже 17 декабря 1917 г. ВЦИК утвердил Декрет о расторжении брака по обоюдному соглашению или хотя бы одностороннему заявлению. На следующий день — 18 декабря 1917 г. ВЦИК принял еще один Декрет, по которому церковный брак с 20 декабря 1917 г. перестал иметь юридическую силу и заменялся браком гражданским, заключенным в органах ЗАГСа, или приравненным к нему (в судебном порядке) фактическим браком с полным равноправием супругов и рожденных в этих брачных союзах детей.

Таким образом, впервые в России был узаконен не только гражданский, но и фактический (незарегистрированный) брак при условии, что лица, состоящие в нем, признают друг друга супругами и могут на суде доказать свои брачные отношения. Советский Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, изданный в 1918 г., установил полное равноправие обоих супругов, причем не только в семейной жизни, в воспитании детей и владении совместно нажитым имуществом, но и в праве выбора профессии и трудовой деятельности, перемены местожительства одним из супругов, при которой вторая половина не обязана была следовать за ним (как это было в императорской России) и т. д. Журнал «Строительство Москвы» в 1924 г. разъяснял своим читателям: «Если гражданин и гражданка живут как муж и жена и сами это признают, то считается, что они состоят в браке»²¹.

Одновременно были ликвидированы различия в правовом положении детей «законных» и «незаконных», порождавшие в прошлом массу личных и семейных трагедий. Внебрачными детьми являлись и народоволец Н. А. Морозов, и герой Октября Ф. Ф. Раскольников, и военный комиссар Литовско-Белорусской советской республики Л. Д. Морозов, и многие другие деятели большевистской революции, прекрасно знавшие, что значит быть «вне закона» и желавшие как можно быстрее исправить эту ситуацию.

По семейному кодексу 1918 г., родителями записывались подавшие о том заявление лица, а при отсутствии заявления со стороны отца, он устанавливался в судебном порядке по заявлению матери ребенка, в котором указывались все его данные, и если тот не мог привести весомых аргументов против своего отцовства, то суд признавал его отцом. При этом ложные данные и показания на суде приравнивались к уголовному преступлению. Так в первые пореволюционные годы была взята под юридическую защиту слабейшая сторона брачного союза — женщины и дети, ранее находившиеся в полной власти мужчин, понимавших «свободную любовь» совершенно по-иному, нежели женщины. Это заставило последних даже внести в семейный кодекс 1918 г. положение о том, что в случае, если мужчина отказывается от отцовства, ссылаясь на наличие нескольких сожителей у матери ребенка, законом устанавливается солидарная ответственность

всех названных им на суде сожителей, которым вменялась в обязанность совместного содержания рожденного при подобных обстоятельствах ребенка. Явная сложность такого рода процедур привела к разрешению в 1920 г. бесплатных аборт, ставших в Советской России массовым явлением.

Благодаря новому законодательству свободными стали не только брачные узы, но и женщины, перед которыми открылось много возможностей, ранее доступных исключительно мужчинам. Женщины получили право участвовать в выборах и политической жизни страны, стали учителями, врачами, депутатами и даже, подобно А. М. Коллонтай, министрами, что привело к их экономической независимости от мужчин. Первая русская женщина нарком, член Совета народных комиссаров — Коллонтай решительно выступала за гражданский брак, коллективно-общественное воспитание детей в яслях, детских садах и школах и передачу социально-экономических функций семьи различным государственным институтам. Возглавляя женотдел ЦК РКП (б) и Наркомат госпризнания, участвуя в работе Международного женского секретариата Коминтерна, организуя съезды коммунисток, работниц и крестьянок, Коллонтай активно боролась за права женщин, за их освобождение от семейного ига, замену домашнего труда общественными кухнями, столовыми, прачечными, сферой бытовых услуг.

На примере собственной жизни Александра Михайловна пыталась доказать реальность «свободной любви» и женской независимости: не раз вступала в гражданские браки, легко меняла мужей, которые нередко были значительно младше ее по возрасту, не испытывала никаких неудобств, когда на заседаниях правительства занимала место между двумя из них: наркомом по морским делам П. Е. Дыбенко и наркомом труда А. Г. Шляпниковым. Коллонтай писала: «Вас удивляет больше всего, что я схожусь с мужчинами, когда они мне просто нравятся, не дожидаясь, когда я в них влюблюсь? Видите ли, чтобы влюбиться, на это надо досуг, я много читала романов и знаю, сколько берет времени и сил быть влюблённой. А мне некогда»²². Не случайно, что именно с Коллонтай связывают знаменитую «теорию стакана воды», приравнявшую половой акт к просто выпитому стакану воды и тем самым десакрализировавшую любовь и основанную на ней традиционную семью.

Раскрепощенность Коллонтай, соответствовавшая революционному духу того времени, не была чем-то уникальным; ей под стать была И. Ф. Арманд, также одно время возглавлявшая Женский отдел ЦК РКП (б), участвовавшая в начале 1920 г. в качестве докладчика, переводчика и организатора Международной конференции коммунисток, лозунгом которой была всё та же свободная любовь, ставшая для Арманд неотъемлемой частью ее жизни: сначала в семье братьев Александра и Владимира Арманд, а потом и в судьбе В. И. Ленина.

Свободолюбием отличалась и Л. М. Рейснер — поэтесса, увлекавшаяся Н. С. Гумилевым и ставшая в годы Гражданской войны флотским комиссаром и боевой подругой Ф. Ф. Раскольников, с которым она, однако, уже в 1923 г. рассталась, оставив в его душе глубокую рану. История жизни и любви Ларисы Рейснер настолько завораживала современников, что Всеволод Вишневский даже положил ее в основу своей пьесы «Оптимистическая трагедия», которая приобрела в советские годы исключительную популярность.

Период революционной смуты со всеми присущими ему продовольственными и бытовыми проблемами выдвинул на первый план энергичных и самостоятельных женщин, прекрасно владевших искусством домостроительства, державшихся крепче мужчин и являвшихся главным стержнем семьи в борьбе с голодом, холодом и разрухой. Георгий Иванов и Владислав Ходасевич разработали даже особую «теорию» по поводу деловых и активных жен, помогавших домочадцам выстоять в сложных жизненных обстоятельствах. Это было время «подруг и подружек», которые, «притворяясь дамой и птичкой», «устраивали дела ослабленного мужа», да еще «отлично мыли полы, стирали, стояли в очередях новой жизни», организуя ее на свой лад и по своему желанию²³. Тот же Ф. Ф. Раскольников, не оказавшись с ним рядом Л. М. Рейснер, вряд ли бы выжил; она, став «прачкой, сиделкой, уборщицей», сумела вылечить его от сложной пневмонии, которую он подхватил на фронтах Гражданской войны²⁴.

Свобода супружеских отношений особенно привилась в творческой среде: В. В. Маяковский жил в квартире Бриков на правах третьего члена их семьи настолько уверенно, что даже отразил это в своем предсмертном письме: «Товарищ правительство,

моя семья — это Лиля Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская»²⁵. А. А. Ахматова, порвав с Гумилевым, стала жить с Шилейко, а затем вступила в гражданский брак с формально женатым Н. Н. Пуниным и поселилась в его доме, где одновременно в полном составе жила его предыдущая семья. В любовном многограннике находился и писатель Ю. К. Олеша, создавший в 1919 г. гражданский союз с С. Г. Суок, которая, однако, уже через два года ушла от него к поэту В. И. Нарбуту, а после его гибели вышла замуж за писателя В. Б. Шкловского, что, впрочем, никак не повлияло на чувства Ю. К. Олеси, и он продолжал любить ее и писать о ней — то в романе «Зависть», то в сказке «Три толстяка». Творческому вдохновению способствовала также любовь женатого профессора Л. П. Карсавина к своей студентке Е. Скржинской, которую он пронес через всю жизнь. В классическом треугольнике пребывал художник К. С. Петров-Водкин, жена в 1922 г. родила ему дочь, а через пять месяцев ребенок появился и у его «подруги». Подобные ситуации стали настолько обычным явлением, что в 1927 г. они легли в основу фильма А. Роома «Третья Мещанская», созданного по сценарию В. Б. Шкловского, рассказавшего о романтическом треугольнике: двух мужчин и женщины, которая, в конце концов, бросает их обоих. В общем, как вспоминала о том времени и о себе жена О. Э. Мандельштама — Надежда, «мне претила ложь и скука старой семьи, и я участвовала в ее разрушении. Выход я нашла в свободном союзе»²⁶.

Под видом борьбы с предрассудками шел процесс всеобщей перестройки социальных ролей мужчин и женщин, сопровождавшийся глубокими психологическими, нравственными и общественными трансформациями: «Содержание нашей жизни, планов, достижений, задач, устремление плюс людской материал — всё новое, смелое, необычное, — писала А. М. Коллонтай. — Но формы мы еще всё берем старые... Отсюда ненужная зачастую тяжеловесность»²⁷. Однако стремление заменить ее легким отношением к жизни оказалось в прямом смысле слова непродуктивным, иначе говоря, вело к спаду рождаемости, росту числа безнадзорных детей, что представляло для молодого Советского государства явную угрозу. И уже со второй половины 1920-х гг. началась борьба, как тогда говорили, с распущенно-

стью в семейно-брачных отношениях, за «созидательный патриотический эротизм», за плодотворную, а лучше сказать, плодоносную любовь. Курс на укрепление семьи и усиление ее роли в воспитании детей нашел свое отражение в новом Семейном кодексе, принятом 19 ноября 1926 г., который определил персональную ответственность родителей за своих детей и возложил на суд необходимость установления отцом лишь одного конкретного лица. Была введена обязательная регистрация брака и установлено, что неоформленный брак никаких юридических последствий не создает, что развод допускается лишь по суду и только на основании уважительных причин, что обязанность воспитания детей, рожденных в незарегистрированном браке, ложится на мать и т. д.

Этот Семейный кодекс эпохи НЭПа способствовал реставрации патриархальных отношений и старого быта со строго очерченными обязанностями супругов. М. М. Пришвин писал, в частности, о семейной ситуации конца 1920-х гг.: «Но каково же было мое изумление, когда огромное большинство моих учеников... продолжали дело жестоких мужей-домостройцев. Оказалось, что принципы “Домостроя” были живы в сердцах моих учеников, несмотря даже на то, что они были воспитаны в новых идеях»²⁸. Например, Н. Н. Пунин, забыв свое футуристическое прошлое, строго наставлял А. А. Ахматову: «Мне хотелось бы, чтоб к моему приходу всё было сделано: Тап (пёс. — А. К.) гуляя, вино и ягоды стояли на столе и чай был готов. А я иду играть на биллиарде»²⁹. Так в богатых домах императорской России говорили прислуге, а не жене, тем более, гражданской, но Ахматова терпела и мирилась не только с этим, но и с продажей Пуниным ее столового серебра и даже обручального кольца, оставшегося от первого замужества. Свободолюбие испарилось и в семье О. Э. Мандельштама, который, как оказалось, «не переносил энергичных и волевых женщин» и «к женщине относился, как к подопечному и не совсем полноценному существу: испуганный глаз, недотрога, врушка и еще лучше — дурочка... Она должна быть гораздо моложе и всецело зависеть от мужа»³⁰. Как писала жена поэта, «я была единственной собственностью Мандельштама, и он положил немало трудов, чтобы хоть немного, хоть чуть-чуть меня к себе приспособить... Мандельштам упорно добивался, чтобы, сойдясь с ним, я стала соучастницей его судьбы

и тревоги, особенно сильной не в конце жизни, когда всё стало ясно, а в двадцатых годах...»³¹.

Конечно, были в то время и совершенно другие семьи, в том числе и такие, где главной добытчицей являлась жена, например А. П. Бирюкова — «вторая Коллонтай», отвечавшая в СССР за всю социальную сферу народного хозяйства. Продолжали существовать и гражданские супружеские союзы, сложившиеся в первые годы Советской власти, в частности Н. С. Хрущева, вплоть до своей смерти прожившего «вне закона» со своей третьей женой Н. Кухарчук, что спустя полвека явилось полной неожиданностью для политической элиты того времени. Однако всё же не эти примеры стали определять характер семейно-брачных отношений сталинской эпохи, выстраивавшихся в жестких рамках тоталитаризма.

В 1930-е гг. государственная регистрация браков уже прочно вошла в практику, и многие бывшие революционеры, например тот же Ф. Ф. Раскольников, непременно вели своих новых жен в ЗАГС, а те обязательно брали фамилию мужей, словом, укоренялись прочно и надолго. В 1935 г. прогремело так называемое «Кремлевское дело», детально разбиравшее «похождения» А. С. Енукидзе, что закончилось освобождением его от обязанностей Секретаря ЦИК СССР, выведением из состава ЦК ВКП (б) и исключением из Коммунистической партии, а затем и расстрелом. Для советской элиты это дело имело явно назидательный подтекст, так же как и принятие законов СССР от 7 марта 1934 г. о введении уголовного наказания за гомосексуализм и от 17 октября 1935 г. «Об ответственности за изготовление, хранение и рекламирование порнографических изданий, изображений и иных предметов и за торговлю ими».

Принятие в 1936 г. новой сталинской Конституции и введение Постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. запрета на аборт, окончательно утвердило официальный брак в качестве единственно возможной в СССР формы семейного союза, поскольку только он гарантировал женщине, тем более с ребенком, материальную, юридическую и моральную защиту. И хотя практически одновременно были учреждены орден «Материнская слава» и «Медаль материнства», а также почетное звание «Матеро-героиня», дававшие некоторые льготы, это не меняло общей си-

туации, тем более что все денежные пособия от государства на воспитание детей являлись мизерными. Женщине в условиях советской нищеты оставалось, как правило, только одно: работать не покладая рук и всеми силами держаться за мужа, без которого ей было крайне сложно поставить на ноги детей.

Как и в императорской России, женщина снова оказалась в жесткой зависимости от мужчины, от всех его прихотей и причуд. Так, физик и будущий академик Л. Д. Ландау заставил свою жену подписать сочиненный им «Брачный пакт о ненападении», предоставивший ему полную свободу действий в любовных отношениях на стороне, что обрекало К. Т. Ландау-Дробанцеву на постоянные муки. Еще перед женитьбой, в 1930-е гг. у Л. Д. Ландау была разработана особая теория — «как надо правильно строить мужчине свою личную жизнь», в основе которой лежало твердое убеждение в том, что «брак — это могила для страсти влюбленного» и что «жениться можно по глупости или из каких-либо мелко-бытовых или материальных соображений»³². При этом в понятие «свободной любви» Л. Д. Ландау органично вписывались аборты, по поводу запрета которых он говорил: «В свободной стране свободная женщина должна свободно располагать собственным телом. Она сама должна решать этот интимный важный вопрос. Навязывать женщине этот преступный закон, заставляя ее насильно рожать! Как всё это называется?»³³. Бравируя свободолобием, Л. Д. Ландау несколько лет держал К. Т. Дробанцеву на правах гражданской жены, и только после ареста и годового сидения в тюрьме, из которой он освобожден весной 1939 г., он пошел и на заключение брака, и на рождение сына, словом, на всё то, что требовала сталинская «семейная политика». Однако это была лишь внешняя оболочка над «брачным пактом о ненападении», по поводу которого его жена говорила: «С этим согласиться невозможно! С этим можно только примириться»³⁴.

Однако мирились не все. Так, не выдержав измены мужа, выбросилась из окна девятого этажа писательского дома в Лаврушенском переулке Москвы жена поэта Льва Ошанина Е. Б. Успенская — внучка знаменитого писателя Глеба Успенского. Да и мужчинам, имевшим помимо официальной, еще и неофициальную семью, было несладко, о чем говорит, в частности, дневник заведующего кафедрой социальной гигиены 2-го Ленинградского

медицинского института З. Г. Френкеля, писавшего, например, 10 августа 1942 г. о своей законной жене: «На протяжении всей совместной жизни с этой женщиной... я, покорный судьбе и раз сделанному выбору, отдаю весь свой заработок в ее распоряжение, подчиняюсь всем, иногда большим для меня трудностям» и «терпеливо переношу все унижения... но взамен — всё возрастающая несправедливость ко мне и всё растущая несдержанность... В конце концов — неизбежно искать выхода из этого невыносимого, недостойного для меня положения»³⁵. Профессору Френкелю было тогда 72 года! Однако особенно трагично сложности любви и семейных отношений переживались молодыми: покончили с собой сын К. Г. Паустовского — художник А. К. Паустовский, дочь прозаика Ф. Кнорре, сын поэта А. Я. Яшина. Застрелилась и жена Сталина — Н. Аллилуева. Не видя возможности решить свои личные проблемы, все они предпочли уйти из мира лжи и несправедливости, нежели вести с ним долгий и мучительный диалог.

Большинство за жизнь и семью стали держаться, и это породило такое массовое советское явление, как жалобы в партийные комитеты на неверных спутников жизни. Так поступила, например, жена кинорежиссера И. А. Пырьева актриса М. А. Ладынина, отправившая в ЦК ВКП (б) письмо, в котором сообщала о неверности мужа. Дело кончилось публичным скандалом, но брак Ладыниной сохранить так и не удалось. И. А. Пырьев, возмущенный поступком жены, ушел из дома и спустя некоторое время завел новую семью. Но это был еще сравнительно благополучный исход, и всё могло завершиться намного печальнее, как, например, в истории семейного конфликта заместителя академика П. Л. Капицы О. А. Стецкой, которая «на почве ревности написала Сталину донос на собственного мужа», и тот был расстрелян³⁶. Объявленное И. В. Сталиным на рубеже 1920—30-х гг. «наступление социализма по всему фронту с одновременным обострением классовой борьбы» превратило советскую семью в заложницу общественно-политической системы государства диктатуры пролетариата, безжалостно перемалывавшего жизни и судьбы всех ее членов. Вряд ли найдется в истории России еще пример, когда практически в одно и то же время оказались в тюремном заточении в качестве «врагов народа» жены целого ряда

политических и творческих деятелей СССР: К. Е. Ворошилова, С. М. Буденного, М. И. Калинина, В. М. Молотова, С. С. Прокофьева, досталось даже подруге и помощнице Б. Л. Пастернака О. Ивинской, дважды арестованной по его делу, причем последний раз уже после смерти писателя, за причастность к изданию за границей его романа «Доктор Живаго», прототипом главной героини которого — Лары — она была³⁷.

В общей сложности, масштабный духовный кризис, приведший к «культурной революции», частью которой стали революция сексуальная и воинствующий атеизм, завершился в СССР утверждением нового социалистического Домостроя, как в узком, так и в широком смысле этого понятия, основанного на началах авторитаризма и единодержавия. Отказ от традиционных ценностей после 1917 г. имел неоднозначные последствия.

Примечания

- ¹ Луначарский?.. Нет, он Антонов! : док. повествование о жизни и деятельности А. В. Луначарского / авт.-сост. Н. Ф. Пияшев. М., 1998. Ч. 1. С. 150.
- ² См.: *Салуцкий А.* Кто там шагает левой? // Лит. газета. 2007. № 32. С. 3.
- ³ *Франк С. Л.* Этика нигилизма : (к характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции) // Вехи ; Интеллигенция в России : сб. ст., 1909—1910 гг. М., 1991. С. 181, 155.
- ⁴ *Булгаков С. Н.* Героизм и подвижничество : (из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Там же. С. 62—63.
- ⁵ *Франк С. Л.* Указ. соч. С. 163—164.
- ⁶ Молодая гвардия. 1923. № 3 (10). С. 112, 122.
- ⁷ *Залкинд А.* Революция и молодежь. М., 1924 ; *Он же.* Половой фетишизм : к пересмотру полового вопроса. М., 1925 ; *Он же.* Половой вопрос в условиях советской общественности. Л., 1926.
- ⁸ *Золотоносов М.* Мастурбанизация // Литературное обозрение : спец. вып. М., 1992. С. 94.
- ⁹ *Арцыбашев М. П.* Записки писателя ; Дьявол ; Современники о М. П. Арцыбашеве. М., 2006. С. 488.
- ¹⁰ См.: Там же.
- ¹¹ Там же. С. 491.
- ¹² См.: Встречи с прошлым. М., 1983. Вып. 1. С. 167—168.
- ¹³ Там же. С. 168—169.
- ¹⁴ *Кац Г.* Дни-дороги. Ростов н/Д, 1927. С. 10.
- ¹⁵ Литературное обозрение : спец. вып. С. 98.

- ¹⁶ См.: Вечерняя Москва. 1934. 19 янв.
- ¹⁷ См.: Литературная газета. 1934. 6 февр.
- ¹⁸ См.: Там же. 14 февр.
- ¹⁹ *Кузьмин В.* О рабочем жилищном строительстве // Современная архитектура. 1928. № 3. С. 82.
- ²⁰ *Кантор А.* Фантастика, романтика, экзотика, эротика... // Литературное обозрение : спец. вып. С. 102.
- ²¹ Строительство Москвы. 1924. № 4. С. 48.
- ²² *Коллонтай А. М.* Любовь пчел трудовых. М. ; Пг., 1923. С. 43.
- ²³ См.: *Мандельштам Н. Я.* Воспоминания : вторая книга. М., 1990. С. 357, 122, 93.
- ²⁴ *Гребельский З. В.* Федор Раскольников. М., 1988. С. 62.
- ²⁵ *Матич О.* Суэта вокруг кровати // Литературное обозрение : спец. вып. С. 82. Ясно, что при таких отношениях дети совершенно не вписывались в ценностную систему координат Маяковского, известного также своим шокирующим высказыванием: «я люблю смотреть, как умирают дети».
- ²⁶ *Мандельштам Н. Я.* Указ. соч. С. 135.
- ²⁷ См.: Встречи с прошлым. М., 1983. Вып. 1. С. 149.
- ²⁸ См.: Там же. 1976. Вып. 2. С. 198.
- ²⁹ *Найман А. Г.* Рассказы о Анне Ахматовой. М., 2002. С. 427.
- ³⁰ *Мандельштам Н. Я.* Указ соч. С. 122.
- ³¹ Там же. С. 112.
- ³² *Ландау-Дробанцева К.* Академик Ландау : как мы жили : воспоминания. М., 2003. С. 63.
- ³³ Там же. С. 56.
- ³⁴ Там же. С. 131.
- ³⁵ *Френкель З. Г.* Записки о жизненном пути // Вопросы истории. 2007. № 6. С. 73.
- ³⁶ *Ландау-Дробанцева К.* Указ. соч. С. 91.
- ³⁷ *Емельянова И.* Пастернак и Ивинская. М., 2006.

В. М. Кузьмина

О РОЛИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В СССР

На XIV съезде ВКП (б) (1925 г.) был взят курс на обеспечение экономической самостоятельности СССР на основе индустриализации страны, развития производства средств производства, в том числе отечественного машиностроения. Отметив наличие двух уклонов от линии партии в соотношении между классами — недооценку дифференциации в деревне и ее переоценку, съезд признал главной опасностью преувеличение темпов классового расслоения в деревне, недооценку середняка¹. В этих условиях необходимо было предпринять дополнительные меры по увеличению притока средств из сельского хозяйства в промышленность и людских ресурсов из деревень в город.

В обществе, в том числе и в Центрально-Черноземных районах, в 1928—1929 гг. начало нарастать напряжение. Происходили кратковременные забастовки, правда, не отличавшиеся значительным числом участников. На некоторых заводах и собраниях рабочие принимали резолюции, содержавшие требования повышения заработной платы, пересмотра норм и расценок.

Придя к власти, И. В. Сталин ставил перед собой две цели: 1) воплощение советско-социалистического общественного идеала, т. е. создание полностью поглощающего общество государства и послушной вождю элиты и 2) индустриальную модернизацию, выступавшую одновременно и как средство достижения первой цели и как самостоятельная историческая задача. В основе данной программы лежал выбор одного приоритетного направления в развитии экономики — тяжелой индустрии. Все ресурсы страны концентрировались на этом магистральном

© Кузьмина В. М., 2014

Кузьмина Виолетта Михайловна — кандидат исторических наук, кандидат психологических наук, доцент кафедры международных отношений и государственного управления Юго-Западного государственного университета (Курск). kuzmina-violetta@yandex.ru

направлении². Что касается индустриальной модернизации, то в ее основные задачи входили ликвидация технико-экономической отсталости страны; достижение экономической независимости; создание мощной оборонной промышленности; первоочередное развитие базовых отраслей промышленности (топливной, металлургической, химической, машиностроения).

Еще в постановлении президиума ВСНХ СССР «О перспективах развития промышленности ЦЧО» было отмечено, что 5-летний план по ЦЧО недоучел внутренние ресурсы области и перспективы ее развития и оставил неразрешенными важнейшие задачи индустриальной модернизации³. К внутренним ресурсам относились не только людские, экономические, природные факторы, но и идеологические. Это означало, что необходимо было активизировать работу комсомольских, партийных ячеек и, конечно же, представителей интеллигенции по вопросам мобилизации населения на решение задач социально-экономического развития региона.

Поскольку районы были аграрными, то требовалось стимулировать переход крестьян в рабочие, а для этого вести непрерывную агитацию и пропаганду. В новом строящемся социалистическом обществе необходимо было совершить экономический рывок, суметь выйти на один уровень с развитыми европейскими странами, поэтому правительство выбрало курс форсированной индустриализации. Для достижения этих целей партийные работники ориентировали деятелей культуры активизировать работу с населением всеми доступными способами, методами, формами и приемами.

Первоначально работникам искусств необходимо было повысить образовательный и культурный уровень населения, что являлось основным условием его социальной мобильности, поскольку новой власти нужны были новые кадры из среды рабочих и крестьян. Именно это направление работы интеллигенции было запротоколировано на заседании при секторе искусств Наркомпроса от 13 июля 1930 г.: «...центр тяжести работы необходимо перенести в деревню и индустриальные районы, потребность у масс к искусству колоссальная»⁴. Усилия литераторов, художников, музыкантов и артистов были сосредоточены на организации кружковой и клубной работы, изб-читален, выездных концертов в села и деревни, проведении литературных и музы-

кальных вечеров, встреч населения с политическими деятелями. Воронежские поэты и писатели также были привлечены к просветительской работе, они стремились отразить новшества, вводимые советской властью, на страницах «Воронежской коммуны», «Нашей газеты». Всё это делалось благодаря литературной группе «Чернозем», в которую входили местные журналисты, писатели и поэты М. Лызлов, М. Казарцев, П. Загоровский, В. Кораблинов, И. Гилевич, А. Шубин и др.⁵

Новую крестьянскую жизнь, которую описывают в своих произведениях представители литературных объединений, можно подтвердить народным фольклором Воронежской, Курской, Орловской, Липецкой областей⁶.

Раньше темными мы были,
Ничего не знали,
А вчера у нас в избе
Горького читали.

Обострившаяся в период коллективизации классовая борьба в деревне нашла отражение как в обобщенном виде, в строчках частушек «Не грозите, кулаки, не боимся ваших гроз», «Кулаки как ни вредили, а колхозы выросли», «Кулаков всех из деревни, как метлой, повымели», так и в показе конкретных жизненных ситуаций, выражении индивидуальных переживаний. Наибольшая часть новых частушек была посвящена построению социализма, трудовым делам советского народа. На смену старым лирическим героям приходили новые — колхозник, тракторист, стахановец, комбайнер, агроном, бригадир и др. Политика индустриализации также нашла отражение в устном народном творчестве крестьян Курской, Воронежской, Тамбовской областей:

Раньше мы молились богу,
Чтобы дождик нам послал,
А теперь мы сами строим
Оросительный канал⁷.

Во-вторых, деятели культуры и искусства приняли активное участие в пропаганде достижений индустриальной модернизации. Так, в литературе, театре, живописи, кинематографе проявился особый — «производственный» жанр.

Ряд исследователей — С. Г. Кара-Мурза, Г. В. Грачев, И. К. Мельник, А. А. Андреев рассматривают пропаганду как механизм манипуляции и внушения на межличностном уровне и на уровне массового воздействия⁸. Способы управления различными социальными группами изучались такими авторами, как Г. Лассуэл, Э. Аронсон, Э. Р. Пратканис, Л. Войтасик, М. Дюверже, Г. Маркузе, О. Томсон, Т. Треверс-Хили, Р. Марлин, Э. И. С. Ниринги, У. Липпман, Р. Харрис и др.⁹

Значительный размах получила устная пропаганда. Как было заявлено на совещании директоров управления зрелищными предприятиями и театрами Центрального района РСФСР в 1929 г., «идея обслуживания рабочих и крестьянских масс должна проходить красной нитью через мероприятия государства в области искусства, начиная с общедоступных художественных произведений»¹⁰. В Центральном Черноземье были распространены доклад, выступление, лекция, отчет, сообщение, беседа, встреча, дискуссия, разговор и различные драматизированные формы. Видные деятели коммунистической партии, члены правительства, руководители и сотрудники партийного аппарата, известные представители науки и культуры, крупные писатели и журналисты, принявшие советскую власть, активно выступали перед населением. «Мне нравится наивное патриотическое тщеславие советских людей, — пишет Фейхтвангер. — Молодой народ ценой неслыханных жертв создал нечто очень великое, и вот он стоит перед своим творением, сам еще не совсем веря в него, радуется достигнутому»¹¹.

Литературные произведения, пропагандирующие рост индустриальной мощи нашей страны, находились на особом контроле не только Главлита, но и Союза советских писателей, о чем свидетельствуют его материалы и переписка с областными отделениями Курской, Воронежской, Орловской и Тамбовской областей. Показателен в этом плане пример с задержкой выпуска сборника «На новых путях» в Воронеже «из-за очерков О. Кретовой и Б. Пескова, акцентирующих внимание на теневых сторонах строительства магистрали Москва — Донбасс». Ситуация комментируется следующим образом: «В настоящее время этот вопрос является предметом специального обсуждения Обкома ВКП (б), все материалы переданы И. М. Варейкису, секретарю

Обкома ВКП (б), решение будет вынесено в ближайшее время. Этот вопрос настолько важен, что Правление ССП (Союз советских писателей. — *В. К.*) не может пройти мимо него». Надо отметить, что задержкой выпуска не ограничились, а «направили несколько писателей-коммунистов для детального обследования положения в Воронеже»¹².

В-третьих, стратегия форсированной модернизации в советской системе была самым тесным образом связана с развитием социального творчества¹³, поскольку именно оно позволяло, несмотря на диктат и террор, не допускать социальной напряженности в стране.

Правительство поддержало, а интеллигенция приняла активное участие еще в одной кампании, которая должна была направить энергию трудового народа не только на стройки страны, но и в самодеятельность.

Благодаря желанию интеллигенции работать с населением как в стенах государственных учреждений культуры, так и за их пределами, было организовано большое количество кружков, клубов. Само руководство пошло по пути создания благоприятных условий для культурного просвещения масс и семейного отдыха через создание домов и дворцов культуры, Дома Красной армии, домов народного творчества.

Вслед за дворцами в Воронеже, Курске, Тамбове, Борисоглебске, Ельце, Обояни, во многих уездных городах и рабочих поселках региона открываются пролетарские клубы самодеятельности; в них также начали функционировать разнообразные духовые и народные оркестры, хоровые и танцевальные кружки, театрализованная живая газета «Синяя блуза», агитационно-пропагандистские концертные бригады¹⁴. Несмотря на многие трудности, вызванные нехваткой материальных средств, музыкальных инструментов, нот, квалифицированных организаторов самодеятельного движения и музыкально-грамотных руководителей кружков и секций, в 20-е гг. они успешно продолжали втягивать в сферу художественного творчества всё большее число тружеников заводов, фабрик, перерабатывающей промышленности, строителей, транспортников, коммунальщиков.

Именно о подобных формах работы говорилось в докладе о пятилетке развития самодеятельного искусства РСФСР от 7 июля

1930 г.: «...признать правильной линией на усиление темпов развития самодеятельного искусства города и деревни как одного из возможных факторов социалистического строительства и культурной революции»¹⁵.

Центральный комитет в ряде постановлений, принятых в период индустриальной модернизации, обращает внимание партийных организаций на необходимость широко развивать инициативу и самодеятельность трудящихся в культурной жизни. На регулярных совещаниях отделов пропаганды и агитации обкомов ВКП (б) с 1934 по 1936 г. отмечалась нерешенность проблемы подготовки кадров как для городских учреждений культуры, так и для районных.

В-четвертых, как элемент объединения государства с простыми гражданами для решения насущных проблем, у населения культивировалось чувство сопричастности ко всем социальным процессам, происходящим в стране.

Представители художественной интеллигенции выступали с пропагандой социалистического строительства перед различными категориями населения со спектаклями и на концертах-митингах.

12 августа любителями Калаисского культпросвета (Тамбов) был поставлен спектакль «Не всё коту масленица». В начале представления выступили несколько ораторов, ярко обрисовавших тяжелое внутривополитическое положение страны (в то время голодовкой были охвачены главные зерновые районы Советской Республики, в том числе Поволжье, из-за страшной засухи летом 1921 г.). Как отмечала газета, зрители остались вполне удовлетворены спектаклем. «Публика отнеслась к оказанию помощи голодающим сочувственно и, несмотря на будничность, шла на спектакль». Сбор, 94 тыс. руб., был отправлен для оказания помощи голодающим Поволжья¹⁶. Как показывают архивные документы, «всего музсекцией подотдела искусств с 1 сентября 1920 по 15 февраля 1921 г. было дано:

— 16 общедоступных и бесплатных концертов для профсоюзов;

— 115 концертов для различных организаций, госпиталей, лагерей;

— 2 концерта с музыкальной иллюстрацией для учащихся;

— 3 концерта для детских домов»¹⁷.

Как правило, это были бесплатные концерты, поскольку их основное предназначение состояло не только в просвещении народа, но и в стремлении мобилизовать рабочих, крестьян, служащих на активную работу в новом социалистическом государстве, донести до них мысль самим стать строителями новой жизни.

В-пятых, самую высокую социальную оценку получало достижение новых технических и социальных результатов, любых творческих успехов — на производстве, в науке или искусстве, в здравоохранении или воспитании подрастающего поколения¹⁸.

Одним из наиболее широко пропагандируемых как в прессе, так и в литературе, живописи, художественном кинематографе, драматургии было стахановское движение. Такие картины А. Дейнеки, как «Донбасс», «На просторах подмосковных строек», «Трактористы», «Стахановцы», являются ярким тому подтверждением. Ш. Фицпатрик замечает, что пропаганда стахановского движения в Советском Союзе работала отлично¹⁹. Это не только пресса, но и художественные и документальные фильмы, книги и картины о «маленьких героях», простых людях²⁰.

Среди народа появляются многочисленные частушки, в которых отражены особенности социалистического соревнования или стахановского движения:

Я — стахановка в колхозе,
Получила премию.
Мой миленочек уехал
В сельхозакадемию²¹.

Несмотря на широкую пропаганду этого движения, оно было недолговечным, в отличие от социалистического соревнования.

Стахановское движение, широко пропагандируемое деятелями культуры и искусства, также находит свое отражение в кинематографе, что обеспечивает еще один путь к трудовой мобилизации народа в условиях индустриальной модернизации²². Так, ударный стахановский труд позволял крестьянам занять руководящие позиции в своем собственном колхозе. Эта возможность одинаково была доступна и мужчинам и женщинам. Карьерный рост выражался в общественном признании, транслируемом через средства массовой информации (заметка с фотографией в газете), в наградах и дарах (закреплявших за ударником высокий

социальный статус, отмеченный и особым стилем, и уровнем потребления), а также в форме делегирования на различные всесоюзные мероприятия, проходившие в Москве (фильм «Свинарка и пастух», реж. И. Пырьев, 1941).

Благодаря подобным литературным, кинематографическим произведениям воспитывалось поколение рабочих, чувствовавших свое единение с индустриальной модернизацией, проходившей в стране, ответственность за ее темпы. Это осознавали видные деятели культуры и искусства, но проблема состояла в том, что нужно было на высоком как идейном, так и профессиональном уровне донести идеи индустриальной модернизации до советских граждан. Эту мысль четко обозначил в своем выступлении А. Довженко на совещании кинороботников в редакции «Правды» 23 ноября 1935 г. Для него наиболее важными являлись две проблемы — «это вопрос колхозников и стахановцев и вопрос обороны». Именно их необходимо было решать, в том числе и художественной интеллигенции, поскольку в то время они являлись важнейшими для государства²³.

И. В. Сталин отметил значимость деятельности работников культуры в условиях индустриальной модернизации следующими словами: «Советская интеллигенция преданно работает на дело обороны нашей страны, непрерывно совершенствует вооружение Красной Армии, технику и организацию производства. Она помогает рабочим и колхозникам в подъеме промышленности и сельского хозяйства, двигает вперед в условиях войны советскую науку и культуру»²⁴. В 1939 г. правительство наградило орденами 172 писателей. Литераторы обладали реальной возможностью воздействовать на сознание простого крестьянского и рабочего населения, но и без других представителей художественной интеллигенции невозможно было бы добиться такого уровня мобилизации населения для решения задач индустриальной модернизации, какой был достигнут к концу 1930-х гг.

Анализ представленных архивных документов наглядно показал, что, с одной стороны, партия использовала работников искусств для проведения политики индустриальной модернизации в стране в плане пропаганды производственных достижений, приобщения к ним каждого советского человека, развития социальной активности и творчества граждан страны, но, с другой

стороны, интеллигенция и сама понимала значимость своей деятельности для проведения индустриальной модернизации и формирования нового мировоззрения граждан, что обеспечило появление выдающихся произведений искусства, которые стали советской классикой, они актуальны по-своему и сегодня.

Примечания

- ¹ *Горинов М., Цакунов С.* 20-е годы: становление новой экономической политики // История Отечества: люди, идеи, решения : очерки истории советского государства. М., 1991. С. 118.
- ² Модернизация в СССР и России (30—90-е годы). URL: <http://www.market-pages.ru/modern/8.html> (дата обращения: 28.03.2014).
- ³ Государственный архив Воронежской области. Ф. 842. Оп. 3. Д. 18. Л. 9—10.
- ⁴ Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 645. Оп. 1. Д. 149 (2). Л. 103. Микрофотокопия.
- ⁵ Коммуна : информ. портал Воронежа и Воронежской области. URL: http://www.communa.ru/index.php?ELEMENT_ID=4412 (дата обращения: 28.03.2014).
- ⁶ Частишки Черноземья / под ред. С. Г. Лазутина. Воронеж, 1970.
- ⁷ Там же.
- ⁸ См., напр.: *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. М., 2004 ; *Грачев Г. В.* Манипулирование личностью. М., 2003.
- ⁹ См., напр.: *Аронсон Э.* Эпоха пропаганды : механизмы убеждения : повседневное использование и злоупотребление. СПб., 2003 ; *Войтасик Л.* Психология политической пропаганды. М., 1981 ; *Харрис Р.* Психология массовых коммуникаций. СПб., 2003 ; и др.
- ¹⁰ РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 103 (1). Л. 52. Микрофотокопия.
- ¹¹ *Фейхтвангер Л.* Москва, 1937. М., 1937. С. 62.
- ¹² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 5. Д. 196. Л. 6.
- ¹³ *Колганов А.* Три модернизации в России и наше время // Золотой лев. № 69—70. URL: http://www.zlev.ru/69_64.htm (дата обращения: 28.03.2014).
- ¹⁴ *Лобова Н., Пермяк Е.* Живая театрализованная газета. М. ; Л., 1932.
- ¹⁵ РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 149 (2). Л. 127. Микрофотокопия.
- ¹⁶ Известия. 1921. 17 авг.
- ¹⁷ См.: Государственный архив Курской области. Ф. Р. 309. Оп. 3. Д. 282. Л. 22.
- ¹⁸ *Колганов А. И.* Опыт четырех модернизаций в экономике России и проблема догоняющей модернизации в постиндустриальную эпоху. URL:

http://www.volsu.ru/RES_C/VGI/nauchnye/conference/4_conference_2001/ot_scilly_k_kharibde/kolganov-gu-opyt_4_modernizacii.pdf (дата обращения: 10.10.2012).

- ¹⁹ *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм : социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008. С. 90.
- ²⁰ *Clark K.* The Soviet Novel: History as Ritual. Chicago, 1985. P. 136—141.
- ²¹ Частушки Черноземья.
- ²² *Пономарева Д. А.* Потемкинская деревня : крестьянский мир сталинского кинематографа // Отечественные записки. 2004. № 2.
- ²³ Стенограмма совещания киноработников в редакции газеты «Правда» с участием А. П. Довженко // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 386. Оп. 1. Д. 62. Л. 1, 20, 29, 32. Машинописный текст. URL: http://www.archives.gov.ua/Sections/Dovzhenko_2/RGASPI/index.php?42 (дата обращения: 28.03.2014).
- ²⁴ *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950. С. 118.

ББК 83.3(2=411.2)6-444.512

В. В. Комиссаров

ДИСКУССИИ В СРЕДЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ О СОЦИАЛЬНЫХ ФУНКЦИЯХ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Период 1960—80-х гг. составил новый этап в развитии советской научной фантастики. На это время приходится пик популярности научно-фантастической литературы в СССР. Отечественный литературовед и критик Всеволод Ревич отмечает следующую специфику развития «оттепельной» фантастической прозы: «Интеллигенция делает попытку добиться в своей стране хотя бы сносных условий существования. Рождается мощное движение шестидесятников. Неожиданно для всех одной из со-

© Комиссаров В. В., 2014

Комиссаров Владимир Вячеславович — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин ФГБОУ ВПО «Ивановская государственная сельскохозяйственная академия имени академика Д. К. Беляева». cosh-kin@mail.ru

ставных и существенных частей движения становится фантастика, до тех пор уютно коротавшая время в комнате развлечений для детворы... Фантастика 60-х была попыткой убежать от мертвечины, от лжи, которой пробавлялась советская литература в течение десятилетия»¹. Научно-фантастическая литература 1960—70-х гг. стала заметным явлением духовной жизни общества. Об этом свидетельствует рост авторов и публикаций: за период с 1957 по 1967 год текущая издательская продукция советской фантастики выросла в три раза². Научно-фантастическую литературу в СССР издавали около 20 издательств — центральных, республиканских, областных. Ее регулярно печатали более 50 журналов и газет, многие из которых выходили миллионными тиражами³. Естественно, что эти процессы активизировали споры о социальных функциях научно-фантастического жанра. Обсуждались самые разные проблемы, среди них: научность фантастики, ее прогностические возможности, степень социального и политического звучания. Автор данных строк уже писал о роли научной фантастики в жизни советской интеллигенции⁴. Но весьма важным представляется вопрос о том, в чем советские интеллигенты усматривали функции фантастической литературы, как видели социальное и общественно-политическое звучание жанра.

Дискуссия о степени научности научной фантастики длится, вероятно, с момента возникновения жанра. В рамках этого спора были высказаны самые разные точки зрения. Например, известный российский и советский геолог и путешественник, автор фантастических романов «Плутония» и «Земля Санникова» академик В. А. Обручев отмечал: «Хороший научно-фантастический роман должен быть правдоподобен, должен внушать читателю убеждение, что все описываемые события при известных условиях могут иметь место, что в них нет ничего сверхъестественного, чудесного. Если в романе нагромождены разные чудеса — это уже не роман, а сказка для маленьких детей, которым можно рассказывать всякие небылицы»⁵. На схожих позициях стоял И. А. Ефремов: «Изъять науку из фантастики — значило бы возвратиться к фантазированию дорелигиозного типа, к кострам палеолитических пещер, где бывалые охотники рассказывали страхи про крылатых драконов и белых единорогов. <...> Нарушается логика, причинность, диалектика, все летит в тартарары во имя

отрыва от науки. Можно не сомневаться, что это мнимое освобождение не приведет литературу ни к чему другому, как к деградации»⁶. С этими точками зрения солидаризировался советский физик В. Смилга: «В научно-фантастическом романе позволено почти все. Не разрешается только откровенная безграмотность, откровенное пренебрежение законами природы»⁷. Смилге возразил Станислав Лем, который столь часто выступал в советской печати, что может рассматриваться как представитель интеллигенции СССР. Знаменитый польский фантаст писал: «Можно на-выдумывать множество научных гипотез (по крайней мере, претендующих называться научными), необычайно фантастических, которые, тем не менее, с писательской точки зрения ничего не будут стоить. <...> Целью фантастики вовсе не является соперничество с наукой в реальном познании законов, управляющих материальным миром; она всего лишь конструирует определенные ситуации, которые должны проиллюстрировать воздействия, следствия, результаты определенных открытий, изобретений и т. д. для человека и общества на определенном этапе исторического развития»⁸. Несколько иначе представляется научность фантастики современной исследовательнице — философу А. Н. Фетисовой: «На современном этапе развития науки и техники происходит сближение восточной традиции и западных научных исследований, пересмотр, и даже отказ от европоцентристской концепции и реабилитации других форм знания, в частности интуитивного постижения реальности. Научное знание включает не только объект, но и субъект познания, что еще больше сближает науку с литературой, научное и художественное познание. Научно-фантастическая литература сочетает в себе эти два вида духовных практик, выступая своеобразным полигоном по выдвиганию и художественному осмыслению глобальных гипотез»⁹.

Значение научной фантастики как инструмента прогностики не однозначно и оспаривается рядом авторов. Например, популярнейшие советские писатели братья Стругацкие отрицали провидческое значение научной фантастики. «Братья Стругацкие были невысокого мнения о прогностических возможностях фантастики, — говорил Борис Стругацкий в своем последнем радиointервью с М. И. Веллером. — Я и сейчас считаю, что фантастика ничего предсказывать толком не может, кроме банальностей,

или очевидностей, или случайностей»¹⁰. Достаточно критично решал эту проблему другой советский фантаст и литературовед Георгий Гуревич: «Из короткого перечня... явствует, что фантастика с достаточной уверенностью предсказывала темы изобретений, но не угадывала, или с трудом угадывала новые открытия на Земле и в космосе, новые источники энергии, новые свойства вещества, которые позволяли бы выполнить общественный заказ». И далее он резюмирует: «Стало быть, главный козырь художника, рисующего будущее, в слове “надо”. Если он описывает то, что надо людям, рано или поздно это осуществится»¹¹.

Более оптимистично оценивал прогностические возможности фантастики литературовед А. Ф. Бритиков: «За сто с лишним лет (считая с первых романов Жюль Верна) научная фантастика выработала довольно совершенный инструмент предвиденья. Он представляет особый интерес для моделирования внутреннего мира человека и человеческих отношений, и не только в научной фантастике, так как прогнозирование вместе с другими элементами научного мышления проникает в методологию искусства в целом»¹². Также исследователь попытался определить методы научно-фантастического прогнозирования: «Первоначально едва ли не единственным методом фантаста была интуиция, т. е. стихийная догадка, — писал А. Ф. Бритиков. — Затем появилась экстраполяция — мысленное продолжение какой-либо тенденции в будущее в соответствии с ее внутренней закономерностью... Экстраполяцию уточняет аналогия — когда прогноз ведется на основе исторических параллелей. На этих “трех китах” — интуиции, экстраполяции и аналогии — стоит и современная научная прогностика»¹³.

Очень высоко оценивает провидческую роль фантастической литературы современный исследователь Е. В. Цветков: «Прогностическая функция социально-культурного института научно-фантастической литературы сводится не только к созданию новых идей, разрешающих существующие научно-технические проблемы, но и тем, которые еще не поставлены современными наукой и техникой или еще не стали предметом интенсивных научных исследований и технических разработок. Научная фантастика предвосхищает научные и интеллектуальные достижения общества, выражает тенденции, которые скрываются

в коллективном бессознательном, но со временем будут сформулированы философами, учеными, общественными лидерами»¹⁴.

Некоторые фантасты серьезно занимались футурологией и прогностикой. Социальные прогнозы занимали важное место в творчестве Г. Уэллса. Футуристические произведения есть в арсенале С. Лема. Масштабные технологические прогнозы были сделаны в середине 1960-х гг. Артуром Кларком. На его примере можно проследить степень достоверности подобных предсказаний. Наиболее точными оказались краткосрочные прогнозы. А. Кларк предрекал, что на рубеже 1960—70-х гг. произойдет высадка людей на Луну, создание космических лабораторий (орбитальные станции), машинный перевод. Всё это можно считать сбывшимся, пусть и не в полной степени. Далее достоверность заметно снижается. Английский фантаст полагал, что к 1980-м гг. люди станут высаживаться на планеты, освоят гравитационные волны, а в 2000-х гг. начнут заселение планет, создадут искусственный интеллект, добычу ископаемых из моря (имеется в виду не шельфовая добыча нефти и газа, а извлечение полезных элементов из морской воды)¹⁵. Здесь видный фантаст был посрамлен текущей реальностью. Впрочем, его отдельные прогнозы всё-таки сбылись: Всемирная библиотека, в качестве которой можно рассматривать современный интернет, персональные радиоустройства (современные миниатюрные гаджеты), сенсорные устройства.

Из советских писателей технологическим прогнозированием пытался заниматься Г. И. Гуревич, подготовивший на исходе советского периода книгу, где предлагал свою систему предсказаний новых открытий и изобретений. Однако его прогнозы совершенно не затрагивали социальных вопросов¹⁶.

Конечно, в условиях советского общества диапазон дискуссии был искусственно заужен. Хотя бы потому, что существовал неофициальный запрет на такие виды фантастики, как фэнтези или боевая космическая фантастика. В кругах советской науки скептически воспринималась футурология. Да и социальный прогноз приветствовался в том случае, если он не вступал в противоречие с господствовавшей идеологией. Тем не менее, дискуссия по поводу социальных функций фантастической литературы стала важной площадкой обсуждения, где интеллигенция могла реализовать ряд своих функций, среди последних — программно-

стратегическая функция, рефлексия важнейших общественных проблем, критика существующих тенденций, особенно в тех сферах, которые были вне поля официальной критики по политико-идеологическим соображениям.

Примечания

- ¹ *Ревич В.* Попытка к бегству // Если : журнал фантастики и футурологии. 1996. № 4. С. 92—93
- ² *Кайтох В.* Братья Стругацкие : очерк творчества // Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Бессильные мира сего : сб. Донецк, 2003. С. 437—438.
- ³ Записка отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС о недостатках в изданиях научно-фантастической литературы // Знание — сила. 1993. № 7. С. 90.
- ⁴ *Комиссаров В. В.* Научно-фантастическая литература в жизни советской интеллигенции 1940—1980-х гг.: некоторые социально-исторические аспекты. Иваново, 2010. С. 34—36.
- ⁵ *Обручев В. А.* Плугония ; Земля Санникова. М., 1958. С. 5.
- ⁶ *Ефремов И. А.* Интервью из академии горя и радости // Техника — молодежи. 1971. № 1. С. 19.
- ⁷ *Смилга В.* Фантастическая наука // Знание — сила. 1964. № 12. С. 22.
- ⁸ *Лем С.* Фантастика и наука // Там же. 1965. № 6. С. 40—42.
- ⁹ *Фетисова А. Н.* Научная фантастика в условиях модерна и постмодерна: культурно-исторические аспекты : дис... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2008. С. 134.
- ¹⁰ *Веллер М. И.* Друзья и звезды. М., 2012. С. 75.
- ¹¹ *Гуревич Г. И.* Беседы о научной фантастике. М., 1991. С. 117.
- ¹² *Бритиков А. Ф.* Русский советский научно-фантастический роман. Л., 1970. С. 12.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ *Цветков Е. В.* Научная фантастика как способ конструирования социальной реальности (социально-философские аспекты) : дис. ... канд. филос. наук. Архангельск, 2009. С. 161—162.
- ¹⁵ *Кларк А.* Черты будущего. М., 1966. С. 283—285.
- ¹⁶ *Гуревич Г. И.* Люция будущих открытий. М., 1990.

ББК 60.543.132.1

Э. Б. Ершова

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ О РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ XX — НАЧАЛА XXI ВЕКА

В первые десятилетия XXI в. во многих направлениях российской науки стали преобладать точки зрения о том, что российская интеллигенция вырождается, переходит в разряд интеллектуалов западного образца, что в ней уже нет того духовного начала, которое было у российской интеллигенции в XIX—XX вв., ибо отсутствует всегдашняя боль за народ, за его бесправие, но идет засилье чиновничества с высшим образованием, для которого главное в жизни обогащение, нажива при любых возможных обстоятельствах. Жизнь первых десятилетий XXI в. дает много тому примеров. Каждый день в СМИ идут сводки о коррупциях и коррупционерах от высокого до низшего ранга. Среди чиновников редко можно встретить интеллигентного человека, умеющего корректно и уважительно говорить и беседовать с пришедшими к нему со своими проблемами людьми.

© Ершова Э. Б., 2014

Ершова Эльвира Борисовна — доктор исторических наук, профессор, действительный член Академии гуманитарных наук РФ, академик, эксперт Консультационно-методического центра ФГБОУ ВПО «Государственный университет управления» (Москва). elvira40@inbox.ru

Статья была подготовлена известным исследователем интеллигенции Э. Б. Ершовой к юбилею В. С. Меметова, который отмечался в феврале сего года. Однако затрагиваемые в ней проблемы гораздо шире, чем предполагается в юбилейных материалах, поэтому редколлегия сочла возможным опубликовать эту работу в отдельном разделе настоящего номера.

И как бы Президент В. В. Путин ни призывал государственных служащих быть внимательными к тяготам и нуждам населения, всё это уходит в никуда, в воздух, в песок, а грубость и нежелание решать сложные вопросы людей продолжают преобладать в государственных структурах любого уровня. Поэтому неудивительно, что народ не воспринимает современную интеллигенцию как таковую, но с благодарностью вспоминает ту, что была «когда-то»: своих учителей, врачей, ученых, художников, актеров, музыкантов и т. д., потому что видели от них только добро и интерес к их духовным запросам, трудностям и заботам.

Не потому ли множество ученых, исследователей российской истории постоянно обращаются к прошлому этого слоя общества, изучают формирование самых различных групп интеллигенции по разным направлениям: регионам, профессиям, характеристике личностей, вкладу в науку и технику, в образование и здоровье людей и т. д.

Начало исследованиям интеллигенции России положили труды классиков советской истории 1960—70-х гг. М. П. Кима, С. А. Федюкина, В. С. Меметова, В. Т. Ермакова, Г. А. Матвеева, В. Л. Соскина и многих других. За ними двинулись историки 1980—90-х гг., а с начала второго тысячелетия идет третья волна исследователей, многие из которых выросли еще в первом и втором поколении, но продолжают совершенствовать свои знания по теме. Все они изучают российскую интеллигенцию в разных ее ипостасях, на самых различных уровнях, в разные периоды времени, и ни у кого из них не совпадают точки зрения, ибо наша российская интеллигенция при наличии каких бы то ни было общих черт, всё же в большей степени индивидуальна. В нашей России (автор статьи неоднократно повторяла это на самых различных конференциях по данной тематике) интеллигенцию невозможно свести к единому шаблону, ее необходимо изучать по отдельности, и даже по личностям с разных сторон. Она настолько объемна по своей значимости и многоаспектна по результатам своего вклада во все сферы жизни общества, что одно только перечисление их позволит понять ее роль в развитии народов нашей страны. Эти факторы свидетельствуют, что тема остается актуальной и научно значимой для дальнейшего исследования.

Огромное значение для широкой разработки этой темы имело создание профессором Ивановского университета Валери-

ем Сергеевичем Меметовым научного Центра по изучению политической культуры интеллигенции в начале 1990-х гг. С того времени Центр несколько раз был реорганизован, менял название, из которого не уходило слово «интеллигенция».

Большим достижением Центра, помимо публикаций материалов, проводимых ежегодно международных конференций, стал выпуск с 2001 г. журнала «Интеллигенция и мир», в котором представлены самые разные точки зрения маститых и молодых ученых.

Это очень важно для всех тех, кто с 1960-х гг. активно стал изучать историю российской интеллигенции в целом, и национальной в том числе, путей ее формирования, деятельности в разных сферах общественной и производственной жизни страны, ее значимости для развития российской и советской культуры, системы образования как среднего и средне-специального, так и высшего в различные исторические периоды.

Начало 1990-х гг. для историков было сложным временем: во-первых, стали доступны для изучения многие архивные источники, о которых мы могли только догадываться; во-вторых, в книжных магазинах появились произведения западных авторов и российских диссидентов, которые также давали новый импульс для понимания проблемы. На все эти вызовы необходимо было отвечать, представлять объективный анализ тех материалов, либо подтверждая их правоту, либо отрицая и тогда доказывая свою точку зрения.

Исходя из вышеизложенного попытаемся показать в данной статье проблемы и выводы современных исследователей о российской интеллигенции XX — начала XXI в., их взгляды на нее по разным параметрам. Безусловно, автор не стремилась дать очень глубокий анализ всем исследованиям, которые уже существуют в российской историографии, но, как говорят в народе, хотела пробежаться по некоторым из них, что позволит увидеть интереснейшую историческую картину точек зрения ученых на российскую интеллигенцию XX—XXI вв.

Целый ряд важнейших аспектов истории российской интеллигенции XX — начала XXI в. проанализировал О. В. Золотарёв¹. Им, в частности, рассмотрены вопросы, связанные со становлением и развитием советской интеллигенции². Исследователь справедливо отмечает, что советская эпоха характеризова-

лась весьма непростыми отношениями власти с интеллигенцией. Причем самое серьезное влияние на эти взаимоотношения оказывали как обстоятельства частной жизни, так и политическая ситуация. Особенно сложным взаимодействие власти и интеллигенции было в начальный период существования советской власти. Во многом это объяснялось неоднородностью интеллигенции в политическом плане, соотношении группировок внутри интеллектуального слоя быстро менялось. Именно поэтому О. В. Золотарёв особое внимание уделяет проблемам становления советской интеллигенции в 1920—30-е годы³ (в том числе и анализу становления национальной интеллигенции⁴).

Значительное место уделено О. В. Золотарёвым истории постсоветской интеллигенции, в частности анализу современной ситуации в среде интеллигенции, рассмотрению споров, разгоревшихся в современной публицистике по вопросам судьбы российской интеллигенции. Он отмечает, что последние события показали — российская интеллигенция способна влиять на политическую ситуацию в стране, а власть, хотя и унижает интеллектуалов в постсоветский период, всё же не в состоянии обойтись без интеллигенции. По мнению исследователя, российская интеллигенция постепенно возвращает свои позиции и начинает превращаться в одну из знаковых групп меняющегося российского общества⁵.

С последним замечанием уважаемого исследователя автор статьи не может согласиться, так как то, что происходит сейчас с профессорско-преподавательскими, учительскими кадрами в высших и средних учебных заведениях, говорит об обратном, ибо фактически думающих и активно действующих профессоров просто выводят за штат в некие структуры, давая им своего рода возможность доработать до окончания трудового соглашения, а затем, основываясь на отсутствии достаточных финансовых средств, объявляют, что идет сокращение штатов, увеличение почасовой нагрузки на всех, и предлагают просто уйти на пенсию, заменяя при этом их на так называемых «тьюторов». Но это разговор для более серьезной дискуссии, которая, мы надеемся, состоится в Ивановском Центре НИИ интеллигентоведения.

Интересные выводы по различным аспектам проблем интеллигенции как всероссийской, так и Европейского Севера сделала Ф. Х. Соколова. Большинство ее научных интересов относится

к изучению роли и судеб интеллигенции Европейского Севера в годы Гражданской войны и НЭПа, когда мнения на происходившие события разделяли ее и разводили по разным сторонам идейных границ. Результаты этих событий известны в общем плане, и Европейский Север тоже не оставался в стороне⁶.

Но Ф. Х. Соколова не обошла своим вниманием и современное положение интеллигенции. В ряде статей она показала взгляды интеллигенции на современную модернизацию страны, взаимоотношения власти и интеллигенции современной России (на примере Архангельской области) и др. Ее характеристика современности раскрывает сложности точек зрения и настроений интеллигенции Европейского Севера, основывающихся на существующих особенностях этого региона⁷.

В ряде публикаций автора этой статьи была дана характеристика самых различных черт российской и белорусской интеллигенции разных периодов XX в.: от формирования национально-освободительных идей до традиционализма и рациональности в ее духовном сознании и творческой деятельности, участии в культурном развитии. Много уделено внимания национальной толерантности интеллигенции, межэтническим отношениям в ее среде и т. д.⁸

Особенностям формирования национальной интеллигенции в Восточной Сибири в начальный период социалистического строительства посвятила свои публикации профессор Хакасского государственного университета Н. Я. Артамонова, дав в них анализ общих и частных особенностей условий и путей формирования интеллигенции Хакасии и в целом народов Восточной Сибири. Например, она в их числе выделяет такие, как культурная отсталость, отсутствие письменности, слабо развернутая сеть школ, сплошная неграмотность населения, значительное преобладание сельского населения, отсутствие промышленных рабочих из хакасов и т. д. Всё это в полной мере относится и к другим коренным народам Сибири. Помимо этого на культурное строительство и формирование интеллигенции в указанных районах повлияла временная победа белого режима в Сибири. Последний фактор сыграл немаловажную роль в задержке сроков и определении процесса формирования интеллигенции, да и в целом повлиял на культурные преобразования в Сибири⁹.

О проблеме правовой культуры интеллигенции дореволюционного периода писал в учебном пособии «История России IX — начала XXI в.» Б. Н. Земцов¹⁰. Он подчеркнул, что основой мировоззрения интеллигенции того периода являлись атеизм, рационализм, индивидуализм, культ личных прав и свобод без каких-либо обязанностей, что все направления революционного движения — народники, марксисты, эсеры — отрицали необходимость права, а правосознание интеллигенции представляло собой искаженное национальное отражение европейской культуры. Это ошибочное восприятие порождалось отсутствием в стране политических свобод, что не позволило правильно определить чаяния народа и собственные цели. Проблему будущего социалистического права никто из социалистов не разрабатывал. Даже в кругах юристов трудно было найти кандидатов на должности прокуроров — все рвались в адвокаты. Новая система взглядов начала формироваться в начале XX в. в виде неолИБерализма. Однако идеологическое влияние этого течения оказалось очень слабым.

Достаточно много исследований, касающихся профессиональной интеллигенции — медицинской, журналистской, художественной, научной. В публикациях по этому направлению рассматриваются особенности формирования, профессиональной и общественно-политической деятельности интеллигенции в разные периоды жизни России.

Проблемы профессионального становления молодой художественной интеллигенции, обретение социального опыта, участие в творческом процессе, влияние творческих союзов и организаций на формирование исполнительских навыков рассматривает доктор исторических наук, профессор А. Д. Бородай. Автор уделяет внимание развитию системы художественного образования, сохранению и развитию творческих школ в различных видах искусства, поддержанию высокого имиджа представителей молодого поколения российского искусства на мировой сцене. Одним из важных выводов, который представлен в исследованиях, является сохранение лидерства в мировом искусстве как фактора эффективной системы профессиональной подготовки из трех уровней, высокой школы педагогического мастерства, многолетних культурно-творческих традиций¹¹.

Аспекты формирования и деятельности военной, земской медицинской интеллигенции рассмотрела Л. А. Жукова¹²,

журналистам посвятила диссертацию и публикации Ю. П. Надехина¹³, об ученых-интеллигентах написала Т. Р. Суздалева¹⁴, историю художественной интеллигенции в различных ее ипостасях изучают молодые ученые А. А. Веселов¹⁵ и Е. Н. Крякин¹⁶. Новизна исследования А. А. Веселова прослеживается в изучении создания на рубеже XIX—XX вв. законодательства для творческих сообществ, в частности художников. Эта тема фактически не рассматривалась в российской историографии. Е. Н. Крякин буквально на острие проблем национальных отношений сегодняшнего дня проецирует политику Советской власти по созданию системы обучения и воспитания национальных кадров в Москве в 1920—30-е гг., деятельность их общественно-творческих объединений в тот период в нашей столице, что, безусловно, будет новым аспектом истории интеллигенции такого многонационального государства, каким был Советский Союз и какой остается Россия даже без бывших союзных республик.

Свою точку зрения на состав провинциальной российской интеллигенции высказала в монографии «Российская провинциальная интеллигенция в 1907—1914 гг.: социальная структура и деятельность (на материалах Самарской губернии)» Н. Ю. Кривопалова, отметившая, что в современной историографии при рассмотрении этого вопроса произошел отказ от изучения классового состава интеллигенции и был перенесен акцент на исследование ее профессионального состава, в частности особых социальных групп — духовенства, юристов и военных, а также на выделение новых видов состава интеллигенции: по социальному происхождению, ведомственного и территориального. По ее мнению, состав интеллигенции обусловлен стадией развития интеллигенции в определенный исторический период и потому она, исходя из особенностей российской провинции, выделила пять основных профессиональных слоев и соответствующих им профессиональных групп. Такой вывод автора представляет интерес, но требует дальнейшего изучения не только по Самарской губернии, но и другим регионам России¹⁷.

Российские ученые не обошли своим вниманием точки зрения эмигрантских кругов на события в Советской России в начале XX в. Так, еще в конце 1990-х гг. В. Д. Зимина в статье «Интеллигенция российского зарубежья 1920—30-х гг.: новые споры о старом» рас-

смотрела взгляды русской эмиграции на события, происходившие тогда в нашей стране. Данный ею анализ мнений и наших ученых, и уехавших за рубеж, представляет большой интерес для понимания того духовного состояния, в котором оказалась русская интеллигенция в результате своей же деятельности по будированию в массах протеста против существовавшего императорского строя¹⁸.

Автор данной статьи сделала анализ мнений западных ученых о положении российской интеллигенции после революции, которые они высказали в своих докладах на международных конференциях в 1990 г. в Институте истории РАН и в 1992 г. в Московском педагогическом государственном университете¹⁹. В большей степени западные ученые, говоря о российской интеллигенции революционного и послереволюционного периода, основывались на романе Бориса Пастернака «Доктор Живаго», именно его интерпретация происходивших событий была взята ими как непреложная истина. Общение с зарубежными историками позволяет автору сказать, что они недостаточно хорошо понимают в целом российские исторические процессы, их причины и результаты; они не такие, какие хотели бы видеть на Западе. Они могут заявлять о том, что введение земства, наличие интеллигенции уже создавало гражданское общество в России, что не соответствует исторической действительности. Но это тема для другой дискуссии.

Большую работу по историографии интеллигенции русского зарубежья осуществил екатеринбургский ученый А. А. Пронин. Его анализ зарубежных публикаций и отечественных диссертаций о российской интеллигенции отличается прекрасным знанием предмета, объективным и доброжелательным подходом к их авторам. Это прекрасная черта истинного российского интеллигента²⁰.

О самоидентификации российской интеллигенции в современных условиях новой перестройки как государства, так и общества говорят многие ученые. Профессора И. В. Сибиряков из Челябинска и О. В. Золотарёв из Сыктывкара очень четко определили в своих публикациях эти аспекты. Так, И. В. Сибиряков утверждает, что процесс самоидентификации идет сегодня в самых разных сегментах российского социума. На наш взгляд, в силу многих объективных и субъективных обстоятельств в среде российской интеллигенции он идет более динамично, чем в остальных группах. Одним из проявлений этого процесса стал

проект «Новая интеллигенция», реализованный журналистами газеты «Московские новости» в 2012 г. С его выводом о том, что современная интеллигенция нового тысячелетия еще только формируется, что время ее пока еще не наступило²¹, не только можно, но и просто необходимо согласиться, ибо меняется мир, условия жизни человека, развиваются технологии и многое другое, что заставляет человека приспособливаться ко всему тому новому, что приходит его же трудами в материальное и духовное пространство.

Очень интересные выводы о российской интеллигенции от советского периода до сегодняшнего дня по материалам электронных публикаций сделал профессор О. В. Золотарёв в статье «Новая интеллигенция?»²², размещенной в журнале «Интеллигенция и мир», которая возвращает нас к началу данного обзора, — кто мы в третьем тысячелетии: российская интеллигенция как продолжательница наших лучших традиций или «тьюторы» на службе административного, хотя и пытающегося стать правовым и демократичным, государства?

Предложенный материал не претендует на истину в последней инстанции, так как ученых, занимающихся исследованием данной темы, очень много, и не обо всех удалось сказать в небольшой публикации. Однако то, что проблема интеллигенции не сходит с исторической сцены научных исследований, уже радует и дает надежду, что придет время и эта часть российского общества обретет свое собственное правовое место в его парадигме.

Примечания

¹ Золотарёв О. В. Русская национальная идея и интеллигенция сегодня // Интеллигенция и мир. 2006. № 4. С. 30—49; *Он же*. Интеллигенция и власть: всегда в оппозиции? // Политическая культура интеллигенции и ее место и роль в жизни общества: материалы XVII междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 2006. С. 28—31; *Он же*. Российские образовательные реформы последних лет или от какого наследства мы отказываемся? // Интеллигенция и мир. 2009. № 1. С. 11—38; *Он же*. Интеллигенция, марксизм, национальный вопрос и русская революция начала XX века // Интеллигенция: генезис, формирование, становление, развитие и деятельность. Иваново, 2009. С. 33—36; и др.

² Золотарёв О. В. Интеллигенция: советская эпоха // Дискуссионные проблемы современного российского интеллигентоведения: материалы

- XXII междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 2011. С. 10—13 ; *Он же*. Интеллигенция: советские годы // Интеллигенция и мир. 2012. № 4. С. 44—56 ; и др.
- ³ *Золотарёв О. В.* Советское учительство в 1920-х годах // Интеллигенция и мир. 2009. № 3. С. 28—40 ; *Он же*. Советское учительство в 1930-е годы // Там же. 2010. № 1. С. 56—67 ; *Он же*. Интеллигенция советской России в нэповские годы // Там же. 2011. № 4. С. 31—46 ; и др.
- ⁴ *Золотарёв О. В.* Коми учительство в 1920—1930-х годах // Повседневная жизнь Коми края. Сыктывкар, 2006. Вып. 1. С. 82—103 ; *Он же*. Первое объединение коми интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2010. № 4. С. 39—46 ; *Он же*. Общество изучения Коми края // Сообщество историков высшей школы России : научная практика и образовательная миссия : материалы Всерос. науч. конф. М., 2009. С. 63—67 ; *Он же*. Политические чистки преподавательского состава Коми педагогического института в конце 1930-х годов // История и перспективы развития северных регионов России: роль ГУЛАГа, мемориальная деятельность : материалы I междунар. конф. Сыктывкар, 2011. С. 80—82.
- ⁵ *Золотарёв О. В.* Научно-технический комплекс России и преобразования конца XX века // Интеллигенция XXI века: тенденции и трансформации : материалы XIV междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 2003. С. 16—18 ; *Он же*. Постсоветская интеллигенция: после ночи приходит рассвет? // Ответственность интеллигенции в контексте времени : материалы XXIII междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 2012. С. 6—9.
- ⁶ *Соколова Ф. Х., Журавлев П. С.* 1919 год в судьбах России и мира // Родина. 2010. № 4. С. 19—20 ; *Соколова Ф. Х.* 1920 год в судьбах интеллигенции Европейского Севера России // 1920 год в судьбах России и мира : апофеоз Гражданской войны в России и ее воздействие на международные отношения : сб. материалов Междунар. науч. конф. Архангельск, 2010. С. 168—170 ; *Она же*. Интеллигенция Европейского Севера России и политический режим 1920-х гг.: мотивы служения // Отечественная и мировая интеллигенция в кризисные периоды истории : материалы XXI междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 2010. С. 197—200 ; *Она же*. 1921 год в судьбах России и Европейского Севера: от Гражданской войны к послевоенному миру и новым международным отношениям // Вестн. Помор. ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 6. С. 159—161 ; *Она же*. Переход к политике НЭПа в общественных настроениях Европейского Севера России // 1922 год в судьбах России и Европейского Севера : финал, итоги, последствия Гражданской войны в России : сб. материалов Междунар. науч. конф. Архангельск, 2012. С. 200—203.

- ⁷ Соколова Ф. Х. Модернизация в России сквозь призму мотивации интеллигенции // Дискуссионные вопросы современного российского интеллигентоведения : материалы XXII междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 2011. С. 28—32 ; *Она же*. Духовно-интеллектуальное пространство Арктики: концепт, структура, факторы формирования // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1. С. 67—79 ; *Она же*. Власть и интеллигенция современной России на примере Архангельской области // «Наше главное намерение здесь простирается...»: М. В. Ломоносов и Арктика : сб. науч. ст. Архангельск, 2012, С. 159—165 ; *Она же*. «Креативный класс» в российской научной и общественной мысли // Интеллигенция современного мира в ее многообразии : материалы XXIV междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 2013. С. 35—38 ; и др.
- ⁸ Ершова Э. Б. Традиционализм и иррационализм российской интеллигенции XX в.: к постановке вопроса // Интеллигенция России XX века: неоконченные споры : к 90-летию сб. «Вехи». Екатеринбург, 1998 ; *Она же*. Духовные искания российской интеллигенции XX в.: от радикализма к эволюции // Россия: Европа и Азия : истоки, история и уроки цивилизационного дрейфа. Кострома, 2000 ; *Она же*. Взаимоотношения интеллигенции и народа в историческом ракурсе (мнения студенческой молодежи) // Интеллигенция и мир. 2012. № 4. С. 57—66 ; *Она же*. Статьи. URL: <http://www.history-ershova.narod.ru> ; www.elibralli.ru ; и др.
- ⁹ Артамонова Н. Я. Особенности формирования национальной интеллигенции Восточной Сибири // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2011. № 7. С. 63—67 ; и др.
- ¹⁰ Земцов Б. Н. История России IX — начала XXI в. : учеб. пособие. М. : Унив. кн., 2012. С. 321—322.
- ¹¹ Бородай А. Д. Творческая молодежь как профессиональный сегмент социальной группы общества // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 1. С. 106—110 ; *Он же*. Художественное образование в современной России: опыт структурного анализа // Там же. 2013. № 2. С. 24—29 ; *Он же*. Молодые художники и абстрактное искусство в условиях «хрущевской оттепели» // Полиграфист. 2012. № 2 (56). С. 90—96 ; *Он же*. Культурная элита России: опыт идентификации // Вестн. Казан. гос. ун-та культуры и искусств. 2012. № 3. Ч. 1. С. 30—36 ; *Он же*. Творческая молодежь и комсомол : в поисках идейных скреп // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 3. С. 144—153 ; *Он же*. Демократизация культурной жизни в советском обществе под воздействием «хрущевской оттепели» // Вестн. Университета [ГУУ]. 2012. № 4. С. 252—256 ; *Он же*. Государственная культурная политика в годы «хрущевской оттепели»: тенденции и противоречия литературного процесса // Там же. № 17. С. 223—228.

- ¹² Жукова Л. А. Деятельность военных медиков в ходе Бородинского сражения (по воспоминаниям его участников) // Рос. акад. мед. наук : бюл. Нац. науч.-исслед. ин-та обществ. здоровья. 2012. № 1. С. 75—76 ; *Она же*. Организация медицинской помощи беженцам на Кавказском фронте в годы Первой мировой войны // Военно-медицинский журнал. 2008. Т. 329, № 3. С. 107—110 ; *Она же*. Социальный статус земской медицинской интеллигенции в России на рубеже веков (XIX — начало XX в.) // Интеллигенция и мир. 2005. № 1/2. С. 74—82 ; *Она же*. Земства — культурный оазис провинции // Очерки русской культуры, конец XIX — начало XX века. М., 2011. Т. 2. С. 407—468 ; *Она же*. Общественная и земская деятельность первых русских женщин-врачей во второй половине XIX в. // Женщины России вчера, сегодня и завтра : материалы докл. и выступлений на рос.-амер. науч.-практ. конф. М., 1994 ; *Она же*. Деятельность земской интеллигенции в сфере народного образования и здравоохранения в российской провинции // Интеллигенция и мир. 2001. № 2/3 ; и др.
- ¹³ Надехина Ю. П. Общественная деятельность творческой интеллигенции на рубеже XIX—XX вв. (на примере журналистско-редакторского корпуса Москвы) // Интеллигенция и мир. 2013. № 1. С. 72—80.
- ¹⁴ Суздалева Т. Р. Россия и мир во второй половине XX — начале XXI в. : поиск модели развития. М., 2013. С. 66—71.
- ¹⁵ Веселов А. А. Российская художественная интеллигенция на рубеже XIX—XX веков : историография проблемы // Вестн. Университета [ГУУ]. 2010. № 22. С. 217—223 ; Еришова Э. Б., Веселов А. А. Формирование московских сообществ художественной интеллигенции (середина XIX — 20-е гг. XX в.) // Российские и славянские исследования : науч. сб. Минск, 2011. Вып. 6. С. 27—36 ; Веселов А. А. Формирование законодательной регламентации союзов художественной интеллигенции в конце XIX — первой четверти XX века // Интеллигенция и мир. 2012. № 1. С. 89—99 ; Веселов А. А. Творческая интеллигенция в социальной сети // Науч. тр. Моск. гуманит. ун-та. М., 2011. С. 68—75 ; и др.
- ¹⁶ Крякин Е. Н. Власть и творческая интеллигенция СССР в конце 1920-х — начале 1930-х гг. (по материалам переписки и встреч И. В. Сталина с творческой интеллигенцией) // Актуальные проблемы — 2013 : материалы 18-й междунар. науч.-практ. конф. М., 2013. Вып. 3. С. 255—258 ; *Он же*. Общественная позиция национальной художественной интеллигенции в Белоруссии в первые годы Советской власти (1917—1921 гг.) // Молодой ученый. 2012. № 8. С. 236—240 ; и др.
- ¹⁷ Кривопалова Н. Ю. Российская провинциальная интеллигенция в 1907—1914 гг. : социальная структура и деятельность (на материалах Самарской губернии). Самара, 2009. С. 65—66, 173—174.

- ¹⁸ *Зимина В. Д.* Интеллигенция российского зарубежья 1920—30-х гг. : новые споры о старом. М., 2001. URL: http://www.nivestnik.ru/2001_1/4.shtml (дата обращения: 28.03.2014).
- ¹⁹ *Ершова Э. Б.* Зарубежные ученые о послереволюционной интеллигенции России // Вестн. Университета [ГУУ]. 2013. № 20. С. 254—258 ; и др.
- ²⁰ *Пронин А. А.* Научные школы историков-эмигрантоведов // КЛИО. 2012. № 2. С. 63—68 ; *Он же.* Интеллигенция российского зарубежья в отечественных диссертациях (1980—2005) // Интеллигенция и мир. 2013. № 3. С. 103—120 ; и др.
- ²¹ *Сибиряков И. В.* Новая российская интеллигенция: проблемы самоидентификации // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2013. Т. 13, № 1. С. 58 ; *Он же.* Современная российская интеллигенция: преждевременный разговор // Интеллигенция и мир. 2013. № 2. С. 71—81 ; и др.
- ²² *Золотарёв О. В.* Новая интеллигенция? // Интеллигенция и мир. 2013. № 2. С. 60—71 ; *Он же.* Слухи о кончине интеллигенции сильно преувеличены // Интеллигенция современного мира в ее многообразии : материалы XXIV межгосударств. науч.-теорет. конф. Иваново, 2013. С. 10—13 ; и др.

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

ББК 63.3(2)531-543

С. В. Сайтанов

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЫБОР РУССКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА: П. А. КРОПОТКИН И АНАРХИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Об интеллигентских качествах личности П. А. Кропоткина в процессе ее становления и влияния на период доанархического реформизма нами было написано уже ранее¹. Здесь же осветим проблему взаимосвязи и влияния сущностных черт П. А. Кропоткина как русского интеллигента на его общественно-политический выбор. Также нам необходимо показать, как именно интеллигентские качества Петра Алексеевича обусловила его приверженность к анархизму.

Вернувшись из Сибири и полностью разочаровавшись в либеральных реформах, Кропоткин застал общественную жизнь в Санкт-Петербурге в замирающем состоянии. После покушения Д. В. Каракозова 4 апреля 1866 г. на Александра II, царь круто изменил своей политике реформ. Видные общественные деятели, блиставшие своим литературским трудом в 1860-е гг., либо находились в ссылке (Н. Г. Чернышевский, М. Л. Михайлов, П. Л. Лавров) или в тюрьме (Д. И. Писарев), либо «теперь тяготели к своего рода отеческому самодержавию»², либо, сохранив свои убеждения, стали настолько осторожными, что «эта осторожность почти равнялась измене»³. В это время братья Кропоткины

© Сайтанов С. В., 2014

Сайтанов Сергей Васильевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Международного славянского института (Москва). saitanov@mail.ru

и завязали знакомства среди радикалов (кружок «Отечественные записки») и умеренных славянофилов⁴.

Первоначально «занятия в университете и научные труды поглотили все время в течение пяти следующих лет», писал П. А. Кропоткин впоследствии⁵. Продолжал Петр Алексеевич и свои занятия академической наукой. В 1867 г. он был принят на гражданскую службу в статистический комитет Министерства внутренних дел, а в 1868 г. Кропоткин был избран действительным членом Императорского Русского Географического Общества (далее — ИРГО), в котором он активно работал, заняв должность секретаря Отделения физической географии и являясь членом пяти различных научных комиссий при ИРГО⁶.

Но и на поприще официальной науки П. А. Кропоткин не нашел для себя места, поскольку не видел возможности скорой реализации в России своих научных реформаторских предложений, направленных, прежде всего, на улучшение жизни простого народа, а изучение науки, в этом плане, его не удовлетворяло⁷.

Кропоткин как человек деятельный, искавший практическое приложение своим взглядам, не смог остаться в стороне от захлестнувшей в то время пореформенную Россию пропагандистской стихии «хождения в народ» и революционной пропаганды. Интеллигентская идея долга перед народом взяла в ученом-интеллигенте верх над ученым-реформатором, как ранее над чиновником-реформатором. Кропоткин приходит к выводу, что одних лишь научных занятий недостаточно для того, чтобы приносить пользу обществу, что он не имеет права на высшие духовные радости от занятия наукой, когда вокруг нищета и голод⁸. Социальная справедливость — вот та цель, за которую Кропоткин решил бороться⁹.

В немалой степени такому повороту его взглядов способствовала научная поездка в Финляндию в середине июля 1871 г. Там П. А. Кропоткин проследовал из Гельсингфорса в Стокгольм на пароходе, где встретился с Нильсом Адольфом Эриком Норденшельдом. Будущий знаменитый полярный исследователь был хорошо знаком с М. А. Бакуниным и в социальных вопросах слыл крайним радикалом¹⁰. Беседы с Норденшельдом, видимо, сильно повлияли на становление социально-политических анархистских взглядов ученого-интеллигента, что видно из дальнейших его идейных исканий¹¹.

Уже весной 1872 г. П. А. Кропоткин, стремясь разобраться в революционном народническом движении в России, а точнее в тех социалистических идеях, которые это движение заимствовало с Запада, взял отпуск по службе на 28 дней и, получив разрешение на поездку за границу, отправился в Западную Европу. Его намерением было знакомство с лидерами и деятельностью самой известной в то время социалистической организации в мире — Интернационала, о котором Кропоткин, впрочем, имел весьма смутные и противоречивые сведения из отечественных источников: «Русские газеты часто упоминали о нем, но им не разрешалось писать ни о целях, ни о деятельности Международного союза работников. Я догадывался, что это должно быть великое движение, имеющее богатое будущее, но я не мог хорошо уловить его цели»¹².

В 1872 г. П. А. Кропоткин отправился в Бельгию и Швейцарию, чтобы лучше познакомиться с европейской революционной мыслью. Там он встретился с представителями российских и европейских революционных организаций. Побывав в Цюрихе и Женеве, он, наконец, нашел то, что искал, среди рабочих-часовщиков Юрской федерации I Интернационала. Эта организация образовалась в 1870 г. после раскола Романской федерации между сторонниками Карла Маркса и Михаила Бакунина. Последние и основали Юрскую федерацию, которая проповедовала идеи анархизма, придерживаясь радикальных анархических взглядов М. А. Бакунина.

Главным теоретиком Юрской федерации был сам Бакунин, живший тогда в Локарно, а практическое руководство осуществлялось его ближайшими соратниками, среди которых важную роль играли рабочий Адемар Швицгембель, а также педагог и переводчик Джемс Гильом, редактор печатных органов федерации. Основой федерации являлись секции в Юрских горах, состоявшие, главным образом, из рабочих-часовщиков, отличавшихся высоким уровнем образования и культуры. Были здесь и эмигранты — участники Парижской коммуны¹³.

Прибыв в Цюрих, Кропоткин сразу же вступил в секцию Интернационала и с жадностью стал знакомиться с социалистической литературой и многими документами, выработанными практической деятельностью международного сообщества. «Я читал целые дни и ночи напролет, — вспоминал Петр Алексеевич, —

и вынесенное мной впечатление было так глубоко, что никогда ничем не изгладится»¹⁴.

Однако в Цюрихе П. А. Кропоткина интересовали не философские и социологические изыскания лидеров движения, в которых резюмируется «идеал, нарождающийся в человечестве, с придачей аргументов, более или менее умно придуманных автором»¹⁵. Кропоткина как практика, в первую очередь, интересовала хроника рабочего движения (по социалистическим газетам), поскольку именно в ней он видел факты, свидетельствующие о том, «насколько люди проникнуты новыми теориями, насколько работники подготовлены провести идеи социализма в жизни и пострадать за них»¹⁶. Такое чтение для Кропоткина явилось настоящим откровением, из которого он вынес убеждение, что «примирения между будущим социалистическим строем, который уже рисуется в глазах рабочих, и нынешним — буржуазным — быть не может. Первый должен уничтожить второй»¹⁷.

Но знакомство лишь с литературой и цюрихским кружком анархистов-бакунистов не могло удовлетворить П. А. Кропоткина. По воспоминаниям М. П. Сажина, Кропоткин, выжавши «из нас всё, что только было возможно и что мы могли ему дать, и заручившись у нас кое-какими указаниями и адресами... отправился сначала в Женеву... а потом в Невшатель»¹⁸, где в основном кипела жизнь Интернационала.

Кроме того, поведение руководителей женевских секций оказалось далеко не бескорыстным. Материальные условия их жизни резко отличались от тех принципов, которые они публично провозглашали. Проводимые ими мероприятия, по мнению Кропоткина, часто были призваны скорее удовлетворить амбиции руководства, чем отвечали общим интересам, а интеллигентность Петра Алексеевича требовала от руководителей быть образцами бескорыстия и самопожертвования. Как писал позже Е. В. Де-Роберти: «Политические тенденции, оказавшиеся у членов Интернационала, отвратили его, заставили его признать зловерным всякий направляющий акт, хотя бы демократический по существу и преследующий революционные цели; экономический деспотизм социализма показался ему опаснее простой политической тирании»¹⁹.

Хотя во время пребывания в Брюсселе Кропоткин «нашел громадное движение рабочего Интернационала», его удивило здесь

частое повторение мысли, что если рабочие бросятся в революцию, то обязательно будут разбиты. Поэтому им нужно помешать, «пока не будет уверенности в успехе... пока мы не создадим могучей политической партии... пока мы не будем в большинстве в Парламенте... пока не совершится Концентрация Капитала...»²⁰.

Между тем, интеллигентские качества Петра Алексеевича требовали не только исключительной веры, но и самозабвенного служения ей. Тем не менее, во время этих поездок у разочарованного Кропоткина окончательно укрепилась мысль об анархизме, о необходимости отказа от всяческих государственных форм. Чтобы поставить все точки над «i», он решил еще раз, но уже ближе познакомиться с анархистами-бакунистами и их идеями²¹.

П. А. Кропоткин поехал вначале к часовщикам в Невшатель, где встретился со сторонником Бакунина Джемсом Гильомом, который видел «основу морали в коллективном сознании людей, объединенных общностью пропаганды и революции»²². Здесь не было того разделения на вожаков и рядовых работников, которое так поразило Кропоткина в Женеве: «...работники не представляли стада, которым вожаки пользовались бы для своих политических целей. <...> Вожаки здесь просто были более деятельные товарищи, скорее люди почина, чем руководители»²³. «Конечно, некоторые члены были более развиты, а главное, более деятельны, чем другие, но этим и ограничивалась вся разница»²⁴.

Более всего Петра Алексеевича поразила та тяга, с которой рабочие после изнуряющего дневного физического труда тянулись к социалистическим знаниям, а также их вера в коренное изменение экономических условий жизни, которая подвигала на жертвы и временем, и деньгами, «чтобы поддержать свою секцию, основать газету, покрыть расходы по устройству какого-нибудь национального или международного съезда, чтобы помочь товарищам, пострадавшим за Союз, или, просто, чтобы присутствовать на собраниях и манифестациях»²⁵.

Большое значение для П. А. Кропоткина приобретало и бескорыстное стремление образованного человека (интеллигента) оказывать всяческую помощь рабочим в деле получения знаний и определенных навыков революционной деятельности. Именно отсюда Кропоткин вынес мысль о необходимости вести настойчивую разъяснительную работу с самыми широкими слоями рабочих²⁶.

Видимо, в силу схожести интеллигентских позиций среди анархистов-федералистов русский интеллигент П. А. Кропоткин встретил исключительно дружеские искренние взаимоотношения единомышленников. Никто из них не стремился возвыситься над другими, строя свое воздействие не на партийной дисциплине, а исключительно на убеждении. Впечатление бескорыстности устремлений анархистов-федералистов и личные симпатии к ним, а также последующие знакомства (с коммунарами Бенуа Маломом, Эженом Варленом, Жаном Луи Пэнди, а также Адэмаром Швицгелем) сыграли решающую роль в выборе социально-политической ориентации П. А. Кропоткина и его идеала общественного устройства.

Два «апостола» анархии, действующий и будущий, так ни разу и не увиделись. И хотя встреча Кропоткина с Бакуниным не состоялась, но общение с Гильомом, Швицгелем и другими членами федерации произвело на Кропоткина сильное впечатление: здесь он нашел примеры подлинного бескорыстия и жертвенности. Выбор был сделан: в том же году П. А. Кропоткин вступил в Юрскую федерацию I Интернационала. Он уже тогда хотел навсегда остаться в Швейцарии, настолько ощущал себя в кругу друзей и единомышленников и настолько увлекла его деятельность Юрской федерации.

В Юрской федерации П. А. Кропоткин знакомится с теоретическими положениями анархизма, как они определялись на то время, и с самим М. А. Бакуниным. Его поразили и независимость суждений и способов их выражения, и революционный характер агитации, и беззаветная преданность общему делу среди юрцев. Когда Кропоткин покидал Швейцарию, то выбор был сделан: «...мой взгляд на социализм уже окончательно установился. Я стал анархистом»²⁷.

Таким образом, в поисках социально-политического идеала П. А. Кропоткин знакомится с двумя направлениями в западноевропейском I Интернационале. Но он не принимает реформистский марксистский интернационал, допускающий экономическое неравенство. Кропоткина как человека опытного в социально-политических вопросах, но крайне нетерпеливого, отталкивало от марксистов сдерживание ими революционного порыва рабочих.

Видимо, значительную роль сыграло и то обстоятельство, что марксисты предусматривали установление социалистического

общества только на основе глубокого развития капиталистических отношений, чего в России в то время не было. Поэтому Кропоткин отказался от марксистского пути социальных реформ построения нового государства, пусть даже временного и социально ориентированного, и выбрал путь радикального анархизма, отвергавший всякое государство и обещавший устройство справедливого общества в ближайшем будущем.

Анархо-радикализм стал первым этапом и отправной точкой на пути становления П. А. Кропоткина как анархиста. Впоследствии Петр Алексеевич, став самостоятельным теоретиком анархистского движения, перейдет на более умеренные анархо-реформистские позиции²⁸.

Но определяющим фактором при выборе между западноевропейским марксизмом и анархизмом, все-таки, как нам представляется, были не столько вышеизложенные соображения, сколько сугубо личное отторжение марксистской организации как не соответствующей интеллигентским принципам П. А. Кропоткина: безграничной вере, самопожертвованию ради народа, подлинной бескорыстности руководителей и беззаветному служению справедливости.

Примечания

- ¹ *Сайтанов С. В.* Становление П. А. Кропоткина как русского ученого-интеллигента в период доанархического реформизма (1842—1876 гг.) // *Интеллигенция и мир.* 2011. № 3. С. 93—113.
- ² *Кропоткин П. А.* Записки революционера. М., 1990. С. 224.
- ³ Там же. С. 225.
- ⁴ *Талеров П. И.* Место анархо-коммунизма П. А. Кропоткина в истории России и российского анархизма второй половины XIX — начала XX века : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997. С. 126.
- ⁵ *Кропоткин П. А.* Указ. соч. С. 204.
- ⁶ *Талеров П. И.* Указ. соч. С. 123.
- ⁷ *Петр и Александр Кропоткины : переписка.* М. ; Л., 1932. Т. 2. С. 260.
- ⁸ *Кропоткин П. А.* Указ. соч. С. 226.
- ⁹ *Мкртчян А. А.* П. А. Кропоткин и Западная Европа // *Новая и новейшая история.* 1991. № 2. С. 49.
- ¹⁰ *Козовский Ю. М.* Молодость Кропоткина : рассказ о годах становления, странствиях и исканиях русского ученого и революционера. Хабаровск, 1983. С. 114.

- ¹¹ *Сайтанов С. В.* Анархо-реформизм в общественно-политических взглядах П. А. Кропоткина (1897—1921 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2012. С. 68.
- ¹² *Кропоткин П. А.* Указ. соч. С. 241.
- ¹³ *Мкртичан А. А.* Указ. соч. С. 49.
- ¹⁴ *Кропоткин П. А.* Указ. соч. С. 246.
- ¹⁵ Там же. С. 248.
- ¹⁶ Там же. С. 247.
- ¹⁷ Там же. С. 248.
- ¹⁸ *Сажин М. П.* Воспоминания. М., 1925. С. 83—84.
- ¹⁹ *Де-Роберти Е. В.* Петр Кропоткин (личность и доктрина). СПб., 1906. С. 19.
- ²⁰ Государственный архив РФ. Ф. 1129. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 20.
- ²¹ *Талеров П. И.* Указ. соч. С. 129.
- ²² *Гильом Дж.* Интернационал. Пг. ; М., 1922. Т. 1. С. 20.
- ²³ *Кропоткин П. А.* Указ. соч. С. 258.
- ²⁴ Там же. С. 254.
- ²⁵ *Мкртичан А. А.* Указ. соч. С. 249—250.
- ²⁶ *Талеров П. И.* Указ. соч. С. 128—129.
- ²⁷ *Кропоткин П. А.* Указ. соч. С. 259.
- ²⁸ *Сайтанов С. В.* Обоснование анархо-реформизма П. А. Кропоткина. М., 2013.

ББК 63.3(2)611-283.2

П. Н. Гордеев

**С. Л. БЕРТЕНСОН В 1917 ГОДУ:
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЫБОР
ИНТЕЛЛИГЕНТА-ЧИНОВНИКА**

Отношение российской интеллигенции к революционным событиям 1917 г. уже не раз становилось предметом пристального внимания исследователей¹. Однако в изучении политических взглядов и действий в этот переломный для страны период такой

© Гордеев П. Н., 2014

Гордеев Пётр Николаевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург). petergordeev@mail.ru

специфической группы интеллигенции, как интеллигенты-чиновники, имеются еще значительные лакуны. Настоящая статья представляет собой попытку проследить политический выбор, совершенный в 1917 г. одним из представителей указанной страны, искусствоведом и филологом С. Л. Бертенсоном.

Сергей Львович Бертенсон (1885—1962) был заметным деятелем отечественной культуры первой половины XX века. Сын знаменитого врача, вхожего в высшие слои общества императорской России и знакомого со многими выдающимися представителями отечественной интеллигенции (в числе знакомых Л. Б. Бертенсона — Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, Н. С. Лесков, П. И. Чайковский, М. П. Мусоргский), и оперной певицы, выступавшей в Мариинском театре, Сергей с детства увлекался искусством. После обучения в Третьей Санкт-Петербургской гимназии (1896—1903 гг.) и на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета (1903—1907 гг., параллельно с учебой в Гейдельбергском университете), он поступил в 1908 г. на службу в Кабинет Его Величества, где ко времени Февральской революции, имея чин коллежского асессора, занимал должность помощника делопроизводителя VIII класса (соприкасаясь по службе, в том числе, и с делами императорских театров). В годы Первой мировой войны Бертенсон, освобожденный от воинской обязанности, служил в качестве «состоящего при Главноуполномоченном Российского Общества Красного Креста при армиях Северо-Западного фронта». Наконец, к 1917 г. он уже являлся автором целого ряда получивших признание у специалистов научных и публицистических трудов (как статей, так и монографий), многие из которых были посвящены истории театра².

После революции С. Л. Бертенсону довелось прожить еще долгую и насыщенную жизнь, большая часть которой, впрочем, протекала в эмиграции. В 1918 г. он поступил на службу в Московский художественный театр, с труппой которого ездил по Европе и Америке до 1926 г., а затем уже окончательно перебрался в США, где работал в Голливуде в качестве критика, не оставляя и труды по истории искусства. Так, в частности, им были подготовлены и изданы (в соавторстве с американским киноведом

и музыковедом Дж. Лейдой) сборник документов, посвященный М. П. Мусоргскому и биография С. В. Рахманинова³.

Периодом, разделившим его жизнь на две половины и заставившим сделать осознанный политический выбор, стали восемь месяцев, которые пролегли между Февральской и Октябрьской революциями. Первая из них поначалу вызвала у него чувство растерянности: «Несколько дней я не выходил из дому, в самом удрученном состоянии выжидая событий. Жизнь бурно выливалась в новые формы, и было совершенно неясно, какова будет судьба того дела и той работы, с которой я был так тесно связан около десяти лет», — так, много позднее, описывал Бертенсон свое восприятие Февраля⁴. В то же время, свершившийся переворот открыл для него возможность непосредственного участия в управлении бывшими императорскими, а теперь — государственными театрами. В написанных на склоне лет мемуарах он вспоминал: «Зная, что намечаются разные реформы по реорганизации театрального управления, я решил предложить свои услуги Ф. А. Головину⁵. Управляющий делами Временного Правительства В. Д. Набоков, близко со мной знакомый, отрекомендовал меня, и Головин вызвал меня для переговоров. В результате я был откомандирован из б. Кабинета в распоряжение Головина в качестве консультанта при рассмотрении театральных и Кабинетских дел, в которых ему на первых порах нелегко было разбираться⁶. Это произошло в начале апреля 1917 г.; 6 апреля помощник комиссара над бывшим МИДв П. М. Макаров сообщил в бывший Кабинет Его Величества: «По соглашению с г. Комиссаром, прошу откомандировать помощника делопроизводителя б. Кабинета Сергея Львовича Бертенсона в мое распоряжение для занятий по реорганизации Государственных театров»⁷.

Уже на следующий день, 7 апреля, Бертенсон подготовил записку «По поводу музея Государственных театров», которую и представил Макарову. Он писал о том, что в мае 1916 г. вдова драматурга В. В. Протопопова принесла в дар Дирекции театров собранную ее мужем коллекцию театральных портретов, гравюр, редких книг и других относящихся к сценическому искусству предметов для того, чтобы в будущем она послужила ядром театрального музея; в том же случае, если Дирекция в течение двух лет после окончания войны не откроет музея, Протопопова оста-

вила за собой право забрать коллекцию. Бертенсон отмечал: «К осуществлению мысли г-жи Протопоповой, мне кажется, нужно отнестись как можно внимательней. Устройство в Петрограде специального театрального музея является одной из важных просветительных задач новой деятельности Государственных театров, уже располагающих крайне ценным для такого музея материалом, который с каждым годом может увеличиваться». В качестве возможных мест для размещения проектируемого музея автор записки называл «Каменноостровский театр, или какие-нибудь помещения в одном из дворцовых зданий»⁸. 10 апреля А. Н. Бенуа записал в своем дневнике о том, как он ездил осматривать Каменноостровский театр «с Бертенсоном, который откомандирован к Макарову чиновником особых поручений»⁹. В итоге проект приспособления этого замечательного театрального здания под музей, равно как и под действующую сцену, так и не был тогда воплощен (по финансовым соображениям), о чем Бертенсон сожалел и спустя 40 лет в своих мемуарах¹⁰.

Формальное назначение С. Л. Бертенсона «состоять при комиссаре Временного Правительства над бывшим министерством двора, с откомандированием в дирекцию государственных театров и с возложением на него исправления вакантной должности помощника управляющего Петроградской конторы государственных театров» произошло 25 апреля, вследствие приказа Ф. А. Головина по ведомству бывшего МИДв за № 19¹¹. Другим приказом (№ 22 от 29 апреля) Головин поручил Бертенсону «исполнение обязанностей помощника главноуполномоченного комиссара Временного Правительства над бывшим министерством двора по государственным театрам, с сохранением за ним заведывания постановками петроградских театров»¹². Сведения о том, что С. Л. Бертенсон назначен помощником главноуполномоченного по государственным театрам (последнюю должность занял известный филолог, литературный и театральный критик Ф. Д. Батюшков), проникли и в печать¹³. Впрочем, эта информация оказалась преждевременной: в конце апреля — начале мая Головин написал на своем же приказе о назначении Бертенсона помощником главноуполномоченного: «Не числить»¹⁴. Повидимому, инициатива в данном случае исходила от Ф. Д. Батюшкова, не желавшего столь резкого возвышения молодого,

не служившего ранее в театрах человека в ущерб старым театральным чиновникам — прежде всего, помощнику управляющего Петроградской Конторой театров Л. Д. Мецнеру, назначенному 25 апреля¹⁵ управляющим Конторой (вскоре переименованной в Канцелярию главноуполномоченного по государственным театрам)¹⁶. В итоге должность помощника главноуполномоченного так и не была учреждена, а С. Л. Бертенсон остался заведующим Постановочной частью петроградских государственных театров и помощником Л. Д. Мецнера. При этом его реальное влияние в театральном ведомстве, как одного из «реформаторов» (наряду с Ф. Д. Батюшковым), было гораздо большим¹⁷.

Уже 22 апреля С. Л. Бертенсон на совещании у комиссара Ф. А. Головина вместе с только что давшим согласие на свое назначение Ф. Д. Батюшковым, В. А. Теляковским и знаменитым московским актером А. И. Сумбатовым-Южиным принимал участие в обсуждении бюджета московского Малого театра¹⁸; в дальнейшем его присутствие на подобных совещаниях обрело постоянный характер¹⁹. На ушедшего со своего поста директора государственных театров Сергей Львович произвел не особенно благоприятное впечатление. «По-видимому, С. Л. Бертенсон ловкий парень», — записал В. А. Теляковский в своем дневнике 26 апреля. «Он вошел в доверие Головина и успел окружить своим влиянием Батюшкова, которому не только себя рекомендовал, но уже рекомендует Гельмерсена и Вальтера²⁰. Словом, опять все русские фамилии»²¹. После совещания, состоявшегося у него с Батюшковым и Бертенсоном на следующий день (27 апреля), Теляковский отметил в дневниковой записи, что Бертенсон «старается забрать в свои руки влияние на театр. Уже он стал в курсе дел и квартир и хочет их распределять. На Батюшкова он произвел отрицательное впечатление, и он мне сегодня об этом говорил, когда мы были вдвоем. Особенно неприятно на него подействовало появление в “Новом времени” статьи Острожского²² — Батюшков убежден, что она инспирирована Бертенсоном, — да и себя он предложил Батюшкову в помощники довольно бесцеремонным образом — с ножом к горлу, не дав одуматься. Это особая порода людей». И далее Теляковский резюмировал: «...я думаю, Батюшков будет с ним трудно, особенно если он вовремя его не осадит»²³.

Несмотря на подобный прогноз последнего театрального директора, между Ф. Д. Батюшковым и С. Л. Бертенсоном сложились вполне ровные, деловые отношения. Так, например, в письме к Бертенсону от 2 июля 1917 г. (написанном в Москве) Батюшков касался таких психологических деталей, которые вряд ли он стал бы сообщать человеку, навязавшемуся к нему «с ножом к горлу»: «Обедал у Собинова в большой компании и еще раз оценил Московское гостеприимство, но с другой стороны — также не в первый раз — почувствовал вновь, до чего устойчива Грибоедовская Москва. Дух Фамусова продолжает витать и частично воплощается в разные формы. Но и радушия много, что покрывает другие свойства, из-за которых приходится постоянно быть начеку»²⁴. Двумя неделями ранее, 18 мая, Батюшков писал в Канцелярию бывшего МИДв о перспективе возможного призыва Бертенсона в ряды действующей армии: «Специально откомандированный г. Комиссаром в б. Дирекцию театров мне в помощь для реорганизации управления Государственными театрами на новых началах, С. Л. Бертенсон является одним из ближайших моих сотрудников и несет весьма ответственные обязанности по заведыванию Художественно-Постановочной Частью Петроградских Театров. Призыв его на военную службу поставил бы меня в крайне затруднительное положение, ибо, не говоря уже о том, что личный состав моего управления и без того весьма ограничен, заменить г. Бертенсона другим лицом не представляется возможным, так как весь план реформы государственного театрального дела разрабатывается с его помощью и для проведения в жизнь этого плана необходимо его личное участие»²⁵. Наконец, в мемуарах, которые Батюшков начал писать незадолго до смерти (1919—1920 гг.), он так охарактеризовал своего сподвижника по управлению государственными театрами: «Очень способный юноша»²⁶, страстный театрал, он соединял любовь к делу с знанием служебных отношений и особенно интересовался постановочной частью, заведывание которою он на себя и принял»²⁷.

Сам С. Л. Бертенсон вспоминал, как «близкое ознакомление с постановочной частью» показало ему, «что это блестяще налаженный аппарат, находящийся в руках первоклассных специалистов. Моя задача заключалась в том, чтобы постараться сохранить его в прежнем порядке». Однако, признавался мемуарист,

«задача эта оказалась не из легких, потому что, благодаря новой театральной реформе, для рабочего персонала открывались широкие перспективы “парламентских обсуждений” в тех случаях, когда просто требовались быстрые и энергичные решения». Впрочем, непростые переговоры с театральным пролетариатом несколько облегчались для С. Л. Бертенсона «крайне приветливым» отношением к нему «рабочих и их заведывающих»²⁸. Со своей стороны Бертенсон как администратор неизменно придерживался мягкой, компромиссной позиции и шел, как правило, навстречу требованиям и постановлениям созданных рабочими и служащими местных комитетов²⁹.

24 июня С. Л. Бертенсон переехал в назначенную ему казенную квартиру (№ 6) в здании Управления государственных театров (ул. Театральная, 2)³⁰. Перед этим он «долго колебался, переезжать ли мне из родительского дома и расстаться с привычной обстановкой, среди которой я прожил все мои годы» (Бертенсоны жили в доме 9 по Спасской улице³¹), однако «в пользу переезда говорило многое: казенная квартира находилась в том же доме, что и наша канцелярия, ряд мастерских и других учреждений вверенной мне постановочной части, рядом был Александринский театр, и так как целые дни мне надо было проводить на службе, то жить тут было громадным удобством»³². 14 июля Сергей Львович получил у Ф. Д. Батюшкова разрешение на проживание в казенной квартире и его брата, капитана 2-го ранга в отставке М. Л. Бертенсона³³.

Активная и разнообразная деятельность С. Л. Бертенсона в театральном ведомстве может быть частично прослежена по его архиву, находящемуся в Рукописном отделе Пушкинского Дома. Так, например, А. Я. Головин (выдающийся русский художник, главный декоратор петроградских государственных театров) в письме от 12 июля извинялся, «что до сих пор не подписал условие» на постановку оперы И. Ф. Стравинского «Соловей» в связи с болезнью³⁴. Архитектор А. И. Таманов 25 сентября рекомендовал Бертенсону «моего приятеля и очень симпатичного человека, Александра Ивановича Титова. Г. Титов — художник (окончивший Академию) и бывший балетный артист Мариинского театра» и просил своего корреспондента не отказать «в Вашем всеильном содействии Александру Ивановичу Титову в его ходатайст-

вах, с которыми он обратится к Вам (по театральным делам)»³⁵. Н. Н. Евреинов 17 октября благодарил Бертенсона «за билет, которым, к сожалению, не могу воспользоваться: занят завтра» и, «пользуясь случаем», посылал ему «некоторые из моих книг, надписание которых откладывается до нашего свидания»³⁶.

О своей повседневной работе в государственных театрах сам С. Л. Бертенсон вспоминал так: «Новая деятельность стала поглощать всё мое время, так что из Красного Креста мне пришлось уйти. С половины десятого утра до пяти часов дня надо было находиться в канцелярии, занимаясь официальной перепиской, принимая доклады машинистов сцены, осветителей, буафоров, гримеров, гардеробмейстеров и других специалистов, создававших сложный механизм ежедневных спектаклей, участвуя в совещаниях с режиссерами, художниками, дирижерами, артистами. Очень часто работа в канцелярии прерывалась объездами мастерских для наблюдения за ходом их производства. А по вечерам надо было бывать во всех трех театрах и следить, чтобы не было никаких неисправностей со стороны технического персонала на сцене и за кулисами. Так как Мариинский театр обладал самым сложным постановочным аппаратом, то обыкновенно я начинал вечер с посещения Александринского и Михайловского театров, а затем оставлял их на попечение одного из моих дежурных помощников, сам ехал в Мариинский театр и оставался там до конца спектакля»³⁷.

В апреле — мае С. Л. Бертенсон принимал деятельное участие в разработке «Временного положения об управлении государственными театрами» — театральной «конституции» 1917 г.³⁸, с 17 мая и до конца года председательствовал в Хозяйственном комитете при Канцелярии главноуполномоченного (на тех заседаниях, которые были посвящены постановочной части)³⁹. Случались у него и столкновения с представителями артистического мира. Так, например, в дневниковых записях Ф. Д. Батюшкова сохранился доклад Бертенсона от 20 октября, в котором последний, говоря о постановке В. Э. Мейерхольдом «Смерти Тарелкина» в Александринском театре, жаловался на «резкое несоответствие одобренных и принятых эскизов художника Б. А. Альмедингена с исполненными им декорациями», а потому ходатайствовал «отложить постановку до тех пор, пока декорации не будут

переделаны согласно эскизам»; в противном же случае, писал Бертенсон, «я принужден буду просить сложить с меня всякую ответственность за вверенной мне постановочной частью театров». Батюшков прокомментировал доклад Бертенсона — «который не понял сути и в результате только утвердил значение М[ейерхоль]да, на сторону которого я не мог не перейти, несмотря на прошлые его ошибки и неправильные теоретические рассуждения о роли режиссера»⁴⁰. Отметим, что отношение Бертенсона к Мейерхольду вообще было двойственным; А. Н. Бенуа записал в дневнике 22 ноября: «От последнего (как от режиссера) Бертенсон в диком восторге. Очевидно, он смешивает в одно способность “дрессировать массы” с *подлинной*⁴¹ работой над выявлением поэтической сущности произведения. Особенно восторгался Бертенсон тем, как Мейерхольд планирует и распределяет массы хора, как он в двух словах объясняет, что они должны делать. И тут же Б. согласился со мной, когда я заговорил о фатальной развращающей роли Мейерхольда для русского театра вообще; о том, что он *вынул из него самую душу*»⁴².

Безусловно, на оценке Бертенсоном знаменитого режиссера сказывалась лояльная позиция последнего в отношении большевиков. Сам Бертенсон, как и большая часть артистов и администрации государственных театров, держался на этот счет другого мнения: Октябрьскую революцию не принял, Советскую власть не признавал, участвовал в бойкоте новых правителей театральным ведомством. Последствием чего стало распоряжение Совета народных комиссаров от 12 декабря, подписанное В. И. Лениным и контрассигнованное А. В. Луначарским, в котором говорилось об увольнении Ф. Д. Батюшкова и С. Л. Бертенсона от занимаемых ими должностей⁴³ (таким образом, их фамилии, как и в апреле, вновь были поставлены в один ряд). Приказ с точно таким же содержанием был отдан (также 12 декабря) и самим Луначарским как наркомом по просвещению⁴⁴. Однако, вспоминал Бертенсон, «наши сослуживцы просили нас с Батюшковым должностей своих не сдавать, и мы продолжали оставаться на местах, исполняя свои обязанности и не встречая никакого противодействия. <...> почему-то из казенных квартир нас еще не выселяли и никаких репрессивных мер по отношению к нам пока не предпринимали. Каждый день вставал вопрос, когда же наступит наша ликвидация?»⁴⁵.

Ценные сведения о настроении С. Л. Бертенсона в этот период содержатся в дневнике А. Н. Бенуа, несколько раз встречавшегося с заведующим Постановочной частью в ноябре — декабре 1917 г. «Бертенсон в еще более, нежели Батюшков, “дерганом настроении”. Большевиков он желал бы повесить *собственноручно* (по его выражению)», — записал художник 22 ноября⁴⁶. 14 декабря он же зафиксировал: «Встретил “уволенного” Бертенсона. Он чувствует себя героем; ждет ареста, уверен, что все эти меры Луначарского приняты по наущению Мейерхольда. <...> уверен в поддержке всей труппы, которая заявила Батюшкову, что она его не оставит и даже “готова его кормить своим трудом” — до того дойдет. Я не утерпел и предложил этому легкомысленному оптимисту вопрос: надолго ли этого хватит?»⁴⁷

Хватило менее чем на три недели — 2 января 1918 г. комиссар Советского правительства В. В. Бакрылов явился в Управление государственных театров с отрядом красноармейцев, приказав всем служащим собраться в кабинете Ф. Д. Батюшкова. «Бакрылов начал с того, что задал вопрос, признаем ли мы советскую власть? На это последовал единогласный отрицательный ответ. Тогда он заявил, что непризнающие эту власть должны немедленно сдать ему свои должности и все служебные бумаги <...> Подчинение силе было неизбежно», — вспоминал о событиях этого дня С. Л. Бертенсон. Его мемуары содержат еще одну интересную деталь, относящуюся к отставке: после ультимативного требования советского комиссара Бертенсон отправился на свое рабочее место, однако «не успел я начать приводить в порядок бумаги в моем служебном кабинете, как открылась дверь и появился Бакрылов. Усевшись в кресло возле моего письменного стола, он начал следующую речь: “Товарищ Бертенсон! Мне известно, что работники Государственных театров вас ценят и вам доверяют. Почему бы вам не остаться работать с нами? Я уверен, что всё пошло бы у нас гладко и хорошо”». После отрицательного ответа Бертенсона (заявившего, что «считает советскую власть незаконной» и не желает нарушать общего постановления государственных служащих о ее бойкоте), «Бакрылов быстро со мною расстался, и через каких-нибудь полчаса мне был вручен приказ о моем увольнении, подписанный Луначарским, и другой приказ, подписанный Бакрыловым, о выезде из казенной квартиры в трехдневный срок».

Примечательно, что в тот же день, когда Бертенсон уже освобождал квартиру, «моя прислуга сообщила мне, что к ней на кухню только что пришли две рабочих сцены и просили ее повлиять на меня, чтобы я не покидал службы. Как видно, ей очень не хотелось расставаться со своим местом, потому что она самым серьезным образом пыталась воздействовать на меня: “Не уходите, Сергей Львович”, говорила она. “Нам (!) будет хорошо при новом начальстве...”»⁴⁸. Вкупе с предложением Бакрылова, этот эпизод ярко характеризует популярность С. Л. Бертенсона среди подведомственного ему персонала Постановочной части.

Вскоре после своего «изгнания» из перешедших под контроль большевиков государственных театров Бертенсон отправил письма основателям МХТ — К. С. Станиславскому и В. И. Немировичу-Данченко, предложив свои услуги как театрального администратора. В письме Немировичу от 10 января 1918 г. Бертенсон, среди прочего, писал: «Положение наших театров сейчас самое неопределенное, труппы накануне развала, а мы — администрация буквально выброшены на улицу и каким-то чудом остались не арестованы, за что — известно одному Луначарскому и Ленину»⁴⁹. Получив положительный ответ на свою просьбу, Сергей Львович стал готовиться к переезду в Москву. «Нелегко было привыкнуть к мысли, что надо расставаться с родными, со всеми друзьями, отношениями, интересами, кровно связанными с горячо любимым мною Петербургом», — вспоминал он об этом времени. — Но возможность работать в Художественном театре настолько была соблазнительна и так сильно превышала все остальные соображения, что не могло быть никаких сомнений в правильности принятого мною решения. К тому же, о прежней жизни и деятельности в Петербурге все равно нечего было и думать: прошлое было отрезано от настоящего и будущего навсегда...»⁵⁰

Так завершился девятимесячный период работы С. Л. Бертенсона в государственных петроградских театрах — в один из наиболее сложных и интересных периодов их многовековой истории⁵¹. Впереди у Сергея Львовича была видная должность в МХТ, эмиграция, новые научные труды, долгая жизнь и смерть на чужбине. Но никогда более он не будет столь же близок к ходу Истории, как в 1917 г. — когда указ о его отставке подписывал сам Ленин. Не случайно в своих мемуарах Бертенсон посвятит

35 страниц этому краткому, но ярчайшему отрезку своей жизни, когда, «несмотря на все препятствия и ограничения, созданные новыми правилами по управлению казенными театрами, Батюшков и его ближайшие сотрудники (имел он в виду, конечно, себя. — П. Г.) искренно стремились внести свежее, животворящее начало в их деятельность»⁵².

На основании рассмотренного выше фактического материала представляется возможным сделать ряд выводов. Во-первых, само назначение С. Л. Бертенсона, занимавшего не особенно высокий пост в Кабинете, на ответственную должность в Дирекции театров (где он ранее вообще не служил), демонстрирует важную роль случайных факторов в кадровой политике периода революции. По всей видимости, Бертенсон просто понравился Ф. А. Головину своей инициативностью, желанием работать над реформированием казенной сцены — и тут же был сделан вторым (формально — третьим) человеком в театральном ведомстве, чего театральные чиновники добивались годами упорной службы. Во-вторых, пример Бертенсона показывает, что в эпоху перемен неформальное влияние служащего, имевшего определенную идейно окрашенную программу (в данном случае — готовность участвовать в «реорганизации» театров, замеченная правительственным комиссаром), могло существенно выходить за пределы его должности. В-третьих, бесконфликтные отношения Бертенсона с местными комитетами театральных рабочих служат доказательством того, что между начальником — рафинированным интеллигентом и рабочим персоналом можно было достичь взаимопонимания и в 1917 г. Здесь, правда, необходимо оговориться: залогом этого обоюдного согласия могла быть, по-видимому, лишь предельно мягкая, компромиссная позиция, занятая Бертенсоном. В-четвертых, декабрьское распоряжение Совнаркома об увольнении Бертенсона при оставлении на службе его непосредственного начальника Л. Д. Мецнера⁵³ показывает, что в качестве своих главных врагов Советская власть в период «саботажа» рассматривала, скорее всего, не царских чиновников, а назначенцев Временного правительства, всё еще наделенного в сознании образованного класса необходимой легитимностью. Наконец, в-пятых, индивидуальная судьба С. Л. Бертенсона в 1917 г. представляется типичной для значительной части

интеллигентов-чиновников, принявших Февральскую революцию, искренно служивших установившемуся вследствие ее победы режиму и вступивших затем в принципиальную, но неудачную для себя конфронтацию с новой (большевистской) властью.

Примечания

- ¹ См., напр.: *Федюкин С. А.* Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972; *Знаменский О. Н.* Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль — октябрь 1917 г.). Л., 1988; и др.
- ² Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 468. Оп. 44. Д. 1110. Л. 2—8; Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее — ЦГАЛИ СПб). Ф. 260. Оп. 3. Д. 336. Л. 3—9; Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 3. Д. 40585. Л. 2—23; *Бертенсон С. Л.* Павел Александрович Катенин: лит. материалы. СПб., 1909; *Бертенсон С. Л.* Дед русской сцены: о жизни и деятельности Ивана Ивановича Сосницкого. Пг., 1916.
- ³ *Bertensson S., Leyda J.* The Musorgsky Reader: a Life of Modeste Petrovich Musorgsky in Letters and Documents. N. Y., 1947; *Bertensson S., Leyda J.* Sergei Rachmaninoff: a Lifetime in Music. N. Y., 1956; Незабытые могилы: Российское зарубежье: некрологи, 1917—1997: в 6 т. / сост. В. Н. Чуваков. М., 1999. Т. 1. С. 301.
- ⁴ *Бертенсон С. Л.* Вокруг искусства. Холливуд, 1957. С. 210.
- ⁵ Ф. А. Головин 8 марта 1917 г. был назначен Временным правительством комиссаром над бывшим Министерством двора (далее — МИДв).
- ⁶ *Бертенсон С. Л.* Вокруг искусства. С. 213.
- ⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 44. Д. 1110. Л. 62.
Управляющий бывшим Кабинетом Е. Н. Волков «не встретил препятствий к откомандировке» (Там же).
- ⁸ Рукописный отдел Института русской литературы РАН (далее — РО ИРЛИ РАН). № 15639. Л. 4—5.
- ⁹ *Бенуа А. Н.* Дневник 1916—1918 годов. М., 2006. С. 260.
- ¹⁰ *Бертенсон С. Л.* Вокруг искусства. С. 224—225.
- ¹¹ *Головин Ф. А.* Приказы комиссара Временного Правительства над бывшим министерством двора // Вестн. Врем. правительства. 1917. 29 апр.
- ¹² *Головин Ф. А.* Приказы комиссара Временного Правительства над бывшим министерством двора // Там же. 3 мая.
- ¹³ Помощник Ф. Д. Батюшкова // Петроградская газета. 1917. 26 апр.

¹⁴ РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5117. Л. 20.

¹⁵ Головин Ф. А. Приказы комиссара Временного Правительства над бывшим министерством двора // Вестн. Врем. правительства. 1917. 29 апр.

¹⁶ Директор театров В. А. Теляковский записал в дневнике 28 апреля: «Вечером у меня были Батюшков и Мецнер. Говорили по поводу назначения Мецнера на новую должность начальника Петроградской канцелярии. Оказывается, Бертенсон забежал вперед и сказал Мецнеру, что ему предлагал Головин быть начальником канцелярии, но он, не желая обижать Мецнера, от этого отказался. Батюшков же заявил, что, напротив, он не хотел назначать Бертенсона, не спросив согласие Мецнера. Приказ, однако, подписан был уже вчера. Бертенсон ловкач», — резюмировал Теляковский (Архивно-рукописный отдел Государственного центрального театрального музея им. А. А. Бахрушина (далее — АРО ГЦТМБ). Ф. 280. № 1325. Л. 118).

¹⁷ Их имена с самого начала оказались тесно связаны в общественном восприятии. Так, театральный критик и драматург К. С. Острожский выступил в «Новом времени» со статьей, в которой призывал артистов «поддержать это “временное правительство” и выразить ему доверие <...> Если деятельность гг. Батюшкова и Бертенсона пойдет явно вразрез с мнением большинства артистов государственных театров, артисты всегда будут иметь возможность громко и свободно заявить об этом, и я не сомневаюсь, что гг. Батюшков и Бертенсон, вспомнив пословицу: “насильно мил не будешь”, сами немедленно и охотно уступят место другим. Но, чтобы оценить их деятельность, надо дать им возможность проявить ее, помочь им, поддержать их, не возмущаясь их ошибками, которые будут неизбежны на первых порах» (*Острожский К.* Театр в опасности! // Новое время. 1917. 25 апр.). Острожскому, писавшему об опасном положении в театре, возражал театральный критик Б. П. Никонов, иронически отмечавший, что подобными алармистскими призывами артисты приглашаются отказаться от своих прав и «поклониться восходящей двойной звезде Батюшков — Бертенсон» (*Никонов Б.* Цепелины над театрами // Обзорение театров. 1917. 27 апр.).

¹⁸ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 110.

¹⁹ Там же. Л. 112, 113 об., 115.

²⁰ В. В. Гельмерсен — помощник заведующего бывшими Собственными Его Величества библиотеками, с 15 мая 1917 г. он был привлечен к занятиям по Канцелярии главноуполномоченного по государственным театрам, исполняя обязанности секретаря Ф. Д. Батюшкова; В. Г. Вальтер — скрипач оркестра Мариинского театра, в детстве

- обучал С. Л. Бертенсона игре на скрипке (РГИА. Ф. 497. Оп. 18. Д. 92. Л. 1—2); *Бертенсон С. Л.* Вокруг искусства. С. 16.
- ²¹ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 115 об.
- ²² Имеется в виду статья: *Острожский К.* Театр в опасности! // Новое время. 1917. 25 апр. Подозрения Батюшкова были вполне обоснованы: К. С. Острожский (настоящая фамилия — Гогель; в 1917 г. — один из самых яростных обличителей В. А. Теляковского и его «режима» в театрах) и С. Л. Бертенсон были хорошо знакомы, а в 1915 г. даже издали в соавторстве книгу (Год на войне, 1914—1915 : Красный крест на Сев.-Зап. фронте / сост. С. Л. Бертенсон, Н. Н. Врангель, К. С. Гогель ; под общ. ред. Е. Н. Волкова. Пг., 1915). См. также: *Гордеев П. Н.* Смена руководства в государственных театрах после Февральской революции // Герценовские чтения — 2011 : Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 2012. С. 138—139.
- ²³ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 116 об.—117. Отметим, что С. Л. Бертенсон в своих мемуарах отзывался о В. А. Теляковском уважительно (хотя, разумеется, прямого сопоставления между мемуарами и дневником делать нельзя) и вспоминал, что после Февральской революции управление театрами Ф. А. Головину «совершенно справедливо хотелось оставить в руках Теляковского, многолетняя деятельность которого, как Директора Императорских театров, говорила сама за себя» (*Бертенсон С. Л.* Вокруг искусства. С. 211).
- ²⁴ РО ИРЛИ РАН. Ф. 468. Оп. 1. № 11. Л. 2.
- ²⁵ РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 130. Л. 135—135 об.
- ²⁶ С. Л. Бертенсону во время революции было 32 года.
- ²⁷ РО ИРЛИ РАН. № 15623. Л. 4. Там же Батюшков упомянул о факте, который нам нигде более не встретился — а именно о том, что Бертенсон был «посредником переговоров» о его назначении на должность главноуполномоченного (Там же).
- ²⁸ *Бертенсон С. Л.* Вокруг искусства. С. 218—219.
- ²⁹ *Гордеев П. Н.* Местные комитеты и другие организации рабочих и служащих в петроградских государственных театрах в 1917 году // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2013. С. 97—101, 147—148.
- ³⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 3. Д. 336. Л. 10.
- ³¹ Весь Петроград на 1917 год. Пг., 1917. Отд. III. С. 59.
- ³² *Бертенсон С. Л.* Вокруг искусства. С. 225.
- ³³ РГИА. Ф. 497. Оп. 9. Д. 1528. Л. 130.
- ³⁴ РО ИРЛИ РАН. Ф. 468. Оп. 1. № 26. Л. 1.
- ³⁵ Там же. № 77. Л. 1.
- ³⁶ Там же. № 33. Л. 1.

- ³⁷ *Бертенсон С. Л.* Вокруг искусства. С. 220.
- ³⁸ *Гордеев П. Н.* «Временное положение об управлении государственными театрами»: история создания, редактирования и обсуждения «театральной конституции» 1917 года // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. С. 98—101, 120.
РГИА. Ф. 497. Оп. 18. Д. 780. Л. 15—37 об.
- ³⁹ РО ИРЛИ РАН. № 15622. Л. 4.
- ⁴⁰ *Бенуа А. Н.* Указ. соч. С. 527.
- ⁴¹ *Бенуа А. Н.* Указ. соч. С. 527.
- ⁴² Политика Коммунистической партии и Советского правительства в области театрального искусства // Советский театр: док. и материалы: Русский советский театр, 1917—1921. Л., 1968. С. 24.
- ⁴³ Первые мероприятия Наркомпроса по управлению театрами (декабрь 1917 г.) / подгот. *В. Д. Зельдович* // Исторический архив. 1959. № 1. С. 56.
- ⁴⁴ *Бертенсон С. Л.* Вокруг искусства. С. 240—241.
- ⁴⁵ *Бенуа А. Н.* Указ. соч. С. 526.
- ⁴⁶ Там же. С. 586.
- ⁴⁷ *Бертенсон С. Л.* Вокруг искусства. С. 243.
- ⁴⁸ Отдел архивных фондов и книжных коллекций Музея МХАТ. Н.-д. № 3275/1. Л. 1 об., 3 (нумерация листов наша).
- ⁴⁹ *Бертенсон С. Л.* Вокруг искусства. С. 245.
- ⁵⁰ Формально, несмотря на декабрьское распоряжение СНК, *С. Л. Бертенсон* был уволен от службы в театрах с 1 января 1918 г. (РГИА. Ф. 497. Оп. 18. Д. 1235. Л. 4).
- ⁵¹ *Бертенсон С. Л.* Вокруг искусства. С. 224.
- ⁵² Последний, впрочем, тоже был уволен, но несколько позже, с 1 января 1918 г., вместе с Батюшковым, *Бертенсоном* и большинством чиновников Канцелярии главноуполномоченного (РГИА. Ф. 497. Оп. 18. Д. 1235. Л. 4).

В. С. Околотин

РЕАЛИЗАЦИЯ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ И СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В ВОСПОМИНАНИЯХ Н. М. СИГАНОВА

Работая над диссертационным исследованием в Государственном архиве Ивановской области и изучая делопроизводственную переписку облфинотдела первой половины 1930-х годов, автор обратил внимание на часто встречающуюся и, в общем-то, известную в Иванове фамилию. Она принадлежала человеку, занимавшему различные руководящие должности в финорганах Ивановской Промышленной области (ИПО)¹. В процессе последующего уточнения выяснилось, что Сиганов Николай Михайлович — так звали этого руководителя — коренной житель Ивановской области и в настоящее время в Иванове проживают его дети и внуки. Более того, в семейном архиве бережно хранятся воспоминания Н. М. Сиганова, в которых он отразил свой взгляд на события прошлых лет. Несомненно, для автора как исследователя это была большая удача. По мере чтения мемуаров возникла и в последующем еще более укрепилась мысль о том, что они должны быть опубликованы и стать достоянием широкой общественности. И вот почему. С научной точки зрения они являлись источником личного происхождения, впервые вводимым в научный оборот и содержащим уникальные сведения регионального характера о специфике деятельности финорганов в те годы. Автор исследования даже склонен утверждать об отсутствии до настоящего времени в источниковой базе первой половины 1930-х годов аналогичных работ. Однако не только эти аргументы подвигли его к принятию решения о публикации воспоминаний. Главным побудительным мотивом к тому стала ярко выраженная гра-

© Околотин В. С., 2014

Околотин Владимир Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Ивановского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. glikeriya_@bk.ru.

жданская позиция Н. М. Сиганова, свойственная, как правило, незаурядным и творческим личностям. Будучи репрессированным и оказавшись в системе ГУЛАГа, он провел в тюрьмах, лагерях и ссылке около 17 лет своей жизни. Не потеряв при этом чувства собственного достоинства, он сохранил интерес к жизни, вернулся к активной трудовой деятельности и смог найти силы, чтобы проанализировать свой жизненный путь и оставить ценные воспоминания. Утверждая, что «важно сберечь для потомков всё, что хранит память наших соотечественников, всю важную информацию, которая рассказывается или записывается ими самими или другими лицами», он одновременно выражал уверенность, что и его «записки “о годах культа” в свое время кому-нибудь сослужат добрую службу».

По форме исполнения воспоминания представляют собой рукопись, состоящую из двух сброшюрованных частей в коленкоровых переплетах. Первоначально их цель Н. М. Сиганов видел в том, чтобы «подробно записать всё то, что знал и помнил о своей родословной, детстве и юности». Однако по причине пошатнувшегося здоровья от первоначального плана он был вынужден отказаться и сосредоточить все усилия на отражении «проклятых годов культа личности Сталина, о тех муках, которые пришлось пережить и переносить многие годы» не только ему, но и его семье, многим близким родственникам и товарищам. Он считал себя обязанным это сделать, чтобы оставить потомкам «правдивые свидетельства живого участника событий тех тягостных лет».

После принятия решения об издании воспоминаний Н. М. Сиганова автор предпринял ряд целенаправленных усилий по поиску в архивах документов, подтверждающих содержание рукописи. В результате в государственных архивах Ивановской и Ярославской областей, а впоследствии в Российском государственном архиве экономики и Архиве финансово-казначейского управления администрации г. Иваново им были найдены дополнительные материалы, свидетельствовавшие об участии Н. М. Сиганова в реализации налоговой политики на территории указанных регионов, а также подтверждающие факты, изложенные им на страницах своих мемуаров. Среди них различные документы: характеристики, делопроизводственная переписка, исполненная с его участием, а также личные дела члена ВКП (б)

и дело № 420 на арестованного Н. М. Сиганова. В дальнейшем многие из них были размещены в приложении к его воспоминаниям, опубликованным автором в 2003 году². Обнаруженные архивные документы не позволяют сомневаться в правдивости изложения им минувших событий. Они также отражают реальность того времени и без ложного пафоса и умиления от грандиозных социалистических преобразований в нашей стране помогают понять и правильнее оценить старшее поколение.

Итак, Сиганов Николай Михайлович родился в 1903 году в семье рабочего. Его отец — Михаил Иванович Сиганов в течение 35 лет работал на фабриках Иваново-Вознесенска, из них последние 10 лет на фабрике Фокина дизелистом. После окончания Иваново-Вознесенской гимназии в июне 1917 года Н. М. Сиганов два года работал в фабкоме фабрики Фокина в качестве курьера-рассыльного, а впоследствии письмоводителя. В 1919 году он был принят на работу в финотдел Иваново-Вознесенского губисполкома, где и служил на разных должностях до 1927 года. В августе 1927 года он был направлен на Центральные финансовые курсы НКФ СССР в Ленинград, по окончании которых в 1928 году получил специальность «инспектор по бюджету». В 1928 году Н. М. Сиганов вступил в ряды ВКП (б). По возвращении в Иваново-Вознесенск был рекомендован на работу в Середской (г. Серeda ныне г. Фурманов) уездный финотдел в качестве заместителя заведующего. В мае 1929 года был переведен на работу в облфинотдел на должность инспектора по финансированию. Осенью 1929 года «проходил чистку госаппарата» — так назывались мероприятия советского правительства по устранению старых специалистов, в том числе и из финорганов. Не получив замечаний, он в ноябре 1930 года был направлен в Кинешму на должность заведующего районным финотделом³. Сохранилась выписка из протокола № 14 заседания секретариата обкома ВКП (б) ИПО от 17 ноября 1930 года за подписью секретаря обкома ВКП (б) ИПО П. Я. Вороновой об утверждении Н. М. Сиганова на должность заведующего Кинешемским райфо⁴. Делопроизводительная переписка райфо свидетельствует о специфике труда финработников в данный период, а именно: выявление оборотов коммерческой деятельности частных торговцев и привлечение их к более полному налогообложению, подготовка и организация

на территории района операций, проводившихся в масштабе области и направленных на взыскание с кулаков и частных торговцев задолженности по налоговым платежам, контроль за скупкой драгоценных металлов в районе, участие в изъятии кулаков и выселении их семей за пределы района и области.

По оценке председателя Кинешемского райисполкома Лабазникова, Н. М. Сиганов уже в течение первых двух месяцев работы в должности заведующего райфо проявил себя «весьма дельным и инициативным работником». В этом же отзыве он выразил уверенность в том, что Н. М. Сиганов с возложенными обязанностями заведующего райфо «справится — как в области подбора работников, так и в проведении генеральной линии Партии по налогово-финансовой политике»⁵. Сохранилась характеристика на Н. М. Сиганова от 3 марта 1931 года за подписью завоблфинотделом В. Ф. Королева, в которой он характеризуется как дельный и исполнительный работник, активно реализующий «генеральную линию партии по налогово-финансовой политике»⁶.

1 ноября 1931 года Н. М. Сиганов был назначен на должность завфинотделом горисполкома г. Иваново-Вознесенска, который возглавлял до января 1936 года. При этом следует отметить, что ИПО к 10 марта 1932 года первая в СССР выполнила план первого квартала по мобилизации платежей. В постановлении Коллегии Народного комиссариата финансов СССР от 20 марта 1932 года говорилось, что этот успех «является результатом развертывания за последние полгода массовой политической работы, социалистического соревнования районов, большого внимания к этому делу местной печати и в первую очередь результатом боевого большевистского руководства финработой со стороны иваново-промышленных областных, партийных, советских и профессиональных организаций». Тогда же было решено отметить нагрудным знаком Коллегии НКФ СССР по г. Иваново-Вознесенску секретаря горкома ВКП (б) Нефедова, председателя горсовета Малкова и заведующего горфо Сиганова⁷. О последствиях таких «успехов», отягощенных мерами по ограничению снабжения населения продуктами питания с 1 апреля 1932 года, можно судить по воспоминаниям Н. М. Сиганова. В них он пишет о тревожных настроениях в трудовых коллективах областного центра и стихийных выступлениях рабочих

в районных городах Вичуга и Тейково. В целях снятия напряженности в городах и поселках области ЦК ВКП (б) рекомендовал руководству обкома ВКП (б) ИПО, кроме принятия репрессивных и административных мер, ослабить налоговое давление на городское население по линии местных платежей. В мае 1932 года в область для проверки правильности исчисления и взыскания налоговых платежей с населения прибыла бригада работников из НКФ РСФСР⁸. В Иваново-Вознесенском горфо приказом его заведующего Н. М. Сиганова от 11 мая 1932 года были созданы две бригады «для проверки обложения налогами и сборами рабочих и срочного исправления допущенных ошибок и искривлений налоговой политики». При этом, говорилось в приказе, «никаких обследований массового порядка производиться не должно и всю работу сосредоточить на материалах, имеющихся в распоряжении ГФО», выход к месту жительства плательщиков был возможен в исключительных случаях и только на основании распоряжения завгорфо⁹. Несомненно, такие указания являлись важной особенностью проводимой работы по пересмотру налогообложения рабочих (прежде всего, подоходным и промысловым налогами, сбором на нужды жилищного и культурного строительства) и были продиктованы нежеланием вызвать очередную волну недовольств со стороны рабочих. К сожалению, о дальнейшей своей деятельности в горфо в 1933—1935 годах Н. М. Сиганов вспоминает очень мало. Отсутствуют и архивные документы, раскрывающие его участие в этой работе. Тем не менее, из других источников известно, что в 1934—1935 годах специальные совещания в Иванове посещали нарком финансов СССР Г. Ф. Гринько и наркомфин РСФСР В. Н. Яковлева. Так, Г. Ф. Гринько, обеспокоенный слабым выполнением областью плана по мобилизации налоговых платежей на совещании руководящих работников 2 апреля 1934 года выразил надежду, что область выйдет из прорыва и «займет одно из первых мест по выполнению финплана»¹⁰. О плохой работе по взысканию налоговых платежей с населения также говорила В. Н. Яковлева 16 ноября 1934 года на расширенном совещании финработников ИПО с участием председателей риков и комсоводов крупнейших предприятий. В своем докладе она признала работу облфо неудовлетворительной. Причинами снижения ее результативности

в III квартале В. Н. Яковлева назвала несоответствие декларативных обязательств центру и мер, принятых местным руководством для их исполнения¹¹. В ответ на ее критику секретарь обкома ВКП (б) К. И. Николаева заявила, что «обязательства надо не только брать, но и выполнять, по-большевистски драться за их реализацию, иначе это будет пустая болтовня. <...> Неужели же мы будем плестись в хвосте? Я думаю, что мы могли бы по выполнению финплана биться за одно из первых мест»¹². Такие визиты наркомфинов СССР и РСФСР, а также заверения местных руководителей лишь на короткое время способствовали активизации деятельности финорганов, однако решить весь клубок проблем, стоявших перед ними, разумеется, не могли. Обстановка в области накалялась как под воздействием мощной критики сверху, так и кризисной ситуации, вызванной неурожаем 1935 года. Разрешение проблем виделось через реорганизацию области. И такая реорганизация ИПО на две составляющие — Ивановскую и Ярославскую области — состоялась совершенно неожиданно в марте 1936 года.

17 марта 1936 года было принято постановление ВЦИК «Об образовании организационного комитета ВЦИК по Ярославской области», подписанное М. И. Калининным и А. С. Киселевым. В его состав вошли: на правах председателя Г. Г. Заржицкий, его заместителя — А. В. Хлыбов и членов: А. Л. Ершов-Лурье, М. Д. Каменский, Н. М. Сиганов и Н. Я. Чернышев¹³. Для формирования управленческого аппарата из Иванова в Ярославль были направлены 450 человек¹⁴. Многие из них впоследствии оказались на руководящих должностях не только в облисполкоме, но и в Управлении НКВД по Ярославской области, органах прокуратуры и судов. Так, председатель оргкомитета ВЦИК по Ярославской области Г. Г. Заржицкий стал председателем Ярославского облисполкома, а его заместителем назначен А. В. Хлыбов. Н. М. Сиганов, возглавивший откомандированную из облфинотдела ИПО в распоряжение оргкомитета ВЦИК по Ярославской области группу в составе 19 работников, был назначен на должность начальника финансового управления Ярославского облисполкома¹⁵.

Под его непосредственным руководством создавалась управленческая структура финансовых органов Ярославской области, осуществлялся прием предприятий от Ивановской области

и изучение их производственного потенциала, определялись источники формирования государственного и областного бюджета. Одной из важнейших задач вновь созданного облфинотдела являлось обеспечение своевременного и полного выполнения плана по государственным доходам и наполнение бюджета области. Здесь между ивановцами и уже ярославцами возникли существенные разногласия. Так, 6 апреля 1936 года при Ивановском облисполкоме по вопросу о разделении бюджета ИПО между Ивановской и Ярославской областями состоялось совещание с участием С. П. Аггеева, А. В. Хлыбова, Н. М. Сиганова и П. И. Тройникова. Разговор был жестким. Дело дошло до того, что С. П. Аггеев вынужден был даже заявить, что «Ивановская область строилась в течение 6 лет, а вы хотите в Ярославле в один год создать область. Так не выйдет». В результате сальдо неразделенных доходов в сумме 3 900 тыс. руб. оставили в пользу Ярославля. По настоянию ивановцев было принято решение поставить перед НКФ СССР вопрос, чтобы при окончательном сбалансировании бюджета учитывались доходы, отошедшие в Ярославскую область¹⁶. Жесткие требования к формированию доходной части бюджета области поступали и из НКФ СССР. Так, 31 октября 1936 года НКФ СССР, ссылаясь на решения СНК СССР и комиссии партийного контроля, потребовал от руководителей крайоблфо под личную ответственность к 20 ноября резко снизить недоимку по налогу с оборота, поскольку создавалась угроза срыва плана. Для этого было необходимо провести «сплошную проверку решающих плательщиков», применить жесткие меры взыскания, привлечь к ответственности злостных недоимщиков и послать в крупные районы ответственных работников¹⁷. В списке получателей телеграммы значились горфо г. Москвы (Г. В. Романов), мособлфо (Федотов), Иваново (П. И. Тройников), Калинин (А. И. Цимблер) и Ярославль (Н. М. Сиганов)¹⁸.

О том, как решались эти задачи, свидетельствуют архивные материалы Государственного архива Ярославской области и, в частности, «Объяснительная записка к итогам исполнения местного бюджета за 1936 год». В ней говорится, что целый ряд серьезных недочетов с исполнением бюджета, организацией массовой и ревизионной работы, факты нарушений финансово-хозяйственной дисциплины, растрат, расходование государственных средств

на свои нужды объясняются, прежде всего, неукомплектованностью областного аппарата, организационным периодом и другими причинами. В заключении записки предполагалось в 1937 году изжить названные недочеты «на основе развернутого социалистического соревнования и мобилизации усилий всего партийного и советского аппарата области»¹⁹.

Однако реализация означенных призывов наталкивалась на объективные препятствия. Так, в июне 1937 года Наркомфин РСФСР утвердил бюджет для Ярославской области по доходам с превышением плановых поступлений от промышленности в сумме более 7 млн руб., что привело к образованию разрыва между финансовым планом промышленности и бюджетом области по доходам. В результате 15 июня 1937 года Президиум Ярославского облисполкома поручил подготовить тов. Шароварову и Сиганову проект письма в СНК РСФСР о нереальности доходов и расходов по промышленности в местном бюджете Ярославской области на 1937 год²⁰. Таким образом, только образованием новой области проблемы с формированием доходной части государственного и местного бюджетов не могли быть решены, они по-прежнему имели место и усугубились в связи с массовыми арестами работников аппарата управления в ходе политических репрессий.

Аресты начались после пленума Ярославского обкома ВКП (б), состоявшегося 24 июня 1937 года, для участия в котором прибыли Л. М. Каганович и Г. М. Маленков. Н. М. Сиганов также был участником этого пленума и вспоминал, как после доклада первого секретаря обкома А. Р. Вайнова выступил Л. М. Каганович, «который начал обвинять бюро обкома и каждого из его членов в безответственности, нарушении директив ЦК партии, в проведении на практике троцкизма, правого уклона и во всех прочих смертных грехах. Он говорил около 2 часов и мы слушали, буквально обалдев от неожиданности. Он не оставил без разгромной критики ни одной отрасли хозяйственной и политической работы в Ярославской области, грубо оскорбляя отдельных членов бюро и работников обкома партии и облисполкома, причем делая это безапелляционно, не подтверждая фактами и документами»²¹. В ходе работы пленума были арестованы И. А. Нефедов — второй секретарь обкома, А. И. Прокофьев — секретарь облисполкома и другие ответственные работники.

Чуть позже был арестован первый секретарь обкома А. Р. Вайнов, председатель облисполкома Г. Г. Заржицкий, его заместитель А. В. Хлыбов, председатель облплана Луппов, секретари горкома ВКП (б) Иванов и Шеханов, заведующий облкомхозом В. Н. Мольков и «десяток других работников обкома и облисполкома, ряд директоров фабрик и заводов. Всем им приклепывались краткие и ставшие в те годы крылатыми клички “врагов народа”»²².

В первых числах июля Н. М. Сиганову на работу позвонила нарком финансов РСФСР В. Н. Яковлева, «старейшая большевичка, соратник Крупской» и, в частности, задала вопрос: «Что там у вас происходит? Твердо ли Вы чувствуете себя на своем месте?». По словам Н. М. Сиганова, он ответил, что происходящие события и аресты ему не понятны, но «за себя он спокоен»²³. Тем не менее, 12 июля 1937 года Н. М. Сиганов был арестован²⁴, а в сентябре была арестована и В. Н. Яковлева. Как следует из дела № 420 на заключенного Н. М. Сиганова, он содержался под стражей в Ярославской тюрьме (спецкорпус Коровники) до августа 1938 года.

Официальная версия его ареста была отражена в стенограмме первого Ярославского областного совещания финансовых работников, состоявшегося в декабре 1937 года. В ней отмечалось, что «немалый вред нанесли финансированию первоочередных важнейших социально-культурных и хозяйственных потребностей вредители, бывшие в облисполкоме Заржицкий, Хлыбов и в облфинотделе Сиганов, Колосов, которые ставили своей целью вредительство в финансовой работе, проводили свою работу втихомолку, не держали связи с финансовыми работниками, не ставили под критику свою работу, которую они вели, и таким образом достигали своей цели, цели подрыва выполнения финансовых планов, особенно в доходной части, и срыва финансирования социально-культурных мероприятий, задержек в выдаче зарплаты...»²⁵.

В своих воспоминаниях Н. М. Сиганов очень подробно осветил детали ареста, помещения в тюрьму, допросов, быта политических заключенных, их судьбы и т. д. Глубокое впечатление на арестованных произвело устное «завещание» Г. Г. Заржицкого, которое передавалось из камеры в камеру и благодаря Н. М. Сиганову сохранилось до наших дней. Краткое по содержанию и выстраданное в нравственных муках, оно было направлено на объяснение причины поступка, раскаивание в его совершении и отказ

от ложных показаний, данных им сотрудникам НКВД: «Товарищи, я умираю в больнице Коровнинской тюрьмы и перед смертью обязан сказать правду. Я не выдержал допросов и подписал всё, что мне давали подписать. Я знаю, что за это мне нет никакого прощения и перед смертью хочу только одного, чтобы все знали, что какие бы ни предъявляли вам обвинения от моего имени или за моей подписью — все они являются вымученной ложью и от слова до слова выдуманы следователями НКВД»²⁶. Возможно, оно позволило многим не попасться на уловки чекистов и тем самым сохранить свою жизнь и жизнь товарищей. Укреплению уверенности в своей невиновности многим из арестованных способствовала информация (тюремная «параशा») о «крупных перегибах в работе НКВД», аресте как немецкого шпиона и расстреле начальника УНКВД по Ярославской области А. Л. Ершова-Лурье.

14 августа 1938 года Особым совещанием при Народном комиссаре внутренних дел СССР Н. М. Сиганов за контрреволюционную деятельность был приговорен к пяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Местом отбывания заключения первоначально был определен «Кулойлаг» в Архангельской области²⁷. Здесь ему также приходилось встречаться с бывшими коллегами, своими земляками-ивановцами, а также костромичами и ярославцами. Нередко от такого вынужденного общения зависело очень многое. Так, в Кулойлаге, благодаря встрече с Рейном — бывшим референтом наркома финансов СССР Г. Ф. Гринько (был репрессирован в 1937 году), он был взят на работу в контору лагеря²⁸. Однако после вмешательства 3-го отдела (внутрилагерный отдел госбезопасности) был отправлен на транспортировку леса к местам погрузки иностранных судов-лесовозов. В дальнейшем работал на лесоповале в различных лагпунктах Кулойлага, а затем перемещен в другой лагерь Архангельской области — Березлаг, где работал в бухгалтерии лагеря.

Во время Великой Отечественной войны, как и многие другие политзаключенные, он неоднократно обращался в лагерную администрацию с просьбами об отправке на фронт. Ответ был один — отказать. В то же время, рассказывал Н. М. Сиганов, «бытовиков и уголовников (кроме осужденных по ст. 59 — бандитизм), хотели они или не хотели, начали досрочно освобождать. Комплектовать из них спецэтапы для отправки в штрафные

батальоны. Из нашего лагеря в сентябре — октябре 1941 года были отправлены таким образом многие сотни заключенных. Не знаю как другие, а я им искренне завидовал». В этот же период, по его словам, в лагере началась «какая-то скрытая от нас проверка всех “контриков” и “врагов народа”. С поводом или без повода начались аресты. Через каждые две-три недели заседали в Управлении лагеря Выездные сессии Военного трибунала, которые всем попавшим под эту новую метлу заключенным выносили одно решение — расстрел»²⁹. Есть в его воспоминаниях и другие леденящие душу подробности лагерного быта в годы войны. Несмотря на то, что срок заключения истек еще в 1942 году, из очередного лагеря — Устьвымлага Н. М. Сиганов был освобожден только после войны.

В октябре 1946 года он вернулся к семье в Иваново. Однако в июле 1949 года вновь был арестован и по приговору Особого совещания при МГБ СССР от 17 сентября 1949 года отправлен по этапу в бессрочную ссылку в Красноярский край. Этот период, с впечатлениями о судьбах различных людей, встреченных им во время следования по этапу, и пребывании на вечном поселении, также отражен на страницах его воспоминаний. И только после смерти И. В. Сталина, развязавшего геноцид против советского народа, определением Военного трибунала Московского военного округа от 30 августа 1956 года Н. М. Сиганов был реабилитирован. Постановления Особых совещаний при НКВД СССР 14 августа 1938 года и при МГБ СССР 17 сентября 1949 года в отношении его были отменены, а дело прекращено за отсутствием состава преступления³⁰. Об отношении к сухим строкам этих официальных документов, искалечивших его жизнь и судьбы близких ему людей, с болью говорит он в своих мемуарах: «Во все годы своей многолетней жизни в тюрьмах и лагерях меня почти никогда не оставляла страшная нравственная мука от сознания несправедливости моего осуждения; я часто приходил в отчаяние от мучительного ощущения своего полного бессилия перед обстоятельствами». По его признанию, даже спустя двадцать лет после реабилитации «во мне еще бродит этот мучительный опыт, не проходит горькая усталость, а с нею порой охватывает равнодушие ко всему».

Несомненно, воспоминания Н. М. Сиганова, как социальный микроисторический труд, представляют интерес не только для исторической науки, но и для широкой общественности. Они были написаны в период с 1968 по 1980 год, то есть почти одновременно с работой А. И. Солженицына над «Архипелагом ГУЛАГ». Причем оба в разные годы испытали на себе весь трагизм политических репрессий, смогли выжить и оставить потомкам яркие свидетельства о событиях прошлого. Отличие воспоминаний Н. М. Сиганова от «Архипелага ГУЛАГ» лишь в том, что они географически охватывают меньшую территорию (Ивановскую, Ярославскую, Архангельскую области и Красноярский край) и имеют более узкие хронологические рамки (1930—1956 гг.). Н. М. Сиганов также не выходит за пределы лично им пережитых событий, то есть не вводит в оборот документы и свидетельства других очевидцев. Тем не менее, его воспоминания содержат уникальные свидетельства об истории финансовых органов, специфике репрессий и судьбах ивановцев, ярославцев, костромичей и представителей других регионов, оказавшихся в ГУЛАГе по сфабрикованным обвинениям во второй половине 1930-х годов. Многие из них были расстреляны, другие погибли в лагерях, а те, кто выжил, вычеркнули навсегда из памяти пережитые страшные годы. В этой связи воспоминания Н. М. Сиганова имеют огромную ценность для объективного отражения не только истории региона, но и страны. И все-таки, из-за сталинских преступлений он не перечеркивает колоссальные усилия миллионов советских людей по построению плановой экономики в СССР. «Жизненный оптимизм и вера в лучшее будущее никогда не покидали меня даже в самые отчаянные периоды моей жизни», — пишет Н. М. Сиганов в заключение. Эту уверенность он сохранил до конца своей жизни. Умер Николай Михайлович в возрасте 84 лет в сентябре 1987 года, до последних дней сохранив интерес к событиям в нашей стране.

Примечания

- ¹ Ивановская Промышленная область (ИПО) была образована в 1929 г. в результате объединения территорий и промышленных потенциалов Владимирской, Ивановской, Костромской и Ярославской губерний.

- ² *Сиганов Н. М.* Записки и воспоминания о нашей родословной, отдельных фактах жизни и пережитом / публ. *В. С. Околотина, М. Б. Баялиной*; предисл. *В. С. Околотина*. Иваново, 2003.
- ³ Государственный архив Ивановской области (далее — ГАИО). ФП-327. Оп. 2. Д. 18489. Л. 1—3.
- ⁴ Там же. ФР-1698. Оп. 1. Д. 2. Л. 219.
- ⁵ Там же. Д. 13. Л. 10.
- ⁶ Там же. Л. 8.
- ⁷ Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф-7733. Оп. 9. Д. 222. Л. 35.
- ⁸ ГАИО. ФР-1698. Оп. 1. Д. 18. Л. 349.
- ⁹ Архив финансово-казначейского управления администрации г. Иванова. Ф.-1176. Оп. 5. Д. 36. Л. 29 об.—31 об.
- ¹⁰ В борьбе за финплан область должна стать передовой // Рабочий край. 1934. 10 апр.
- ¹¹ Финансовое совещание Ивановской области // Экономическая жизнь. 1934. 18 нояб.
- ¹² *Николаева К. И.* Завоеем одно из первых мест в союзе по финансовой работе // Там же. 25 нояб.
- ¹³ Известия. 1936. 18 марта.
- ¹⁴ Государственный архив Ярославской области (далее — ГАЯО). Ф.-2398. Оп. 1. Д. 37. Л. 157.
- ¹⁵ ГАИО. ФР.-1698. Оп. 2. Д. 510. Л. 354.
- ¹⁶ Там же. ФР.-1510. Оп. 1. Д. 3840. Л. 1—14.
- ¹⁷ РГАЭ. ФР.-7733. Оп. 14. Д. 17. Л. 71.
- ¹⁸ Там же. Л. 73.
- ¹⁹ ГАЯО. Ф.-2398. Оп. 1. Д. 33. Л. 45.
- ²⁰ Там же. Д. 1350. Л. 89—92 об.
- ²¹ *Сиганов Н. М.* Указ. соч. С. 76.
- ²² Там же. С. 78.
- ²³ Там же.
- ²⁴ ГАЯО. Ф.-3698. Оп. 2. Д. С-4958. Л. 5 об.
- ²⁵ Там же. Ф.-2398. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.
- ²⁶ *Сиганов Н. М.* Указ. соч. С. 96.
- ²⁷ ГАЯО. Ф.-3698. Оп. 2. Д. С-4958. Л. 119.
- ²⁸ *Сиганов Н. М.* Указ. соч. С. 130.
- ²⁹ Там же. С. 148.
- ³⁰ ГАЯО. Ф.-3698. Оп. 2. Д. С-4958. Л. 178—179.

ББК 63.3(2)535-283.2+76.023

В. В. Возилов

ПРОБЛЕМА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НА СТРАНИЦАХ РУКОПИСНЫХ ЖУРНАЛОВ НАЧАЛА XX ВЕКА

Рукописные журналы представляют большой научный интерес, хотя они редко оказываются в центре внимания исследователей. К настоящему времени в государственных архивах и музейных коллекциях автором выявлено почти полтора десятка наименований и более двух десятков экземпляров рукописных газет и журналов первой четверти XX века. Часть из них опубликована, при этом имеются воспоминания еще о нескольких изданиях, оригиналы которых пока не выявлены¹. Почти все эти рукописные журналы выпущены провинциальной интеллигенцией на территории современного Ивановского края.

Рубеж XIX—XX веков стал периодом активного распространения рукописных журналов в Шуйском уезде Владимирской губернии. Так, ставший позже известным писателем и журналистом И. А. Волков, работая в 1901 году конторщиком на фабрике в Иваново-Вознесенске, объединил вокруг себя прогрессивно настроенную молодежь и стал выпускать нелегальный рукописный журнал «Кружок»². Рукописные издания, прежде всего оппозиционного характера, активно распространяются в интеллигентской среде накануне и во время Первой российской революции

© Возилов В. В., 2014

Возилов Владимир Владимирович — кандидат исторических наук, директор Шуйского историко-художественного и мемориального музея имени М. В. Фрунзе, депутат городской Думы городского округа Шуя 5-го созыва. vozilov@list.ru

(1905—1907 гг.)³. Пристальное изучение истории провинциальных рукописных журналов позволяет глубже понять содержание общественно-политической жизни провинции и процессы, происходившие в мировоззрении провинциальной интеллигенции.

Наличие большого количества рукописных журналов свидетельствует о традиции создания подобных органов в среде провинциальной интеллигенции в начале XX века. Как правило, эти рукописные органы носили кружковый характер; они объединяли представителей провинциальной интеллигенции либо по групповому признаку (гимназические журналы, рукописные журналы литературных групп), либо по идейно-политическим признакам (оппозиционные издания различной направленности). Примечательно, что не встречаются проправительственные рукописные издания; вероятно, консервативной интеллигенции подобной формы самовыражения не требовалось.

В настоящее время автором выявлены несколько рукописных журналов, выпущенных с 1901 по 1918 год, в которых получили отражение интеллигентские дискуссии начала XX века. Среди них — студенческие и гимназические рукописные издания начала XX века «Свободное слово» (1901) и «Отголоски волнений 1901 года», а также гимназический журнал «Мирок» (1904). Среди рукописных изданий периода Первой российской революции особого внимания заслуживают гимназический журнал «Вёсны» (1905), а также рукописные большевистские журналы «Пробуждение» (1905) и «Эхо» (1906). Шуйские общественно-политические и школьно-гимназические журналы, созданные в 1918 году, представлены либеральной «Свободной мыслью», а также «Юными звуками» и «Эхо», выходившими под редакцией молодого Е. Ф. Вихрева.

Классификация рукописных изданий не вызывает больших затруднений. Особенный интерес представляют *общественно-политические журналы*. Большинство рукописных журналов имеют оппозиционную направленность: «Вёсны» (1905), «Пробуждение» (1905) и «Эхо» (1906) явно сочувствуют революционному движению, а «Свободная мысль» (1918) носит ярко выраженный антибольшевистский характер. Даже вихревское «Эхо» (1918) дискутировало с иными рукописными изданиями, созданными в тот же период.

Вторая группа журналов — *студенческие и школьно-гимназические*. При этом студенческие издания тяготеют к общественно-политическим журналам. Таковы, например, издания 1901 года, посвященные университетской реформе («Свободное слово») и студенческим волнениям начала века («Отголоски волнений 1901 года»). Гимназические (школьно-ученические) рукописные журналы большей частью являются изданиями по интересам (чаще всего литературно-художественными). Эти издания курировались преподавателями гимназий по соответствующим предметам (преимущественно словесниками). Среди гимназических журналов встречаются журналы «кружковой» (в некоторой степени общественно-политической) направленности. Таков, например, журнал «Мирок», в котором затрагиваются вопросы самоорганизации гимназической жизни, создания кружковых объединений с целью саморазвития гимназистов.

В провинциальных рукописных журналах получал отражение широкий спектр проблем: от самовоспитания и самообразования до школьной и университетской реформы, от задач кружковых объединений до предназначения русской интеллигенции, от разоблачения антисемитизма до проблем преобразования русского общества и т. д. Несомненно, что ряд журналов имели и вполне утилитарное предназначение, преследуя цель формировать личности молодых провинциальных интеллигентов; этот культуртрегерский аспект особенно важен для понимания процессов преемственности поколений. Тема «отцов и детей» неоднократно затрагивается на страницах провинциальных рукописных журналов (в том числе и гимназических).

В большинстве рассматриваемых рукописных журналов получили отражение дискуссии о роли и предназначении интеллигенции, отголоски которых доходили и до провинции. Мироззренческие споры российской интеллигенции на переломе веков находили отражение в студенческих журналах. События студенческих волнений 1901 года, их восприятие со стороны радикально настроенного студенчества получили отражение в рукописных студенческих журналах «Свободное слово» и «Отголоски волнений 1901 года».

Радикальное студенчество, превращая вузы в политические дискуссионные площадки, стремилось не только к изменениям

в системе образования, но и подрывало политические основы государства, пополняя ряды нигилистов. Правительство, для которого проблема подготовки квалифицированных кадров для страны превращалась в проблему подготовки кадров профессиональных революционеров, вынуждено было предпринимать иногда достаточно жесткие меры для изживания крамолы в университетах.

В части материалов создатели журнала «Отголоски волнений 1901 года» стараются выявить причины студенческих беспорядков: разоблачают «временные правила», выступают за реформу системы образования, критикуют деятельность Академии наук и проч. До русского общества авторы журнала стараются не просто донести правду о студенческих волнениях и беспорядках, а пытаются склонить интеллигенцию на сторону студенчества: «Русская интеллигенция всегда сочувствовала прогрессивным течениям в общественной жизни. Лучшими ее представителями, естественно, должны являться ее умственные руководители, между прочим, и профессора. Действительно, мы видим, что последние неоднократно честно и смело возвышали свой авторитетный голос в защиту притесняемых и оскорбленных».

В журнале прослеживается и политическая составляющая, подчеркивающая сочувствие создателей журнала радикальным партиям. Об этом свидетельствует листовка «Ко всем работницам и рабочим» Киевского комитета РСДРП, посвященная рабочей демонстрации в Киеве 11 марта 1901 года, а также эсеровская листовка «К учащейся молодежи», посвященная применению положений «временных правил» по отношению к студентам Киевского университета, приговоренных к зачислению в армию: «Русская учащаяся молодежь в глазах правительства занимает особое положение. Это не та “надежда отечества”, о которой так много и хорошо говорится при каждом удобном случае, это не “соль земли” и не “будущие полезные деятели”, нет, это — очаг крамолы, это — скопление вредоносных элементов, требующее усиленного внимания со стороны подлежащих органов власти и постоянного применения ежовых рукавиц. И ежовые рукавицы никогда не переставали действовать, стискивая и уродуя несчастную молодежь, они властно и нагло вторгаются в ее внутреннюю, духовную жизнь и за последнее время начинают играть из ряда вон выходящую роль».

Основное содержание журнала «Отголоски волнений 1901 года» составляют документы и материалы, рассказывающие о причинах студенческих волнений марта 1901 года и откликах на них выдающихся представителей российской интеллигенции⁴. Подача материала в рукописном журнале представляет, прежде всего, неофициальную точку зрения на произошедшие события. Журнал «Свободное слово» (1901), вышедший в тот же период, посвящен разоблачению содержания правительственных реформ в области университетской жизни⁵.

Из рукописных гимназических журналов, выпущенных накануне Первой российской революции, большой интерес представляет журнал «Мирок» (1904)⁶. По содержанию «Мирок» является наиболее интересным из всех дошедших до нас гимназических рукописных журналов. В редакционной статье отмечается, что «направление журнала довольно резко изменилось». В статье «Несколько слов к вопросу о значении журнала для класса» автор отмечает неудачные попытки отдельных гимназистов в прошедшем учебном году сформировать кружки, чтобы сделать их центрами умственного развития класса. Провалы этих попыток автор объясняет тем, что в образовании кружков главная руководящая роль принадлежит одной личности. Иное дело журнал, который «не находится под одним чьим-либо авторитетным влиянием, а наоборот, тут все сообща влияют друг на друга». В разделе беллетристики был опубликован рассказ из гимназической жизни, его суть сводится к пропаганде идеи организации гимназических кружков с целью самообразования.

Направление «Мирка» объясняет активное участие гимназистов в революционных событиях. Несомненно, что кружковая работа молодой критической мысли, направленной на самообразование, должна была найти выход в условиях революции. И в годы Первой российской революции в Шуе выходит еще один гимназический журнал — «Вёсны»⁷. Из воспоминаний гимназиста В. О. Броуна следует, что существовали и другие рукописные гимназические журналы общественно-политического содержания, судьба которых неизвестна⁸.

В своих воспоминаниях С. А. Дамская писала о «Вёснах»: «Издавался журнал, печатавшийся на гектографе. Журнал, в котором школьная злободневность переплеталась с тем, что

происходило в стране»⁹. Анализ содержания журнала показывает, что его публикации носят неонароднический и общедемократический характер. В рассказе «Трое», созданном под влиянием прозы Чехова, Короленко, Бунина, одна из героинь, «учительница-народоволка», ведет разговор с крестьянином-извозчиком, стараясь его «просвещать и вразумлять». В этом явно прослеживаются интеллигентские искания второй половины XIX века, ярким итогом которых стало «хождение в народ». Одной из наиболее интересных публикаций в журнале «Вёсны» следует назвать рассказ «Весною раннею», который затрагивает тему антисемитизма и еврейских погромов в России.

Своей основной целью сборник преследовал возбуждение революционного настроения в читателях-гимназистах. Большинство революционеров, состоящих преимущественно из молодежи, были охвачены стремлением бороться с недостатками существующего строя, а при необходимости готовились принести себя в жертву общему делу. Само название «Вёсны» говорит о новом, пробуждающемся сознании, проникнутом молодежным радикализмом, за которым скрывается стремление к новому, неизведанному.

Большой интерес для исследователей российского революционного движения в провинции в начале XX века представляют рукописные журналы, созданные на территории Костромской губернии, часть которой в настоящее время входит в состав Ивановской области. В фондах Государственного архива Ивановской области хранится комплекс материалов, включающий несколько рукописных журналов периода Первой российской революции. В этом фонде находятся рукописный журнал «Пробуждение» (1905, № 1) и иллюстрированный рукописный журнал «Эхо» (1906, № 1—7), созданные в селе Серее (ныне город Фурманов)¹⁰. Особенностью журнала «Эхо» является оформление: он содержит цветные иллюстрации, сделанные вручную, которые представляют собой в том числе замечательные карикатуры; как известно, период Первой российской революции — это золотой век русской политической карикатуры.

В это время в селе Серее происходили бурные общественно-политические события: организовывались забастовки, активно работали эсеровские и большевистские агитаторы, происходили столкновения между черносотенцами и революционе-

рами. Кроме того, село было местом, где отбывали наказание лица, ссылаемые в административном порядке. Несомненно, в такой среде могли возникать рукописные общественно-политические журналы самого радикального содержания. Политическая направленность журналов не вызывает каких-либо сомнений. Так, на первой странице первого номера журнала «Эхо» изображен рабочий, порвавший оковы и держащий флаг РСДРП. Под рисунком подпись: «Рисунок, достаточно выясняющий направление нашего журнала».

Рукописные журналы содержат значительное количество интересных материалов, затрагивающих наиболее актуальные вопросы того времени. Например, журнал «Пробуждение» открывался статьей на самую животрепещущую на тот момент тему о роли интеллигенции в обществе. Неизвестный автор «Пробуждения» в очередной раз предлагает интеллигенции отказаться от наследия отцов и начать подготавливать новый идейный фундамент для будущих поколений. Явное преодоление народнических и неонароднических воззрений заключается в отказе от призыва идти в народ и замене его предложением интеллигенции сначала свергнуть самодержавие и только потом обратиться к народу с определенной умственной программой.

Содержание журнала «Эхо» (1906) представляет большой интерес для исследователей революционного движения. Первый номер (20 января) включал в числе прочего рассказ «Сон» (о тюремных буднях), стихотворение «Павшим братьям» и проч., второй номер (27 января) — стихотворения «Памяти жертв реакции», «Перед братской могилой», «Митинг» и т. п. В пятом номере (26 февраля) содержание становится более радикальным, обращает на себя внимание материал «К годовщине мученической кончины великого князя Сергея Ходынского». В шестом номере (5 марта) интересна заметка о Карле Марксе (ко дню его рождения 1 марта 1818 г.), а также призыв «Долой смертную казнь». Он повторяется и в следующем номере. Это показывает, что правительство начало активную борьбу с радикальной интеллигенцией.

В период с 1907 по 1917 год упоминаний об издании рукописных журналов не встречается (возможно, они еще будут выявлены исследователями). Вероятно, во время спада революционного движения, усиления полицейского контроля, отхода

интеллигенции от активной общественной деятельности, интерес к подобным изданиям падает, а участие в их создании становится небезопасным. После Октябрьского переворота рукописная традиция ненадолго восстанавливается как благодаря активизации общественно-политической борьбы интеллигенции в провинции, так и вследствие реформы школы и методов преподавания в ней. И если школьные журналы продолжили свое существование и после 1918 года, то общественно-политические издания не смогли долго противостоять новой власти.

Наиболее интересным из рукописных журналов является шуйская «Свободная мысль» (май 1918 г.)¹¹. По своей направленности это было издание, ориентированное на защиту свободы слова и представлявшее взгляды всех несогласных с большевиками (кадетов, эсеров и меньшевиков). К началу 1918 года местные либералы, потеряв влияние в органах местного самоуправления, проиграв выборы в Учредительное собрание и утратив контроль над печатным органом (газетой «Шуйские известия»), оказались на периферии политической борьбы. Лишенные возможности открыто выражать свои взгляды, представители либеральной интеллигенции решили издавать рукописный журнал «Свободная мысль». Этот журнал без преувеличения можно назвать «шуйскими “Вехами”».

В редакционной статье подчеркивалось: «Что касается отдела политического, то партийности в нем не должно быть — открыты двери для каждого, к какой бы партии он не принадлежал; наша задача — вызвать обмен мнений, а не навязывать каких-либо убеждений». Однако журнал сразу отказался от политических статей правого характера. Так, сразу после статьи «Что они дали?» следовала статья «Позор интеллигенции», начинавшаяся словами: «Какие только ужасы, какие зверства творятся во всех далеких и близких уголках “святой Руси”. Народ потерял, кажется, все человеческое, что только было в нем. Нет, кажется, ни одного номера газеты, в котором не было бы сведений о новых и новых, самых диких расправах и самосудах. В деревнях избивают и жгут на кострах конокрадов, громят усадьбы, режут, избивают, топят поме[щиков]...». Поскольку нумерация страниц сохранившегося экземпляра не нарушена, а на странице заметны следы заклеивания данного текста, следует предположить, что он не отвечал целям и задачам его создателей.

Издатели журнала были обеспокоены, что «со всех сторон слышатся по адресу интеллигенции вообще и студенчества в частности нарекания за то, что в этот трудный для страны момент не только не видно их работы, но не замечается и особого желания к созданию новых, лучших условий жизни государства и к спасению последнего от того ужасного разложения, в котором оно находится». По мнению издателей, нужно было дать понять рабочим, что «мы несем в своих знаниях не какую-нибудь контрреволюцию, а наоборот, формы жизни очень далекие от прежних, формы эволюционные, не выдуманные, не те эксперименты, что сейчас проделываются».

Особенно интересен для исследователя политический раздел рукописного журнала. В нем была опубликована статья «Что они дали?», подписанная «Студент-меньшевик». Автор статьи отмечает неизбежность гибели России и всего того, что дала революция из-за характера установившегося политического режима. «Уже в дни первого свободного лета слышались голоса, предостерегающие народ от той участи, которая его ожидает, если он пойдет за теперешними его руководителями и осуществит бесконечно гибельную при современных условиях диктатуру пролетариата. И Плеханов, и Церетели напоминали пророческие слова Энгельса, что для рабочего класса не может быть большего несчастья, как захватить полноту власти в тот момент, когда он еще не созрел для плодотворного употребления в дело этой власти», — пишет сторонник правого крыла РСДРП.

В религиозно-философском разделе журнала был опубликован материал С. Г. (Сергея Грамматина) «Светское мировоззрение и христианство в их взаимоотношениях» — отзыв на доклад И. В. Кохомского в Религиозно-философском кружке, и статья самого Кохомского «О пробуждении религиозно-философских и церковных интересов». В своей публикации И. В. Кохомский отмечал, что «в настроении некоторой части русского общества произошел на наших глазах глубокий перелом, перелом в сторону религиозных и церковных устремлений... Вопросы религиозные и судьбы церкви православной стали волновать в наши дни даже тех, кто раньше вменял себе чуть ли не в обязанность не интересоваться и не думать ни о том, ни о другом». Этот упрек Кохомского относился к интеллигентам, а основное содержание статьи сводилось

к тому, что «появление религиозно-мыслящего интеллигента поведет к постепенному преодолению интеллигентской однокости».

Это показывает, что революционные события вернули интеллигенцию в лоно церкви, которая, как всегда в смутное время, стала опорой для тех, кто был опечален разрушением государственности и братоубийственной войной. Интеллигенция, которая до этого относилась к церкви если не с ненавистью, то с пренебрежением, была отравлена толстовством и богоискательством, обнаружила силу, которая пусть не была в прямой конфронтации с властью, но аккумулировала вокруг себя всех недовольных.

В 1917—1918 годах актуальной становится проблема отношений интеллигенции с новой властью, стремления интеллигенции занять достойное место в новом обществе, которое могло бы позволить ей реализовать свои способности. Эти же идеи встречаются на страницах «Свободной мысли»: «Мало-помалу к рабочим массам начинает возвращаться сознание, а вместе с этим открывается широкое поле для применения наших сил и знаний в культурно-общественной работе... Пусть же проснется интеллигенция, пусть сблизятся интеллигентные люди друг с другом и объединятся для совместной работы!..» Следует отметить, что отношение авторов журнала к происходящим событиям в России не отличалось от настроений выдающихся представителей российской интеллигенции. Это легко можно увидеть, сравнив высказывания шуйских интеллигентов со статьями А. М. Горького в «Новой жизни», с дневниками А. А. Блока и М. М. Пришвина или мыслями, высказанными В. Г. Короленко в письмах к А. В. Луначарскому в 1920 году.

Появление журнала «Свободная мысль» — закономерное явление, поскольку с ноября 1917 года большевики вели целенаправленную политику по уничтожению оппозиционных движений и свободы слова. Журнал «Свободная мысль» показывает, что споры о судьбах интеллигенции в России в 1918 году (а это год создания сборника «Из глубины») велись не только в столицах, но и в провинции, а содержание интеллигентских дискуссий начала века не осталось незамеченным на местах. Кроме того, журнал опровергает устоявшееся мнение, что в ряде центральных районов России приход к власти большевиков не вызвал никакой оппозиции. Крушение России получало живой отклик в умах

провинциальной интеллигенции, стремившейся к свободному выражению своих взглядов.

В 1918 году в Шуге выходят рукописные журналы «Юные звуки» и «Эхо», непосредственное участие в которых принимал Е. Ф. Вихрев (1901—1935)¹². Эти журналы интересны для изучения периода становления Е. Ф. Вихрева как писателя и общественного деятеля¹³. Например, журнал «Юные звуки» представляет собой характерный образчик гимназического журнала. Выходить он начал, вероятно, не позднее января 1918 года. Содержание «Юных звуков» позволяет охарактеризовать их как типичный литературный гимназический журнал начала XX века.

Рукописный журнал «Эхо» (ноябрь 1918 г.), с одной стороны, будучи журналом ученическим, является продолжением «Юных звуков», а с другой, название журнала «Эхо» указывает на отклик на иные рукописные издания, что, вероятно, относится к журналу «Свободная мысль»: «Месяца три тому назад группа из нескольких человек снова организовала кружок “Саморазвития”, ставящий себе целью чтение и разбор литературных произведений и освещение вопросов текущей политической жизни». Как известно, шуйским землячеством была создана культурно-просветительная комиссия. Указание во вступительной статье Е. Ф. Вихрева на то, что кружок «саморазвития» был организован «снова», т. е. повторно, свидетельствует о неоднократных попытках собрать интеллигентную молодежь вокруг различных культурных объединений.

Задачами журнала Е. Ф. Вихрев считал «хоть что-нибудь дать в умственном отношении» учащейся молодежи: «И мы, подрастающее поколение, на которое возлагаются все надежды, мы должны раньше воспитать в себе великие идеалы...» В программу журнала Е. Ф. Вихрев включает несколько пунктов: обмен мнениями и взглядами на тот или иной вопрос, знакомство читателей с результатами работы «Союза учащихся», предоставление места для первых творческих начинаний, создание центра, «вокруг которого соберутся все живые силы учащейся молодежи и посторонних лиц».

К сожалению, журнал «Эхо» малоинтересен с общественно-политической точки зрения. Если рукописный журнал «Свободная мысль» был наполнен несколькими яркими полемическими

статьями, то «Эхо» удивляет полным отсутствием таких. Причин этому может быть несколько: создатель журнала либо не хотел портить отношений с властями, либо не имел подготовленных авторов. Не исключено также, что, согласно редакционной статье, редактор преследовал, главным образом, культурные цели. Основное содержание журнала «Эхо» составляют первые, и как водится, достаточно слабые и наивные литературные опыты друзей редактора рукописного сборника. В них чувствуется хорошая гимназическая подготовка авторов, стремление подражать известным русским литераторам начала XX века.

Наличие многочисленных провинциальных рукописных журналов позволяет говорить о традиции создания подобных органов среди интеллигенции в начале XX века¹⁴. Многие из этих журналов являются интереснейшими образцами умственной жизни провинциальной интеллигенции в переломные моменты российской истории. Как правило, они отражали глубинные процессы, происходящие в мировоззрении российской интеллигенции, на провинциальном уровне перерабатывали и транслировали злободневные и актуальные проблемы, волновавшие русское образованное общество.

Примечания

- ¹ *Возилев В. В.* «Свободная мысль» — журнал шуйской интеллигенции // *Возилев В. В.* Интеллигенция провинциального города в истории России. Иваново, 2003. С. 109—152; *Вёсны*: сб. 1905 / публ. *В. В. Возилова* // *Неизвестный М. В. Фрунзе*: межрегион. сб. ст. и материалов. Иваново, 2009. Вып. 3. С. 116—131; *Возилев В. В.* Ефим Вихрев — редактор журналов «Юные звуки» и «Эхо» (1918 год) // *Возилев В. В.* Интеллигентоведение и регионоведение: сб. ст. и материалов. Иваново, 2012. С. 115—136; *Рукописные журналы в селе Серее в 1905—1906 годах* / вступ. ст. и подгот. текста к публ. *В. В. Возилова* // *Неизвестный М. В. Фрунзе*: межгос. сб. ст. и материалов. Иваново, 2013. Вып. 5. С. 202—220.
- ² См.: *Писатели земли Ивановской*: биобиблиограф. справ. Ярославль, 1988. С. 69.
- ³ См.: *Возилев В. В.* Рукописные журналы российской интеллигенции, 1901—1906 годы: сб. ст. и док. Иваново, 2013.

- ⁴ Отголоски волнений 1901 года : рукопис. журн. Вып. 1, 2 // Ивановское городское объединение историко-революционных музеев. 80011/2.
- ⁵ Свободное слово : рукопис. журн. 1901. № 2 // Там же. 80011/1.
- ⁶ Мирок : рукопис. еженед. журн. 1904. № 5. 18 марта // Ивановский областной краеведческий музей (далее — ИОКМ). 549/1.
- ⁷ Вёсны : сб. 1905 // Шуйский музейно-культурный центр им. М. В. Фрунзе (далее — ШММФ). 594/1-12 (в составе фонда «Подборка печатных и рукописных текстов песен революции, каторги и ссылки, изданных в разное время»).
- ⁸ Броун В. О. Воспоминания о М. В. Фрунзе // Неизвестный М. В. Фрунзе : сб. материалов. Шуя, 2009. Вып. 2. С. 14.
- ⁹ Отрывки воспоминаний С. А. Дамской : рукопись // Государственный архив Ивановской области. Ф. 282. Оп. 5. Д. 130. Ед. хр. 130. Л. 68—69.
- ¹⁰ Эхо : рукопис. журн. 1906. № 1—7 // Там же. Д. 38. Л. 1—49 ; Пробуждение : рукопис. журн. 1905. № 1 // Там же. Л. 50—58.
- ¹¹ Свободная мысль : обществ.-науч. и полит. журн. / орган шуйской интеллигенции. 1918. № 1 // ШММФ. 586. (Издан при Шуйской секции общества взаимопомощи курсисток и студентов владимирцев.)
- ¹² Юные звуки : машинопис. журн. 1918. № 3 // ИОКМ. 549/2. (Издан учащимися 5-х классов всех гимназий при содействии всех учащихся) ; Эхо : лит.-полит., худож., обществ.-науч. журн. / Союз учащихся г. Шуя. 1918. Ноябрь. № 1 // Там же. 549/3 ; Эхо : рукопис. лит.-полит., худож., обществ.-науч. журн. / Союз учащихся г. Шуя ; ред. Е. Ф. Вихрев. [1918]. № 1 // Шуйский краеведческий музей. 2434/1.
- ¹³ Примечательно, что автограф Ефима Вихрева имеется в известном иваново-вознесенском рукописном журнале «Пустослов» (1921). См.: Вестник литературного музея ИвГУ. Вып. 3 : к 85-летию создания в редакции ивановской газеты «Рабочий край» рукописного журнала «Пустослов». Иваново, 2007. С 47.
- ¹⁴ Возилов В. В. Рукописные журналы российской интеллигенции, 1901—1906 годы ; *Он же*. Рукописные газеты и журналы провинциальной интеллигенции, 1918—1930 годы : сб. ст. и материалов. Иваново, 2014.

В. С. Кузеванов

**АРХИТЕКТУРНЫЙ ПРОЕКТ КАК ИСТОЧНИК
ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
И КУЛЬТУРЫ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ РОССИИ
В 1930—50-е ГОДЫ**

Вопрос о выборе источников стоит перед каждым исследователем. Понятийный инструментарий, специально сконструированный для изучения материала, чаще всего оказывается ограничен самой же изучаемой областью. Сложность, с которой сталкивается исследователь, заключается в интерпретации источника. Одним и тем же источником могут пользоваться представители разных дисциплин, а так как угол зрения на объект исследования разный, то и результат будет отличаться. Необходимо подчеркнуть, что историки культуры и интеллигенции не включают в свой набор источников специальную документацию для изучения инженерно-технического и научно-технического корпуса. Одним из крупных центров изучения интеллигенции является НИИ интеллигентоведения при Ивановском государственном университете¹. Результаты исследований в данной области публикуются в журнале «Интеллигенция и мир» (издается с 2001 года). В качестве особенности можно отметить, что современные исследователи редко прибегают к расширению состава комплекса источников. Авторы статьи, посвященной краткому обзору публикаций данного журнала за десятилетие, — главный редактор В. С. Мететов и ответственный секретарь Н. Г. Юркин отметили: «Вопросы источниковедения не столь часто освещаются на страницах нашего журнала»². Возможно, это связано с удовлетворением исследователей той источниковой базой, которая устоялась в исторической науке. В этом отношении примечательно, что в но-

© Кузеванов В. С., 2014

Кузеванов Виктор Сергеевич — аспирант кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского. VictorS2@yandex.ru

вейшей литературе по источниковедению³ отмечен разрыв между источниковедением и конкретно-историческими исследованиями.

В предлагаемой статье поставлена цель охарактеризовать проектную техническую документацию в качестве источника для изучения истории культуры 1930—50-х гг. и реконструкции деятельности архитекторов как представителей инженерно-технической интеллигенции. Расширение традиционной источниковой базы сегодня является актуальной проблемой для источниковедения. Функциональный и личностный поворот в изучении деятельности отдельных отрядов (в частности, архитекторов) позволит исследователям воссоздать более детально социальные отношения и уклад профессиональной культуры технической интеллигенции.

Для социального историка культуры проектная документация может быть полезной в определении социальных векторов развития, административного присутствия органов власти в пространстве города. Это поможет и при изучении региональной истории с использованием историко-культурологического подхода. Так, например, омский историк В. Г. Рыженко обращается к «бумажной архитектуре» и к конкурсной проектной документации⁴ как источнику для изучения символических координат культурного пространства города советской эпохи⁵. Одной из таких координат в пространстве сибирской «столицы» (Новосибирска) в конце 1940-х — 1950-е гг. мог стать Дом архитектора, конкурсные эскизные проекты которого были обнаружены в фонде Новосибирского отделения Союза советских архитекторов⁶.

Выбор стиливых образцов для архитектурской практики имеет под собой социальную потребность укрепления национального самосознания в военное и послевоенное время. Перспектива исследования видится в разработке именно этой линии. Проекты местных архитекторов являются носителями информации как о самом архитекторе, так и о региональной культуре, в рамках которой работал представитель данной профессии.

Исследования исторической эпохи начинаются с репрезентативного материала. Конструирование образа эпохи может сопровождаться рядом трудностей, связанных с характером источника, который отражает положение вещей на определенном отрезке времени.

Отдельные исторические периоды XX века, которые характеризуются распространением тоталитарного режима, из-за ограниченности материала не всегда поддаются описанию и корректному изучению. Тоталитарный режим получает оформление в наглядной идеологии. В этом отношении необходимо заметить, что идеология стремится быть всепроникающей, тотальной, в том числе сфера искусства также подвержена подобному влиянию. Особенно это воплощалось в архитектурном пространстве.

В отечественной научной традиции изучения истории архитектуры и градостроительства сформировалось три типа исследований проблемы, связанной с конструированием образа эпохи на основе архитектуры как специфического источника.

Первый тип — «отрицание» предыдущего периода развития. Приверженцами этого типа можно назвать С. О. Хан-Магомедова, А. Г. Раппапорта, С. Г. Иванова и В. З. Паперного. Их объединяет тезис о диалектичности «сталинского ампира», прежде всего в архитектуре. Согласно терминологии Хан-Магомедова — это «симптом»⁷ (т. е. подобие болезни); или «гипнотизм»⁸ (по Рапппорту), «реакция»⁹ (термин Иванова), «сущностно противоположное авангардным интенциям»¹⁰ (Паперный). Для этого круга ученых свойственно сопоставление двух формул. В их трудах отдельные сюжеты исследуемой культуры сравниваются с «другой» культурой. Необходимо подчеркнуть, что С. Г. Иванов отечественный материал рассматривает в контексте тоталитарных государств того времени, но приходит к выводу: культура СССР 1930—50-х гг. обособлена и архитектура имеет только внешние сходства. Авангардный период основывался на пластике и технике обработки композиций на моделях из разных материалов, поэтому в процессе проектирования были задействованы не только архитекторы, но и художники, и скульпторы. С. О. Хан-Магомедов назвал этот процесс тенденцией «выхода из картинной плоскости в предметный мир»¹¹. Апофатические на строения «сталинского» периода сказались на использовании архитекторами традиционных принципов, т. е. проекты рассматривались в качестве основной модели для презентации будущего объекта. Отчасти этот момент объединяет его со следующим типом исследований.

Второй тип исследований был заложен И. Голомштоком¹² и продолжен Д. Хмельницким¹³. По их мнению, Германия, Италия,

СССР как тоталитарные государства имеют схожую структуру культуры и взгляды на искусства, в том числе на классическое наследие, авангард и национальный стиль. Это направление сегодня популярно и поддерживается в научных работах (например, в диссертациях Ж. В. Николаевой¹⁴, Н. В. Багровой¹⁵). Эпоха в этих исследованиях имеет признаки самодостаточности исторического периода, а архитектурный проект — промежуточное звено между замыслом архитектора и исполненным объектом в камне.

Третий тип исследований основан на «традиционализме». А. В. Иконников в своих трудах отмечает, что «сталинский стиль» — это проявление второй волны неоклассицизма XX в., который повлиял на облик городов во многих странах того времени, в том числе в США. Историзм, существующий с эпохи Возрождения, оказался востребован в СССР в период поисков художественной выразительности. Ретроспективный взгляд архитектора является неотъемлемым приемом в архитектуре в условиях социальных трансформаций, поэтому архитектурный проект может восприниматься не только как часть проектной документации, но и как проявление творческой фантазии архитектора.

Обозначенные три направления в исследованиях искусства и культуры СССР 1930—50-х гг. объединяет включение в творческий процесс «довлеющей» силы (профессиональные стереотипы или идеологический компонент творчества). Исследователи ограничиваются материальным пространством и частично «бумажной архитектурой», тем самым не обращая внимания на характер источника (является ли он просто проектом или имеет реальное воплощение). Однако В. Паперный приводит сравнение архитектурных проектов 1950-х гг. — периода архитекторской фантазии о социализме, и 1980-х гг. — периода распространения «бумажной архитектуры»¹⁶. Количество архитектурных предложений 1950-х гг. сравнимо с созданными в 1980-х гг. проектами «для проектов», а не для воплощений. Паперный не развил эту мысль о природе архитектурных проектов 1950-х гг., кроме того, он рассматривал проект только как один из этапов, предшествующих технической реализации. Такой подход естественен для проектирующих архитекторов или прошедших курс обучения по профилю¹⁷. Стоит заметить, что Владимир Паперный определяет «бумажное проектирование» как предикат «Культуры 1» (т. е. относит к периоду развития «Советского авангарда» 1920-х гг.)¹⁸.

Исследования, объединяющие два подхода — традиционный историко-архитектурный и историографический, вызывают особый интерес. Ю. Л. Косенкова¹⁹ обращается к практике реконструкции и восстановления городов послевоенного времени. Процесс поисков разумных решений по восстановлению городов, инфраструктуры проходил в особой психологической атмосфере. Попытки профессиональной оценки своей деятельности осуществлялись на основе личностных переживаний. Архитектор занимался сугубо утилитарной работой, но проекты создавались на эмоциональном подъеме, связанном с триумфом Победы, что предопределило разрыв между мнением архитектора и возможностью строительной промышленности. «Парадокс состоял в том, что общие позитивные “закономерности развития советского градостроительства” пытались вывести из обобщения практического опыта застройки городов последних лет, по всеобщему признанию, неудовлетворительного»²⁰.

Ю. Л. Косенкова, занимаясь реконструкцией представлений архитекторов послевоенного времени о советском городе, обращается к следующим группам источников: официальным нормативно-правовым документам государственного управленческого аппарата, локальным актам и стенограммам заседаний местных отделений профильных организаций и объединений (т. е. отраслевым делопроизводственным документам), периодической печати, визуальным источникам (фотографии тех лет, планы и генпланы развития городов, проекты отдельных зданий, сооружений и площадей). Особенность архитектурного проекта заключается в том, что это результат поиска оптимального облика города. В исследовании Ю. Л. Косенковой отмечаются два разных принципа проектирования: «проект ради проекта» и «проект для воплощения». Даже в специальных работах, посвященных отдельным этапам развития градостроительной мысли, автор не упускает из виду этот момент. Идеализация архитектурного оформления города и градостроительной структуры, оторванность от реального положения дел и критика со стороны профессионального сообщества не позволяли реализовывать проекты в неизменном виде.

В современной научной литературе можно встретить определение понятия «стиль» 1930—50-х гг., в котором советские архитекторы создавали проекты, — «неоклассицизм»²¹ или «сталин-

ский ампир»²². «Стиль» — понятие одновременно и личностное (т. к. есть неповторимый авторский «почерк»), и массовое («Большой стиль» — стиль эпохи). За приведенными понятиями скрывается дифракционный набор авторских стилей. Опустим дискуссию о советских архитектурных школах, т. к. это требует отдельной работы для соотнесения архитектурных предпочтений лидера и членов профессионального круга. Сами архитекторы «сталинской эпохи» считали, что советский архитектор работает не в определенном стиле, и используют метод «социалистического реализма». М. П. Цапенко — автор одной из немногих книг по общей теории советской архитектуры, удостоенных Сталинской премии, отмечал: «Социалистический реализм есть метод, а не стиль <...> Метод социалистического реализма не предполагает никаких твердо очерченных формальных признаков и приемов, он не отвергает, поэтому, прогрессивных приемов любых стилей прошлого, взятых в их умелом творческом применении к современным условиям развития культуры социалистических наций»²³. Это, по сути, даже не метод, а принцип архитектурного творчества, поэтому корректней изучать отдельные архитектурные группы или школы. В этой связи нельзя не согласиться с предположением Ю. Л. Косенковой о том, что можно интерпретировать проекты, в том числе и как носитель личностной информации об архитекторе. В этом отношении точно звучит замечание историка-исследователя В. В. Кабанова: «Личностный момент, разумеется, присутствует во всех группах источников, хотя и прослеживается в неодинаковой мере»²⁴. С этим сложно не согласиться, изучая творческий путь именитых архитекторов. Приведем один из таких сюжетов. В опубликованных воспоминаниях брата А. В. Щусева²⁵ упоминаются детские мечты будущего архитектора о водоемах и «фонтанчиках» в пыльном Кишинёве. Предположительно, эти мечты легли в основу плана по благоустройству города после разрушений Великой Отечественной войны. В детские годы, «чтобы освежиться от кишиневского зноя, вся компания ходила также на далекие окраины города купаться в небольшие, впоследствии засохшие пруды... В один из последних приездов в Кишинёв Алексей Викторович вновь посетил эти места и, вспомнив старину, задумался о том, как украсит город новое озеро, намеченное здесь его планировкой»²⁶.

Источники личного происхождения в процессе изучения архитектурно-проектной документации могут содержать возможные объяснения в принятии того или иного решения. Если развивать личностное начало проектной документации, то это может быть полезным для интерпретации интеллектуальных поисков архитектора.

В строгом смысле проект — это делопроизводственный документ. Архитектурные проекты, являясь технической документацией, прежде всего, содержат информацию о предложениях к реализации. В 1930—50-х гг. существовала практика презентации общественности будущих зданий и архитектурных изменений уже существующих. В Москве, например, проекты экспонировались в витринах на ул. М. Горького (ныне — Тверская). Некоторые проекты публиковались в периодических изданиях, в том числе и профильных²⁷. В связи с этим появилась необходимость доступно репрезентовать проект (сложную техническую документацию) широкой публике города (в том числе «обывателям») и выгодно его представить на выставках разного уровня. Возможно, поэтому показывали только фасады зданий или перспективы площадей.

Одним из видов проектной деятельности, доступных для понимания аудиторией облика будущего здания, является макет, но не всегда было возможно сделать его. Активно макеты создавались в начале 1930-х гг. и первой половине 1950-х гг., когда проектировались уникальные для страны объекты: здания административного назначения (Дома Советов, Дворцы труда и т. д.), памятники-павильоны, высотные здания, следовательно, требовали детальной пластической доработки в художественном плане и включения в окружающее пространство — в градостроительном. Самыми известными являются макеты 1930-х гг. памятника III Интернационала и Дворца Советов, созданные для выставок внутри страны и за рубежом. Макет — это репрезентативный продукт, но вышеперечисленные архитектурные объекты имели еще и символический смысл, поэтому требовали особой формы представления. Модели будущих зданий предназначались в большей степени для пропаганды, чем для выполнения и проработки проекта.

Более распространенной практикой разработки проектной документации был эскиз. По своим характеристикам эскиз можно отнести к художественно-графическому листу, а не к технической документации. Скорее, это побочный продукт, который во второй половине 1930-х гг. стал составной частью комплекта проектной документации, а с 1949 г. мог иметь свой собственный порядковый номер листа. Архитекторы создавали «чертеж-рисунок» для презентации (колористика фасадов, отработка архитектурных приемов, художественных предложений и пр.). Судя по сохранившимся листам в Музее архитектуры им. А. В. Щусева, в музее истории архитектуры Сибири им. С. Н. Баландина, однозначных технических параметров эскиз не имел. В эскизе более использовались принципы чертежа (правила архитектурной графики). Также чертеж-эскиз сложно отнести к проектной документации, исходя из внешних признаков. Эскиз обладает художественной ценностью. Автор оживляет графический лист включением зарисовок существующей среды, созданием коллажа из фотографий и газетных вырезок с изображением людей, деревьев и пр. Таким образом, эскиз становится источником для изучения истории и культуры повседневности в контексте городской среды, т. к. графический лист содержит фрагменты других документов времени. В этом случае сам архитектурный проект приобретает черты визуального источника, соответственно, можно использовать методику анализа визуальных «текстов».

В связи с этим, техническая документация (в частности, архитектурный проект) представляет собой комплексный (сложный) объект изучения. Как отмечалось выше, архитектурный проект может быть встроен сразу в несколько культурных систем, поэтому при оценке и критике источника необходимо это учитывать.

Замысел архитектора фиксируется визуально через образ на бумаге. Объективация проекта, т. е. создание предложенного здания в реальности, происходит посредством вмешательства инженера и строителя в замысел, что приводит к фактическому искажению идеи, поэтому и здание перестает быть авторским творением.

Память об общем прошлом, историческая идентичность (говоря об истории, мы имеем в виду не только прошлое, но также современность и проекции будущего) является важнейшим компонентом любой коллективной идентичности (социальной, политической, конфессиональной, этнической, национальной).

При этом прошлое оказывается не менее проективным, чем будущее²⁸. Возможно, приписывание вождю различного рода высказываний и мнений является следствием особенностей эпохи. Свидетельством этому немало рассказов об отношении И. В. Сталина к представителям научной, технической и творческой интеллигенции. Примечателен факт существования таких рассказов о первых лицах государства, возглавлявших масштабные строительные программы в стране.

Сама история (рассказ) становится носителем смысла архитектурного проекта, отдельно от самого проекта. Иностранная исследовательница А. Латур собрала рассказы о творческих поисках и проектировании зданий того периода путем интервьюирования видных архитекторов и ученых²⁹. В книге представлена отредактированная версия высказываний, что накладывает определенный отпечаток. Однако можно отметить устойчивые смысловые моменты, которые выявляются в каждом приведенном тексте: профессиональный лидер, его окружение, основные постройки эпохи, творческая атмосфера. В круг интервьюеров входили теоретики и историки архитектуры, практикующие архитекторы того времени, студенты архитектурных вузов и современники строительства масштабных объектов Москвы. Книга претерпела два издания. Первое издание (2002) имело неточности перевода и механический набор цитат, в отличие от второго, которое получило более стройную, логическую текстовую ткань. Второе издание для историка культуры имеет большую ценность. В данном случае интересны «легенды» и профессиональные байки, объясняющие предпочтения автора проекта.

К примеру, устная история об асимметричности гостиницы «Москва» после ее демонтажа была окончательно развеяна, т. к. асимметрия обуславливалась включением в объем здания другого объекта. В советскую эпоху существование двойного проекта (на котором, согласно устной истории, расписался вождь) воспринималось как реально существующий факт. Высотное административное здание на Смоленской площади также отличается от своего первоначального замысла. Существует мнение, что И. В. Сталин увидел схожесть с американскими небоскребами, поэтому в текущий и последующие проекты были внесены изменения³⁰. Современные журналисты, стремясь поддержать этот

факт, ссылаются на Н. С. Хрущева, упоминающего в своих мемуарах просьбу демонтировать шатровое завершение³¹.

Символическое присутствие И. В. Сталина в творческом процессе интерпретируется учеными (особенно Д. Хмельницким) как тотальный контроль за работой архитекторов. С другой стороны, если Сталин вносил изменения на окончательном этапе — во время строительства, то, следовательно, вождь не был знаком с проектами или не придавал им значения из-за «закрытости» архитектурной документации для непрофессионала.

Архитектурный проект становится не инструментом поиска формы, а директивным решением, например в устной истории о плане театра РККА в виде пятиконечной звезды, продиктованном представителями высшего руководства страны³². Архитектор становится частью чиновничьего аппарата, следовательно, архитектурный проект переходит в ранг социальных проектов. В эпоху авангарда архитектор заботится не только о внешней стороне объекта. В пояснительной записке архитектор мог описать быт, уклад, социальную структуру в здании (как, например, у М. Я. Гинзбурга³³). В сталинскую эпоху архитектор более бюрократичен (административен) в этом отношении, он становится социально значимой фигурой для культуры, можно сказать, управленцем социального бытования. Архитектор создает не просто физическое пространство города, а среду для жизни.

Архитектурный проект можно представить как часть профессиональной культуры архитектора. Это положение позволяет ученым (например, Ж. М. Вержбицкому³⁴) определить архитектурный проект как попытку теоретизации социальной динамики. Архитектор в процессе проектирования обращается к своей социальной практике и повседневности.

Включение архитектурного проекта в общую культуру города становится важным этапом социального развития общества, поэтому общество также могло участвовать в процессе проектирования здания. А. В. Иконников приводит факт из истории проектирования главного здания МГУ на Ленинских горах³⁵. Л. В. Руднев вычерчивал отдельные элементы 1:1 на бумаге и вывешивал на фасаде здания, в котором проектировал. А. В. Иконников считал, что Руднев видел соразмерность и натуральность проекта. Примечательно, что Руднев графически

воспроизводил элемент в натуральную величину, умозрительно связывая его с объектом проектирования. Предположительно, архитектор мог получать и ответную реакцию окружающих, которые невольно включались в процесс создания. Архитектор был открыт в своем творчестве и для профессиональных интенций: когда после отказа от услуг Б. Иофана, администрация передала право проектировать здание Л. В. Рудневу, он сохранил композицию проекта предшественника. Однако сегодня есть мнение, что это было мотивировано сжатыми сроками строительства, а не согласием с общим архитектурно-художественным образом будущего главного здания МГУ³⁶.

Самарский историк архитектуры Н. Н. Кружков обратил внимание на особенности построек для подразделений Ботанического сада на территории МГУ: экстерьер повторяет оформление высотного здания, интерьеры помещений выглядят как комната общежитий и кабинеты профессорско-преподавательского состава³⁷. Замысел архитектора может быть воплощен в «натуральном» (физическом) эскизе. Сам ученый назвал эти постройки «домами-макетами».

Решение социальных задач относится к профессиональной сфере деятельности архитектора. Е. А. Ащепков — новосибирский архитектор, единственный сибиряк в Академии архитектуры СССР — требовал от подчиненных, чтобы после строительства объекта жилого назначения они встречались с новоселами и обсуждали реализацию проекта и качество воспроизведения³⁸.

Архитектор, также являющийся частью общества, мог воспринимать архитектурный проект своих коллег в соответствии с общими профессиональными представлениями. Исследователь архитектуры Сибири, практикующий архитектор 1950-х гг. Борис Иосифович Оглы в своей монографии использовал в качестве иллюстрации фотокопию «Проект реконструкции набережной реки Оби 1948—1950 гг.»³⁹. В личном фонде архитектора Б. И. Оглы в Государственном архиве Новосибирской области сохранилась подборка фотографий проектов⁴⁰, среди которых нами был обнаружен фотопроект⁴¹ в первоначальном виде: у зданий отсутствуют шатровые завершения. Как проектировщик Б. Оглы предпочел представить более устоявшийся (окончательный) вид проекта, а не пробный. Возможно, уважаемый ученый привел итоговый

проект в качестве результата творческого поиска группы архитекторов. Для историка архитектуры важным оказывается окончательный продукт проектирования.

Практика проектирования в Сибирском регионе отличается от столичной своей спецификой комплексной работы (архитектор мог выполнять и непрофильную работу или специализироваться на проектировании нескольких типов зданий), поэтому требует отдельного исследования региональной проектной документации.

Таким образом, из всего сказанного выше следует, что архитектурный проект представляет собой сложный и неоднозначный источник для исследования. В рамках представленной работы можно сделать вывод, что архитектурный проект формально относится к технической документации. Проект содержит информацию о проектировщике, исторической эпохе и локальной культуре. Кроме опубликованных копий архитектурных проектов в трудах краеведов, историков архитектуры, существует пласт неизученных оригинальных архитектурных проектов, который хранится в региональных музеях Сибири. Одним из крупнейших таких центров является Музей истории архитектуры им. С. Н. Баландина.

Архитектурный проект может быть представлен в культуре общества как объемное воплощение замысла (макет или частично созданный объект) или визуализация идеи архитектора в виде графического листа (с отступлением от требований к оформлению технической и проектной документации). Момент воплощения проекта также может быть включен в сознание носителей городской культуры посредством «устной истории». В процессе проектирования архитектор может опираться на свои собственные представления, а также на представления потребителей его конечного продукта. Архитектор видит в своем проекте реальное здание, которое в запланированном времени должно появиться в городском пространстве. Проекты, не получившие своего продолжения, могут оказаться полезными для интерпретации исторической эпохи, к которой принадлежит их автор. Архитектурный проект становится социальной программой для развития и строительства. Исходя из этого можно заключить, что восприятие технической проектной документации по своему характеру будет различным. Особую роль здесь играет момент присутствия

проекта в культуре в том или ином виде. Архитектурный проект — это комплексный источник. Сам проект может быть представлен в разной форме исходя из цели создания архитектурного объекта. Отдельные формы (например, эскиз) принципиально отличаются от узкопрофессиональных, что может быть уникальным источником для историка. Архитектор напрямую не может высказать свое мнение о социальной действительности, в отличие от других представителей отрядов профессиональной интеллигенции (писателей или художников), поэтому непосредственно графический лист (будь то генплан, или фасад) может носить личностный характер. Проектировщик работает с графическим листом непосредственно. Реализованное здание довольно часто вызывает интерес у искусствоведов и историков архитектуры как памятник своего времени в общей череде эволюций стилей. Историк должен обращаться к первоисточнику как документу времени, который вырван из исторического контекста. Таким универсальным источником также может выступать эскиз, который мало детерминирован профессиональной спецификой и в строгом смысле не является техническим документом. В тени данного исследования остались и строительные чертежи, «чертежи-дубликаты» (выполнены на «синьке» или на кальке), использующиеся в проектировании фотокопии (на профессиональном жаргоне — «фотопроект»).

Примечания

- ¹ См.: *Рыженко В. Г.* Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы : вопросы теории, истории, историографии, методов исследования. Екатеринбург ; Омск, 2003. С. 77.
- ² *Меметов В. С., Юркин Н. Г.* Листая страницы журнала... : (Основные тенденции современного интеллигентоведения) // Интеллигенция и мир. 2013. № 1. С. 112.
- ³ Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика / под ред. *А. К. Соколова*. М., 2004. С. 70.
- ⁴ Необходимо отдельно.
- ⁵ *Рыженко В. Г.* Указ. соч. С. 267—274.
- ⁶ *Рыженко В. Г., Назимова В. Ш., Алисов Д. А.* Пространство советского города (1920-е — 1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характе-

- ристики : (на материале Западной Сибири). Омск, 2004. С. 184—189, 257—270.
- ⁷ Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда. М., 1996. Т. 1. С. 666.
- ⁸ Раппапорт А. Г. «Сталинский ампир» — гипнотизм и наркотизм стиля // Архитектура сталинской эпохи : опыт исторического осмысления. М., 2010. С. 64—73.
- ⁹ Иванов С. Г. Реакционная культура: от авангарда к Большому стилю. СПб., 2011. С. 6.
- ¹⁰ Паперный В. Культура Два : двадцать пять лет спустя. М., 2007.
- ¹¹ Хан-Магомедов С. О. Вхугемас-Вхугеин : (комплексная архитектурно-художественная школа 1920—1930-х гг.). М., 1990. С. 6.
- ¹² Голомиток И. Тоталитарное искусство. М., 1994.
- ¹³ Хмельницкий Д. Архитектура Сталина : психология и стиль. М., 2007.
- ¹⁴ Николаева Ж. В. Архитектура в сознании тоталитарной эпохи : дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2006.
- ¹⁵ Багрова Н. В. Критика архитектуры советского авангарда как форма рефлексии отечественной художественной культуры XX века : дис. ... канд. культурологии. Кемерово, 2002.
- ¹⁶ Паперный В. Указ. соч.
- ¹⁷ Вл. Паперный закончил Строгановское училище и аспирантуру Института теории и истории архитектуры.
- ¹⁸ Паперный В. Указ. соч. С. 89.
- ¹⁹ Косенкова Ю. Л. Советский город 1940-х — первой половины 1950-х годов : от творческих поисков к практике строительства : автореф. дис. ... д-ра архитектуры. М., 2000.
- ²⁰ Там же. С. 248.
- ²¹ Иовлева Е. В. Неоклассицизм в архитектуре Свердловска, 1930—1950 гг. : автореф. дис. ... канд. архитектуры. Екатеринбург, 2004.
- ²² 31 октября — 2 ноября 2007 г. НИИТАГ РААСН проведена конференция «Сталинский ампир», спустя три года был издан сборник статей: Архитектура сталинской эпохи : опыт исторического осмысления. М., 2010.
- ²³ Цапенко М. П. О реалистических основах советской архитектуры. М., 1952. С. 74.
- ²⁴ Кабанов В. В. Мемуары // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. М, 2004. С. 287.
- ²⁵ Щусев П. В. Страницы из жизни академика А. В. Щусева. М., 2011.
- ²⁶ Там же. С. 24.
- ²⁷ См., напр.: Холодный Т. Дворец советской медицины // Правда. 1935. 7 апр. С. 4 ; Иофан Б. М., Щуко В. А., Грельфрейх В. Г. От эскизного

- к техническому проекту // *Архитектурная газета*. 1937. 8 апр. С. 3 ;
Кригер Е. Обращение к архитектору // *Архитектура СССР*. 1934. № 2.
С. 8—11.
- ²⁸ *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX—XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 454.
- ²⁹ *Рождение метрополии: Москва 1930—1955 гг. : воспоминания и размышления : сб. ст. и интервью / под. ред. А. Латур.* М., 2002.
- ³⁰ Там же. С. 133.
- ³¹ См., напр.: *Ферр Г.* Антисталинская подлость. М., 2007.
- ³² *Рождение метрополии.* С. 292.
- ³³ *Гинзбург М. Я.* Жилище. М., 1934. С. 38.
- ³⁴ *Вержбицкий Ж. М.* Архитектурная культура : искусство архитектуры как средство гуманизации «второй природы». СПб., 2010. С. 13.
- ³⁵ *Иконников А. В.* Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве. М., 2006. С. 336.
- ³⁶ *Резвин В. А.* Архитекторы и власть. М., 2013. С. 269.
- ³⁷ *Кружков Н. Н.* Высотные здания сталинской Москвы : факты из истории проектирования и строительства. М., 2011. С. 93—100.
- ³⁸ См.: *Долнаков А. П.* Сибирский архитектор Е. А. Ащепков. Новосибирск, 1992.
- ³⁹ *Оглы Б. И.* Новосибирск : от прошлого к будущему. Новосибирск, 1991. Вклейка рис. 15, 17.
- ⁴⁰ Государственный архив Новосибирской области. Ф. 2102. Оп. 1. Д. 308.
- ⁴¹ Там же. Л. 14 (4 ч.).

ББК 63.3(2)535-283.2-38

Е. П. Цумарева

**ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ О НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА
(По материалам прессы)**

Спор о «полезности» и «справедливости».

Г. А. Евреинов

Интеллигенция, чье призвание умственный труд, всегда находилась в авангарде общественного движения, остро воспринимала вызовы времени и предлагала свои варианты решения проблем. Бурные исторические события начала XX в., революция 1905—1907 гг., оформление национальных движений поставили вопрос: как дальше развиваться Российской империи, по какому макету строить отношения в государстве? Дилемма заключалась в альтернативе: или признать равные гражданские права многочисленных народностей России и включить в построение государства «всех, кого это дело касается», или, подчеркивая самобытность русского ядра, за основание государственности принять национализм. В этом состояла борьба либеральных и консервативных взглядов, генератором которой являлась интеллектуальная элита¹.

Необходимо отметить, что в изучаемый период первостепенную роль в донесении идей в массы играла печать, которая являлась единственным средством массовой коммуникации. Соответственно, интеллигенция во многом осознала необходимость

© Цумарева Е. П., 2014

Цумарева Елена Петровна — аспирант кафедры истории и культуры Беларуси Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова, ассистент кафедры гуманитарных дисциплин Белорусско-Российского университета (Могилёв). ilmazum@tut.by

перехода от исключительно умственного труда, теоретического обоснования взглядов, к распространению их среди населения, в частности, посредством печати. Эту деятельность они рассматривали как «посильную» услугу родине².

В российской и белорусской историографии заявленной теме посвящены работы Л. Н. Дороговой, В. М. Конона, И. А. Янцевич и др.³ Однако некоторые аспекты мировоззрения интеллигенции, на наш взгляд, могут быть рассмотрены подробнее.

Целью настоящего исследования является анализ взглядов отдельных представителей либерального и консервативного лагерей на национально-политическое развитие Российской империи.

Либеральная идеология характеризовалась отстаиванием прав на национально-культурное равенство всех народов, населявших Российскую империю. Славянский мир воспринимался как пространство развития и сближения культур. Виднейшие представители либерального лагеря выступали за разрешение противоречий в польско-русских взаимоотношениях.

Как противовес и реакция на либерализацию 1905—1907 гг., возможности территориальной трансформации России из унитарного в федеративное устройство, оформился консервативный лагерь, представители которого отрицали правомерность национальных движений, рассматривая их как «сепаратизмы», неприемлемо относились к возможности польско-русского сотрудничества, исходя из восприятия польского вопроса как мерила сепаратизмов и враждебности инородцев. Национализму было присуще убеждение, что титульная русская нация должна обладать исключительным правом на государственность, включая институты власти и культурную систему⁴. Остановимся на этих взглядах подробнее.

В начале XX в. продолжением дискуссий предшествующего периода в среде интеллектуальной элиты являлся вопрос о роли России в славянском мире и ее отношениях с частью этого мира — поляками. Идею «великого дела славянской взаимности и единения» пыталось реализовать созданное еще в 1858 г. Славянское благотворительное общество, внутри которого разгорелись дискуссии.

Одним из ведущих идеологов славянского единения на равноправных основах и критиков консерватизма являлся про-

фессор, доктор филологии, славист, историк Г. А. Ильинский, чья диссертация «Грамоты болгарских царей» была удостоена Ломоносовской премии РАН. Он считал, что славянское благотворительное общество «изменило» идеалам славянских устоев, примкнув к девизу «Православие. Самодержавие. Народность». Профессор доказывал, что самодержавие и православие не соответствуют общим свойствам славянских племен и потому не могут быть «общеславянскими» идеалами. Они лишали организацию поддержки со стороны передовых слоев русского общества и ставили ее в один ряд с «реакционными» течениями. Профессор считал, что все славянские народы могут объединиться на основании идеи «свобода, любовь и народность» без различия вероисповедания и культурных особенностей⁵.

Эту мысль развил автор цивилизационной концепции, польский профессор Ф. Конечный. Историк и культуролог считал «неизбежным» политическое единство «сарматской» Восточно-Европейской равнины. Препятствием этому процессу, по его мнению, во все времена была ориентация России на Пруссию. После поражения России в Японской войне, полагал ученый, создавалась благоприятная возможность реализации идеи русско-польского единения: «если Россия... созрела для гражданской свободы, то может оказаться способной и к государственному сожительству с другими народами на основах равноправия». Борьба России и поляков за Литву и Западную Русь расценены автором как «напрасная» трата сил, и особенно она была опасна белорусским землям, которые в случае конфронтации окажутся «точно в клещах». Ф. Конечный считал, что политические затруднения можно устранить только «общей», добровольной государственностью — «унией»⁶.

Таким образом, либеральная интеллигенция высказывала приверженность идее единения славян и мирного сотрудничества русских и поляков.

Во внутривнутриполитической сфере интеллигенцию волновал вопрос, широко обсуждавшийся на московских земских съездах 19—21 ноября 1905 г.: «чем быть» России в будущем — свободной федерацией самостоятельных штатов, кантонов, или совокупностью автономных областей и провинций, или остаться единым нераздельным государством?⁷. Представители интеллектуальной

элиты также задавались вопросом: чем объяснить существование национальных проблем, несмотря на давнее присоединение инородческих окраин к России?

В поиске ответов общественно-политический деятель либерального лагеря, дипломат и публицист М. А. Славинский проделал анализ национального развития Российской империи. Проведя исследование многонационального государства, в состав которого вошло свыше ста народов, автор выделил славянское и русское ядро государства. По его мнению, Россия на три четверти являлась славянской, на две трети русской и почти наполовину — великорусской державой. Отрицательной чертой русского народа и уникальным случаем в истории публицист определил то, что во время революции 1905—1907 гг. «прогрессивные общественные круги» русской народности не проявили «достаточно развитого» национального сознания, тогда как голоса других национальностей империи звучали дружным «хором». Причины такой ситуации М. А. Славинский видел в чрезмерности «централизма и пресловутого обрусения» в действиях имперского правительства, в практике «систематического» искоренения неизбежных в многонациональном государстве «центробежностей культурно-национального характера» и, наконец, в излишестве «космополитизма» либералов. Наибольшую опасность для русского народа, по мнению автора, представляла «внутренняя национальная обида», вызываемая «мрачным торжеством» антинациональных черносотенных организаций, губивших «дело государственного и национального возрождения». Газета «Наша жизнь» также призывала избавить русский народ от «развращающего влияния» идеологии «официального национализма», которая, по мнению редакции, отвлекала население от реального решения накопившихся проблем и во имя которой осуществлялась «национальная резня», например евреев в Гомеле⁸. М. А. Славинский представил стройную систему первоочередных задач, требующих решения на государственном уровне. Прежде всего, внутреннюю задачу здорового «великорусского национализма» автор видел в незамедлительном поднятии культурного и экономического развития «родного народа». После этого ученый предлагал решить вопрос о «справедливом согласовании» культурно-национальных интересов «русских племен», т. е. белорусов и украинцев. И, наконец,

дипломат призвал исчерпать один из «самых жгучих» славянских вопросов — спор России и поляков⁹.

Взглядам либеральной интеллигенции характерна объективная критика отрицательных черт ментальности русского человека. Об этом много писала публицистка и политик А. В. Тыркова-Вильямс, выступавшая в печати под псевдонимом А. Вергежский. Среди положительных изменений в ментальности она выделила то, что «русское общество» приучается «самостоятельно мыслить и ни на кого, помимо себя, не рассчитывать». Отрицательными чертами, от которых следовало избавляться для успешного развития нации, она, разделяя взгляды К. Д. Кавелина, отмечала лень, отсутствие любознательности, плохое знание русским народом своей истории. Невостребованность опыта «умственного труда» предыдущих поколений являлась, по мнению автора, «скрипучим тормозом» русской жизни¹⁰.

Умеренно либеральный взгляд на национальный вопрос в России обосновал государственный деятель, сенатор и писатель Г. А. Евреинов. Его оценка исторических условий развития начала XX в. и проект решения национальных споров, на наш взгляд, были достаточно объективны и основывались на идее компромисса между национальными требованиями народов России и общегосударственными интересами. Эти взгляды изложены в монографии «Национальные вопросы на иностранных окраинах России»¹¹. В историческом обзоре окраинной политики Евреинов рассматривал буржуазные реформы 1860—80-х гг. как путь «прогрессивного развития материальных и культурных сил», а наступившую позже реакцию считал тормозом развития государственности. В крайних черносотенных националистических лозунгах он видел стремление к русской национальной обособленности, к консервации «отсталых форм» государственного и общественного быта, в результате чего наблюдался низкий уровень развития коренной России в сравнении с некоторыми окраинами. Правовед выступал против отождествления русского патриотизма с отрицанием «живительных» для страны начал «свободы, равноправности и общественной самодеятельности»; не разделял «искусственную русификацию» грубыми, не искусными приемами, призвал избегать «напрасных» ограничений национальной самобытности присоединенных народностей. Государственный деятель

доказывал, что ограничение прав по происхождению неизбежно превращает «обездоленных инородцев» во внутренних врагов.

Причину плачевного состояния русского народа политик видел в «общественной неволе и чиновничьей опеке», а не в расширении прав русских подданных иностранного происхождения. Он считал, что всем народностям должна быть предоставлена свобода употреблять родные языки и местные наречия в богослужении, в учебных заведениях, в обществах и союзах. Запрет на использование родного языка, по мнению публициста, обострял «национальную рознь» в разноплеменном государстве¹².

Вместе с тем, Г. А. Евреинов основывал свои взгляды на идее первостепенной важности государственных интересов перед инородческими. Он критиковал национальные движения на окраинах, которые с «преувеличением» стремились к обособленности, часто не считаясь с общими интересами русского государства.

Таким образом, сущность воззрений умеренных либералов заключалась в критике, с одной стороны, ретроградства и стремления уравнивать всех в «общем бесправии»; с другой стороны — неприятия радикального либерализма с его нивелировкой национальных интересов перед политическими целями, в которых «совершенные» по гуманности и либерализму теории «полностью» были отрешены от «практических требований времени и места». Г. А. Евреинов призывал государственных деятелей руководствоваться не «отвлеченной тенденцией», а «трезвым пониманием» практической политики¹³.

С либеральным видением решения национальных проблем были не согласны общественные деятели, отстаивавшие идею первенства России в славянском мире и считавшие себя «русскими националистами». Так, профессор И. П. Филиевич видел опасность в сближении русских с поляками, т. к. последние, по его убеждению, желали иметь не только свободу, но и «широкое поле» для культурной и экономической деятельности на востоке¹⁴. Реализацию идеи «славянской взаимности» монархисты считали опасной для «русских национальных» интересов.

Таким образом, в фокусе славянской цивилизации монархисты видели борьбу между Россией и поляками за первенство.

В среде консервативно настроенной русской интеллигенции сформировалась определенная система взглядов на русский

национализм. Профессор, правовед и публицист В. М. Грибовский, разделявший взгляды партии октябристов, отрицательной чертой ментальности русского человека считал уважение к национализму «англичанина, немца, француза... поляка и финляндца», но не к своей народности. Публицист выступал против применения к русскому националисту шаблона «крепостник, консерватор, насильник, душитель». В противовес этому он доказывал, что национальность, народность представляет собой «великое культурное начало» и «общечеловеческое» не исключает начала «личного индивидуального», интеграция не исключает дифференциации. В. М. Грибовский считал, что «своекорыстливые» люди злоупотребляли уважением великоросса «к власти и порядку» и призывал сохранить «личность» и «Я» народа¹⁵.

В вопросе взаимоотношений русских и инородцев консерваторы считали, что внутренний рост государства возможен лишь при взгляде на окраины, исключая «всякую мысль» о политическом усилении «того или другого инородческого племени»¹⁶. Эти идеи оформил русский писатель, поэт, публицист, литературный критик, член Русского окраинного общества Н. А. Энгельгардт, поддерживавший требования единства власти, закона, территории, языка¹⁷.

В монархических кругах причины активизации национальных движений в России объяснялись внутренними и внешними обстоятельствами. Князь А. М. Волконский, занимавшийся аналитикой военной разведки, среди сложных внешнеполитических условий выделял нарастание германского влияния в Европе и поражение России от Японии. Два столетия «непрерывных» войн привели к ослаблению «русского ядра», «национальной энергии» и к «денационализации» правящего класса¹⁸.

В анализе внутренних причин журнал «Вестник права» основную вину в доведении «до самого крайнего напряжения» окраин возлагал на бюрократию¹⁹. Эту мысль развил корреспондент газеты «Новое время» М. Михайлов. К кризисным чертам окраинной политики он отнес ее «неустойчивость», отсутствие общих и долговременных принципов, замену государственной политики «личным» усмотрением чиновников. В качестве примера он приводил Северо-Западный край, где сначала доводили «гнет власти до крайних пределов», так что «инородец начинал задыхаться»,

а потом «подло заискивали» перед этими же инородцами. Всё это вызывало «презрение» к правительству, в результате чего Россия «не могла» укрепиться на окраинах²⁰.

Также, например, в белорусских землях русское местное чиновничество не стало «оседлым, обеспеченным элементом», противовесом полонизации. Критиковалось крупное «русское землевладение», которое не укрепилось, потому что подаренные имения, по мнению корреспондента газеты «Окраины России» В. Васильева, стали лишь «предметом... выгодной спекуляции»²¹. Таким образом, звучало недоверие эффективности проводимой политики и, косвенно, русской администрации: «Надежды на... правительственную или административную няньку пора оставить»²².

Следующую причину активизации национальных движений монархисты видели в том, что окраины эксплуатировали «русское ядро», отвлекали внимание власти «от нужд русского народа», который, по мнению китаевода, корреспондента газет «Слово», «Россия», «Новое время» С. Н. Сыромятникова, всегда оставался на «втором плане»²³. Данную точку зрения разделял Н. В. Насакин, публиковавшийся под псевдонимом Симбирский. В газете «Голос Москвы» он подчеркивал, что «завоеванные и присоединенные» Беларусь и Литва, Польское царство и другие окраины «широким кольцом» охватили «коренную» Россию и, разжившись «за счет хозяина», стремятся избавиться от него. Заданы «чрезвычайно важные» вопросы для рассуждения: какое влияние имеет Россия на окраинах, помимо полицейской и административной роли? Н. Симбирский призывал упрочить русские позиции путем «морально-этическим и политическим»²⁴.

Окраинную политику исследовал генерал, сенатор, военный писатель, один из идеологов и создателей Российского окраинного союза А. М. Золотарёв. В письмах к редактору газеты «Новое время» А. С. Суворину, существенным недостатком государственного устройства он выделил отсутствие «прочной связи» национальных окраин с основной частью государства, что, по мнению автора, создало возможность окраинам наносить «вред государству» и развивать «сепаратизм». Основная часть прессы, на его взгляд, оказалась «недостаточно патриотичной и дальнорзоркой» и способствовала инородцам. В результате А. М. Золотарёв стал инициатором создания еженедельника

«Окраины России», посвященного исследованию окраинных вопросов с чисто «русско-государственной» точки зрения.

Таким образом, конкуренция либеральных и консервативных взглядов в среде русской интеллигенции представляла собой возможности различных путей развития государства. Основным итогом теоретических исканий интеллигентов и мыслителей, на наш взгляд, должен был стать компромисс между «полезной» для всего государства и «справедливой» для инородцев окраинной политикой, что имело бы практическое применение и положительные результаты для страны.

Примечания

- ¹ Поляков Л. В. Консерватизм // Новая философская энциклопедия : в 4 т. М., 2010. Т. 2. С. 288—289 ; Капустин Б. Г. Либерализм // Там же. С. 393—395.
- ² Письмо Золотарёва [Акима Михайловича] А. С. Суворину // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 459. Оп. 1. Д. 1536.
- ³ Дорогова Л. Н. Интеллигенция и культура России. URL: <http://intelligentia.ru> (дата обращения: 23.10.2013) ; Конон В. М. Проблемы искусства и эстетики в общественной мысли Белоруссии начала XX в. Минск, 1985 ; Янцевич И. А. Н. П. Колюпанов — деятель земского движения второй половины XIX — начала XX в. // Интеллигенция и мир. 2013. № 1. С. 49—58.
- ⁴ Тишков В. А. Национализм // Новая философская энциклопедия. Т. 3. С. 39—41.
- ⁵ См.: В славянском обществе // Россия. 1906. 3 марта. С. 3.
- ⁶ См.: Филиевич И. П. Краковский рецепт русско-польского примирения // Новое время. 1906. 7 (20) янв. С. 3.
- ⁷ Евреинов Г. А. Национальные вопросы на инородческих окраинах России : схема политической программы. СПб., 1908. С. 3.
- ⁸ См.: Голубев В. Национализм и национальности // Наша жизнь. 1905. 14 (27) мая. С. 1.
- ⁹ Славинский М. Имперская национальная политика // Слово. 1909. 3 (16) янв. С. 3.
- ¹⁰ Вергежский А. Письма старого либерала // Там же. 18 (31) янв. С. 2.
- ¹¹ Евреинов Г. А. Указ. соч. С. 1.
- ¹² Там же. С. 10.
- ¹³ Там же. С. 3.

- ¹⁴ *Филиевич И. П.* Краковский рецепт русско-польского примирения ; *Он же.* На русском Западе // Новое время. 1908. 7 (20) мая. С. 3.
- ¹⁵ *Грибовский В.* Политические беседы // Слово. 1905. 13 (26) апр. С. 1.
- ¹⁶ Государственная Дума и вопрос об окраинах // Окраины России. 1906. № 8. С. 129—131.
- ¹⁷ *Энгельгардт Н.* Мысли кстати. Национальное освобождение // Россия. 1906. 24 февр. С. 2.
- ¹⁸ *Волконский А. М.* По поводу земского съезда // Новое время. 1905. 2 (15) окт. С. 3.
- ¹⁹ См.: Русская печать // Наша жизнь. 1905. 7 (20) июня. С. 2.
- ²⁰ *Михайлов М.* Окраинная политика и канцелярская война // Новое время. 1906. 29 янв. (11 февр.). С. 3.
- ²¹ *Васильев В.* Обзорение событий и окраинная жизнь : Вильна // Окраины России. 1907. № 43. С. 625—626.
- ²² Обзор печати : Вильна // Там же. 1909. № 15. С. 218—219.
- ²³ *Сыромятников С. Н.* Заметки писателя // Слово. 1905. 3 (16) апр. С. 1.
- ²⁴ *Симбирский Н.* По окраинам России // Голос Москвы. 1907. 8 июля. С. 3—4.

ББК 63.3(4Вел)52-283.2-601

А. В. Симонов

ИМПЕРИЯ И КОЛОНИАЛИЗМ В ПОЛЕМИКЕ БРИТАНСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Критика империализма со стороны британских интеллектуалов в период с конца XIX до начала XX в. была связана с колониальной экспансией, в результате которой территории Азии и Африки подверглись наиболее обширным завоеваниям со стороны европейских держав. Британский национализм в это время принял форму империализма, сопровождающегося нетерпимостью по отношению к целым народам, что не соответствовало

© Симонов А. В., 2014

Симонов Андрей Викторович — аспирант историко-филологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (Москва). dra8@mail.ru

сложившимся в Европе капиталистическим отношениям и моральным нормам. Широкое внедрение в общественное сознание идей социального дарвинизма с их превратно понимаемым естественным отбором допускало интерпретацию нравственных законов вплоть до физического уничтожения защитников своей земли в колонизируемых странах.

В таких условиях критика империализма или выражение протестов не могли быть массовыми, однако характеризовали часть либеральных политиков, главным образом последователей У. Гладстона, ученых и мыслителей, которые придерживались различных политических взглядов, но чьи воззрения во многом формировались под воздействием позитивизма О. Конта. Вышеперечисленных деятелей в контексте данной статьи представляется допустимым называть если не интеллигенцией, то интеллектуалами, поскольку они в немалой степени формировали идеологию и воздействовали на общественное сознание сограждан.

Формирование британского империализма как массового общественного сознания на протяжении XIX в. сопровождалось попытками выявить, во-первых, объективность и целесообразность империи с точки зрения существовавших экономических воззрений. Во-вторых, такого рода обоснования неминуемо подразумевали критический анализ (который, впрочем, не означал политической критики империализма) расширения имперских владений и выстраивание различных предположений о политических, экономических и социальных последствиях поддержания и содержания империи.

Еще в 1830 г. известный экономист и член либеральной партии Эдвард Кейли писал о необходимости поисков мест, где английский капитал нашел бы себе применение: «Избыточный капитал должен искать новые страны и посредством фабричного производства суметь изыскать средства для выполнения замысла Провидения, заключающегося в том, что каждый участок планеты будет заселен»¹.

Крупнейший вклад в исследование современных империй и империализма сделал экономист Джон Гобсон, издавший в 1902 г. книгу «Империализм: исследование»². В этом труде, состоящем из двух глав, посвященных, соответственно, экономике и политике империализма, уделяется большое внимание идеологии

и способам, которыми она овладевает общественным сознанием, становясь наиболее значимой его характеристикой. Об этом Дж. Гобсон пишет так: «Самые крупные и наиболее важные факты империализма — политические, экономические, нравственные — обыкновенно незнакомы рядовому “образованному” британцу... неопределенные и необдуманые мнения не проходят проверки посредством тщательного изучения фактов и цифр»³.

Важно, что Дж. Гобсон считал прессу инструментом манипулирования британским общественным мнением. Речь идет не только о тенденциозности и «политическом заказе» в подаче материалов: периодические издания формировали особый дискурс, в котором определенные понятия выражались словами, не требующими специального разъяснения. Эти слова приобретали определенный контекст, становящийся более важным, чем прямой смысл.

Джордж Гуч полагал, что британское общественное мнение строится на «доверчивости, которую мы проявляем, когда речь идет о странах или людях, на которых мы по той или иной причине рассержены»⁴; при этом источников легковерия всего два: «во-первых, это страсть, с которой люди слушают все, что унижает противника, и, во-вторых, это несклонность исследовать природу посредничества, через которое доставляется информация... а потому британская общественность продолжает верить, что каждый репортаж, который столь близко соперничает с другими, обладает отдельной и независимой ценностью, пред которой склоняется непредубежденный наблюдатель»⁵.

Важное место в британской имперской публицистике занимала тема экономического бремени империи. Были среди британских интеллектуалов так называемые «Имперские скептики», которые строили свою аргументацию на отсутствии выгоды для Великобритании от каких-либо политических, экономических и технических новшеств в колониях. «Инвестиции в Индию, инвестиции в колонии, которые предъявляют нашему государству большие или меньшие требования, привели к тяжелейшему выкачиванию английских ресурсов... Бремя индийского голода и бремя английского пауперизма будет слишком тяжело выдержать», — сказал Джеймс Геддес на лекции в Позитивистской школе в 1871 г.⁶

Однако не только экономическая, но и нравственная целесообразность империи подвергалась научной критике, начиная

с середины XIX в., когда сомнения стали касаться трех краеугольных камней колониальной экспансии европейских держав: превосходства христианства, главенства европейской цивилизации и экономической эффективности деятельности «развитых» народов в разработке ресурсов, находящихся в других частях мира.

Критика имперской политики исходила и от известного экономиста и политического деятеля Генри Фоссета, чье постоянное внимание к недостаткам управления Индией снискало ему репутацию «члена парламента от Индии». Исследуя ситуацию в Индии и ее влияние на общее состояние империи, Г. Фоссет утверждал: «Наша фатальная ошибка заключается не только в расходах на департамент общественных работ, но и во всем нашем управлении Индией. Наше управление обходится слишком дорого для такой бедной страны. Ничто не является столь плодотворным источником серьезных бед, как преобладающее в Англии мнение об огромных богатствах Индии. Нас вводят в заблуждение некое варварское великолепие, демонстрируемое индийскими князьями, посещающими нашу страну, и воспоминания о добыче, доставшейся нам во дворцах во время войны. Однако почти невозможно преувеличить размеры нищеты индийских народных масс. Их обычный заработок не превышает 3—4 пенсов в день... Мы должны учитывать этот факт, когда одобряем безумство и расточительность при сооружении дорогостоящих железных дорог, как будто они соединяют центры богатства и населения в нашей собственной стране, тогда как в действительности эти дороги пролегают через районы, где население слишком бедно для путешествий и где нет ни шахт, ни фабрик»⁷. Однако Г. Фоссет возлагал вину за ситуацию в Индии лишь на непрофессионализм отдельных лиц, которые неспособны управлять: «В парламенте по пальцам одной руки можно пересчитать тех, кто получил образование для управления Индией и кто благодаря этому полностью компетентен в вопросах, жизненно важных для нашей величайшей колонии»⁸. Иными словами, критика Г. Фоссетом имперского управления, его расточительства и непрофессионализма не подразумевает необходимости отказа от колониальной политики: он был убежден в возможности добиться процветания метрополии и завоеванных территорий посредством всего лишь мудрого руководства и жесткой экономии.

Существовала и более резкая критика имперского военного экспансионизма со стороны, например, Национального светского общества (National Secular Society), выступавшего на страницах еженедельника «Республиканец»⁹ против войны в Трансваале в 1881 г. Основатель общества Чарльз Бредлоу выражал свои мысли не только с трибуны парламента, но и в журнале «The National Reformer» (Национальный реформатор), который организовал в 1860 г. совместно с Джозефом Баркером. По своим принципам он был близок к Генри Фоссету, поскольку занимал сходные позиции в вопросах, касающихся методов британского управления Индией, однако он не был столь категоричен, когда речь шла о Британской империи, предлагая меры, скорее, для ее укрепления, чем для развала. Кроме того, для Ч. Бредлоу важен был моральный контекст имперской политики: «Я полагаю, что мы обрели власть в Индии по большей части такими средствами, которых должны искренне стыдиться. И я считаю, что если мы продолжим управлять Индией, на каждого англичанина и англичанку будет возложена тяжелейшая обязанность заботиться о том, чтобы деспотическая власть Англии использовалась исключительно для того, чтобы искупить наше прошлое и сделать так, чтобы наши индийские сограждане охотно подчинялись нашей власти»¹⁰. Объектом критики Чарльза Бредлоу были консервативные силы в парламенте, отстаивавшие сохранение жестких насильственных способов управления империей. Такие принципы Ч. Бредлоу назвал «постыдными».

При всем, казалось бы, искреннем сочувствии к индийскому народу, Ч. Бредлоу не ставит вопроса о предоставлении ему независимости. В полном соответствии с европоцентризмом, он убежден в благотворности британской власти и в том, что покоренные народы ниже по положению, чем британцы, а потому должны «подниматься», «дорастать» до независимости под руководством колонизаторов.

Популяризатором позиции Ч. Бредлоу был писатель и журналист Уильям Дигби, испытывавший искреннюю симпатию к Индии и проведший там несколько лет. В своих публицистических работах У. Дигби отстаивал идею несправедливости колониального управления в тех формах, которые существенно ухудшили положение индийского населения: «Британия выкачивает

из Индии не только излишки, но и жизненно необходимую кровь»¹¹. При этом У. Дигби видит выход из сложившейся ситуации только в ответственности и добросердечии британцев. Донося до британских читателей многочисленные нарушения самых элементарных прав индийцев, У. Дигби не видит никакого иного выхода, кроме апеллирования к британской палате представителей и Либеральной партии как инструментарию британского народа, поскольку «не существует никакой иной возможности избежать падения, к которому Индия приближается. Никакие реформы не могут быть проведены самим индийским народом: у него нет средств заставить себя услышать или почувствовать свою силу. Они могут только рассчитывать на тех, кто отстаивает их требования в Англии»¹².

Если же говорить о противниках империи, то здесь ярким примером является Герберт Спенсер, который был настроен против империализма вообще, полагая, что современный империализм ничем не отличается от античного и всегда связан с военным господством одних над другими, которые становятся рабами. Для Спенсера, стоявшего на позициях эволюционизма, империализм представляет опасность, в первую очередь, для самих завоевателей, поскольку они, возвращаясь к давно пройденным ими историческим ступеням рабовладения, неминуемо утрачивают все социальные и культурные достижения и становятся на позиции «реварваризации»: «Все то время, когда они (имперские завоеватели. — А. С.) продолжают покорять другие народы и держать их в подчинении, они с готовностью позволяют своим личным свободам слиться с властью государства, а после этого, как то было в давние времена, принимают рабство, сопутствующее империализму»¹³.

Генри Лабушер, либеральный политический деятель и публицист, тоже рассматривал имперскую политику с точки зрения британских интересов: «Любое наше вмешательство во внутренние дела Египта не только противоречит либеральным принципам: оно противоречит английским интересам. К чему это к настоящему моменту привело? К самой затратной военной экспедиции, к массовым убийствам англичан и египтян, к тому, что мы действуем противоправно, а это означает, что там не может быть истинной свободы или сильного правительства»¹⁴.

Так называемый «имперский скептицизм» на рубеже XX—XIX вв. существовал в рамках позитивистской социальной философии, повлиявшей на мышление не только представителей гуманитарной научной мысли, но и на некоторую часть британской политической элиты, преимущественно либеральной. Даже такой последовательный противник империализма, как Герберт Спенсер, строит свою аргументацию на позитивистско-прагматических основаниях, доказывая пагубность колониальной политики для самой Великобритании, рискующей потерять свои достижения в экономической и социальной сфере из-за несовместимости имперской политики и традиций британского свободного общества.

Примечательно, что даже в наиболее критических характеристиках колониальной администрации не подразумевалась необходимость отказа от колоний вообще: напротив, речь шла об укреплении империи посредством эффективного управления для пользы британцев и подвластных народов. Сложившиеся в британском общественном сознании стереотипы о своем превосходстве находят отражение в каждом из предлагавшихся проектов по реформированию империи. Имперская национальная идентичность, строящаяся на идее британской исключительности, была решающим фактором, определявшим личность ученого или политика-либерала. Даже в выражении симпатий по отношению к «другим» априорно содержалось противопоставление британской военной силы, культуры, передовых социальных институтов слабости и неразвитости населения завоеванных стран. Отсюда и отсутствие предложений по предоставлению независимости, несмотря на наличие расплывчатых тезисов о представительских органах власти в других странах или самоуправлении в неопределенном будущем в рамках империи.

Примечательно, что некое осознание ответственности за огромные порабощенные территории и их население было свойственно, хотя бы на словах, тем, кто осуществлял имперское управление в колониях. Рассмотрим в этой связи знаменитое высказывание Дж. Р. Сили из его впервые опубликованной в 1883 г. работы «Экспансия Англии»: «Кажется, мы и в самом деле завоевали и заселили половину мира в припадке рассеянности... но наша манера речи постоянно предательски выказывает, что мы не считаем свои колонии чем-то действительно принадлежащим

нам»¹⁵. Иными словами, Дж. Р. Сили отмечает, что экономические и социальные достижения воспринимались британцами как исключительно их собственная заслуга, а абстрактно понимаемая империя — как элемент национального образа и величия, определяемого, в частности, «бременем белого человека». Этот белый человек дистанцируется от прочего мира не только своей принадлежностью к христианскому миру: он развивает современные технологии и промышленность, но при этом не допускает, что условия для такого прогресса обеспечиваются ограблением колоний.

Однако и умеренная критика колониализма не означала ее сколько-нибудь значимой роли в британском общественном сознании вне узкого круга либеральной интеллигенции. Отличительной особенностью критики империи была умеренность и акцентирование моральной стороны происходящих политических процессов; хотя вопрос о том, как необходимо управлять империей, ставился, но и он обсуждался в контексте имперского величия, цивилизующей миссии и национальных интересов Великобритании.

Между тем, имперский энтузиазм, зиждущийся на чувстве национальной исключительности, сопровождался беспрестанными напоминаниями о религиозном и расовом превосходстве, что способствовало самоутверждению и укреплению национального образа. Это достигалось посредством «доказательства» неполноценности прочих, т. е. не белых, людей: «Раса и расовые теории пользовались огромной популярностью, что не могло не влиять на официальную политику», — заключает Кристин Болт¹⁶. Можно добавить, что общественное мнение настолько полно усвоило идею о высших и низших расах, что даже и умеренная критика империализма не могла найти сколько-нибудь широкого отклика.

Примечания

¹ *Cayley E. S. On Commercial Economy : in 6 essays. L., 1830. P. 33—34.*

² *Hobson J. A. Imperialism : a Study. L., 1902. Изданный в 1927 г. русский перевод книги (Гобсон Д. Империализм. Л., 1927) содержит, на наш взгляд, некоторые неточности в использовании терминологии и пропуски, поэтому для цитирования книги нами использовалось оригинальное издание.*

³ *Hobson J. A. Op. cit. P. 218—219.*

⁴ См.: *Ibid. P. 317.*

- ⁵ См.: Ibid. P. 317—318.
- ⁶ *Geddes J.* The Month Gutemberg, or, Modern Industry : the Sunday Morning Lecture at the Positivist School, London 21st May, 1871. L., 1871. P. 48—49.
- ⁷ *Fawcett H.* Speeches on Some Current Political Questions. L., 1873. P. 38.
- ⁸ *Fawcett H., Fawcett M. G.* Essays and Lectures on Social and Political Subjects. L., 1872. P. 312.
- ⁹ Цит. по: *Claeys G.* Imperial Sceptics : British Critics of Empire, 1850—1920. Cambridge, 2010. P. 43. «The Republican Journal» издавался в Белфасте; многие его публикации носили антиимперский характер в связи с политическими событиями в Ирландии.
- ¹⁰ *Speeches by Charles Bradlaugh.* L., 1890. P. 31.
- ¹¹ *Digby W.* Indian Problems for English Consideration : a Letter to the Council of the National Liberal Federation. Birmingham, 1881. P. 46.
- ¹² *Digby W.* India's Interest in the British Ballot Box. L., 1885. P. VIII.
- ¹³ *Spencer H.* Facts and Comments. N. Y., 1902. P. 157.
- ¹⁴ Цит. по: *Thorold A. L.* The Life of Henry Labouchere. L., 1913. P. 183.
- ¹⁵ *Seeley J. R.* The Expansion of England : Two Courses of Lectures. L., 1914. P. 10.
- ¹⁶ *Bolt C.* Victorian Attitudes to Race. L., 1971. P. 217.

ББК 63.3(4Эст)64-283.2

К. А. Зверев

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЭСТОНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 1992—2007 ГОДАХ

Интеллигенция с самого момента своего оформления как социальной группы стремилась играть важную роль в политической жизни обществ, частью которых являлась. Не стали исключением и постсоветские государства, в том числе Эстонская республика. Однако здесь, как и во многих других странах — на-

© Зверев К. А., 2014

Зверев Кирилл Александрович — аспирант кафедры всемирной истории и историографии Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. zwerew.kir@yandex.ru

следницах Советского Союза, интеллигенция, как и общество в целом, оказалась разделена по этноязыковому признаку.

Прежде чем перейти к теме работы, следует прояснить, что мы подразумеваем под понятием «интеллигенция» и кого к ней относим. Интеллигенция, подчеркнул В. С. Меметов, «была, есть и будет прямым отражением социально-экономических, политических, национальных, культурных и других отношений в любом человеческом обществе»¹. С одной стороны, всякий политический режим стремится создать в лице интеллигенции свою идеологическую опору, с другой — общество выдвигает своих наиболее подготовленных представителей для диалога с государством, который может приобретать различные, в том числе конфликтные, формы. В этом диалоге проявляются многочисленные существенные признаки интеллигенции: ориентация на общечеловеческие качества, приверженность идее справедливости, критическое отношение к существующим социальным формам правления, верность народу, подвижничество, патриотизм и пр.²

Понятие «русскоязычная интеллигенция» отражает специфику постсоветской Эстонии, где рычаги власти перехватила национальная элита титульного населения страны, фактически разделив жителей Эстонии по принципу родного языка. Таким образом, преподаватели, ученые, общественные деятели, работники культуры, журналисты и другие, для которых основным (и чаще всего родным) являлся русский язык, оказались отделенными от мейнстрима политической жизни страны.

Русскоязычная интеллигенция в Эстонии имеет давние корни — после революции и Гражданской войны в независимую Эстонию устремилась волна белой эмиграции, обогатившая культурную жизнь молодой республики. По окончании Великой Отечественной войны во время «борьбы с безродным космополитизмом» в основном из Ленинграда в Тарту были вынуждены переехать многие видные университетские преподаватели, ученые, академики еврейского происхождения, благодаря вкладу которых Тартуский университет занял видное место среди университетов Советского Союза.

Но вместе с тем, в Эстонии еще в советские времена была заложена существенная диспропорция в национальном составе интеллигенции. Слой русскоязычной интеллигенции в республике

был намного меньше эстонской интеллигенции и не соответствовал доле русскоязычных в населении. После войны в республике шел мощный процесс строительства крупных промышленных предприятий — требовалось большое количество строителей, рабочих, которые прибывали из разных частей Советского Союза; именно они и формировали русскоязычную диаспору в Эстонии. Данные об удельном весе русских и эстонцев в Эстонии в разных профессиональных группах до начала перестройки приводятся в работах Кирха, Ярве, Хаава³. По данным этих публикаций, русские были «недопредставлены» среди руководителей предприятий и их подразделений (0,56 % от удельного веса русских в населении), научных работников, преподавателей, учителей (0,69 %), работников искусства (0,33 %), т. е. как раз в тех профессиях, которые относятся к прерогативе интеллигенции, удельный вес русскоязычных намного отставал от средних показателей титульного населения. Это обстоятельство определило довольно узкий слой и малочисленность русскоязычной интеллигенции в Эстонии.

Несмотря на свою малочисленность, русскоязычная интеллигенция Эстонии (как и интеллигенция других союзных республик) активно включилась в общественную жизнь перестройки. Многие ее представители, в особенности преподаватели Тартуского университета (Михаил Бронштейн, Рэм Блюм, Чеслав Луцник, Юрий Лотман, Яан Каплинский, Леонид Столович, Павел Рейфман, Евгений Голиков, Рафик Григорян, Артур Кузнецов и др.), были активными членами Народного фронта, различных дискуссий и круглых столов, принимали непосредственное участие в обретении Эстонией независимости⁴. В переломный момент перестройки русскоязычная интеллигенция Эстонии (особенно профессура Тартуского университета) поддержала Народный фронт, который выступал за предоставление большей автономии Эстонской ССР, позже за независимость. В меньшей степени, в основном руководством крупных предприятий союзного подчинения (завод «Двигатель», завод полупроводников имени Пегельмана) и партийным активом данных заводов, было поддержано Интердвижение, которое выступало за сохранение Эстонской ССР и пребывание в составе СССР. Из его рядов вышли многие члены Верховного Совета ЭССР (В. Лебедев,

С. Советников, В. Меньшиков и др.)⁵, которые управляли страной до принятия новой конституции и избрания нового парламента — Рийгикогу. Отношение русскоязычной интеллигенции к независимости Эстонии отражало настроения части русскоязычных жителей страны (см. табл.).

Доля неэстонцев, поддерживающих независимость Эстонии, %

1989		1990			1991	
Апрель	Сентябрь	Февраль	Май	Июнь	Март	Сентябрь
5	9	18	26	27	37	55

Во время принятия закона о гражданстве 1992 г., фактически лишавшего права на автоматическое получение гражданства и соответственно права голоса на референдуме о конституции и последующих выборах всех, кто поселился в Эстонии после 1940 г., русскоязычные депутаты Верховного Совета пытались изменить формулировки закона, но это не имело успеха. В новом парламенте, избранном уже на основе разграничения прав эстонского и русскоязычного населения, представительство последнего стало минимальным, а участие русскоязычной интеллигенции в становлении Эстонского государства свелось к единичным примерам. Так, профессор Тартуского университета, бывший депутат Верховного Совета СССР Михаил Бронштейн в 1991—1995 гг. представлял Эстонию в Москве на должности консультанта посольства по экономическим вопросам, налаживал дипломатические отношения с Российской Федерацией.

С восстановлением независимости, особенно после 1992 г., настроения русскоязычной интеллигенции кардинально меняются. Это связано с приходом к власти в республике националистов во главе с Мартом Лааром, которые начали проводить агрессивную националистическую политику по вытеснению русскоязычного населения из страны. Михаил Бронштейн пишет о премьерстве Лаара: «В 1992 г. национально мыслящего прагматика Тийта Вяхи на посту премьер-министра сменил Март Лаар. Стержень всей его политики — реституция и возврат к старому доброму эстонскому времени. Но как быть с изменившейся демографической структурой и с “инородцами”, которые участвовали в восстановлении и развитии экономического потенциала страны? Вытеснить

за пределы страны. Сократить рабочие места, прежде всего в крупной промышленности, где работают “muulased” (“иностранцы”)⁶.

Именно в первое премьерство Марта Лаара (1992—1994) начинается *активизация русскоязычной интеллигенции в борьбе с националистическим курсом правительства*, особенно в 1993 г. — в период обсуждения и принятия Закона об иностранцах⁷ и Закона о выборах в собрания местных самоуправлений⁸. Данные законы приравнивали всех жителей неэстонцев, переселившихся в Эстонию с 1940 г. (в основном русскоязычных), к иностранцам и ограничили их участие в политической жизни страны только голосованием на выборах в органы местного самоуправления. Данные законодательные акты вызвали недовольство и обеспокоенность у большинства русскоязычных жителей, в том числе и интеллигенции, т. к. многие еще надеялись получить эстонское гражданство автоматически, без прохождения экзаменов и процедур т. наз. «натурализации». Начались массовые акции протеста, в основном в городах северо-востока Эстонии (Нарва, Силламяэ) — мест компактного проживания русскоязычного меньшинства. Эти события вошли в историю под названием «Нарвский кризис» — в Нарве, Силламяэ был проведен референдум о введении на северо-востоке Эстонской республики территориальной автономии.

Хотя данный референдум был признан неконституционным, он напугал эстонские власти, которые вынуждены были пойти на некоторые уступки. В частности, тогдашний президент Эстонии Леннарт Мери 10 июля 1993 г. принял решение о создании Круглого стола национальных меньшинств при президенте республики. Согласно своему уставу, Круглый стол должен был стать постоянно действующим форумом (местом для дискуссий) представителей национальных меньшинств и лиц без гражданства, проживающих в Эстонии, и политических партий. Его целью было содействовать стабильности, диалогу и взаимопониманию между различными группами населения и, тем самым, положительно влиять на политику правительства в отношении меньшинств. Круглый стол формировался, в том числе и из представителей русскоязычной интеллигенции, которая имела возможность высказывать свое мнение по вопросам интеграции. Первоначально работа данного органа была эффективной, но при при-

нятии ключевых законодательных актов и решений по делам национальных меньшинств мнение Круглого стола не учитывалось⁹, он был исключительно консультативным органом и никаких полномочий не имел.

В частности, при разработке первой интеграционной программы «Интеграция в эстонском обществе в 2000—2007 гг.» мнение Круглого стола не было услышано. Всё это привело к разочарованию в данной организации и прекращению ее деятельности в 2006 г. Английский исследователь Нейл Мелвин считает, что «президент Леннарт Мери, используя возможность предоставления эстонского гражданства за особые заслуги, предоставил гражданство русскоязычной элите: главным редакторам русскоязычных газет, лидерам политических партий русскоязычных, крупным бизнесменам. Также эстонские власти в соответствии с принципом “разделяй и властвуй” — стремились разделить русскоязычную общину по национальному признаку на русских, украинцев, евреев и т. д.»¹⁰. Круглый стол национальных меньшинств не мог и не должен был решать никаких проблем. Кроме того, по мере получения частью его членов гражданства, в нем нарастали недоверие и соперничество.

Новый всплеск деятельности русскоязычной интеллигенции был связан с событиями Бронзовой ночи апреля 2007 г. (перенос памятника «Павшим во II мировой войне» и последовавшие за этим массовые беспорядки). В сентябре 2007 г. была создана «Общественная палата представителей национальных меньшинств Эстонии», которая приняла ряд воззваний, обращений и т. д.; но в целом и эта деятельность оказалась по большей части декларативной и не имела реальных последствий для объединения и консолидации русскоязычной общины.

В независимой Эстонии русскоязычная интеллигенция не смогла проявить себя как консолидированная группа и выступить единым фронтом, в ней не обозначились общепризнанные лидеры. Русскоязычная интеллигенция размежевалась по политическим мотивам: на сторонников эстонских (в том числе и явно националистических) и на сторонников пророссийских партий, искавших поддержку и финансирование у РФ. В первой половине и середине 1990-х гг. наметились попытки создания русских партий: ОНПЭ — Объединенная народная партия Эстонии

(с 2006 г. — Конституционная партия) и РПЭ — Русская партия Эстонии. Эти партии получали места как в местных собраниях, так и в Рийгикогу (парламент Эстонии), но из-за постоянного соперничества, коррупционных скандалов¹¹ к началу 2000-х они потеряли поддержку избирателей, которые переключились на Центристскую партию (создана на базе Народного фронта). Именно в данной партии и образовалась группа русскоязычных политиков. В 2007 г. было наибольшее число депутатов неэстонцев — 8 из 101 депутата (для сравнения: в 1992 и 1995 — 0, в 1999 — 7, в 2003 — 6), из которых 6 — от Центристской партии¹². Часть русскоязычных интеллектуалов и общественных деятелей организовали ряд неправительственных организаций самой разной направленности — от правозащитных до спортивных и культурных, всего около 80 организаций. Некоторые из них входят в Союз объединений российских соотечественников в Эстонии (СОРСЭ) и пользуются поддержкой и финансированием со стороны России.

Деятельность русскоязычной интеллигенции связана не только с политической борьбой, но и с культурной жизнью Эстонии, где она приносила более ощутимые плоды. Это проведение различных научных семинаров, конференций, выставок, театральных и музыкальных фестивалей. Союз объединений национальных культур «Лира», Ассоциация русских культурных обществ «Рутения», «Институт Пушкина» и многие другие ведут культурную и просветительскую деятельность в стране. На муниципальном уровне в Таллине действуют Русский культурный центр (Vene Kultuurikeskus) и Русский театр Эстонии (Vene Teater), которые также служат центрами притяжения интеллигенции. В сфере образования действовал ряд частных вузов с русским языком обучения, крупнейшим из них был закрытый в 2013 г. Институт экономики и управления «Ecomen» (ректор Ханон Барабанер).

Большой резонанс в русскоязычной среде, в том числе и среди интеллигенции, вызвал Закон об основной школе и гимназии¹³ и поправки¹⁴ к нему, в соответствии с которыми срок перехода иноязычных гимназий на эстонский язык обучения был назначен на 2007/08 учебный год¹⁵, а учебное заведение могло считаться эстоноязычным, если 60 % всей учебной работы в нем велось на эстонском языке. Были организованы массовые акции

протеста, но это не возымело действия. Тогда была создана организация «Русская школа Эстонии» (2004 г.), которая, при поддержке Центристской партии и русскоязычной общественности, в правовом поле отстаивала конституционное право на обучение на родном языке.

Серьезнейшей проблемой русскоязычной интеллигенции является ее воспроизводство и обновление. Современный состав русскоязычной интеллигенции сформировался в основном в советский период в Тартуском и Таллинском университетах. В современной Эстонии остро стоит вопрос доступности высшего образования, особенно на русском языке. Происходит отток молодежи за границу — в поисках образования и более высокой зарплаты, многие уже не возвращаются в Эстонию. По этой причине прослойка образованных русскоязычных сужается, а интеллигенция всё больше стареет — не происходит ее воспроизводства, обновления и развития. Данной ситуацией обеспокоена и эстонская думающая элита, которая понимает, что русскоязычная интеллигенция — это не проблема, а богатство Эстонии. Эстонский политик Яак Аллик пишет: «Я думаю, что главной целью российской политики поддержки соотечественников должна стать помощь в сохранении и воспроизводстве русской интеллигенции в Эстонии. Без российской нефти как-то просуществовать можно, но очень трудно жить без русской культуры, тех ценностей, которые создавались в ее недрах, получили распространение и признание во всем мире и стали частью самосознания очень многих людей, причем не только русских, за пределами России»¹⁶. Подобного же мнения придерживается другой крупный политик — Пеэтер Крейцберг¹⁷.

Таким образом, исследуя роль и реакцию русскоязычной интеллигенции на формирование национальной политики Эстонской республики, следует отметить, что она была отстранена и не смогла оказать существенного влияния на происходящие события. На этапе перестройки в СССР и провозглашения Эстонией независимости, русскоязычная интеллигенция имела своих представителей во власти (и в Верховном Совете и в Народном фронте) и поддерживала независимость страны, но через год — на этапе оформления государства, создания законодательной базы — неэстонская интеллигенция была отстранена национальной элитой от реальной

власти в сферу общественных организаций. Наиболее активная часть русскоязычной элиты была «прикормлена» гражданством, депутатскими мандатами и не могла выступать против действующей национальной политики. Оставшаяся часть русскоязычной элиты была разделена по национальным, политическим мотивам и не смогла ни объединиться, ни найти лидера, пользующегося уважением как в эстонском, так и в неэстонском обществе. Ограниченная возможность получения образования на русском языке и трудоустройства для русскоязычных специалистов в Эстонии вынуждает многих способных представителей молодого поколения уезжать за границу. Поэтому не происходит обновления и расширения неэстонской интеллигенции, не появляется и не может появиться новый дееспособный лидер. Изменение эстонской политики по вопросу русскоязычного образования и интеллигенции маловероятно. Выходом из данной плачевной ситуации могла бы стать более продуманная политика оказания помощи соотечественникам со стороны России, направленная на поддержку русского образования и культуры за границей, на обучение соотечественников в ведущих российских вузах, укрепление и развитие русскоговорящей интеллигенции за рубежом.

Примечания

- ¹ Меметов В. С. Генезис, формирование и деятельность интеллигенции // Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции. Иваново, 2008. С. 32.
- ² Дорогова Л. Н., Пыханов Ю. В., Мареева Е. В., Мареев С. Н., Рябчун Н. П. Культурология : электрон. учеб. URL: <http://web-local.rudn.ru/web-local/uem/ido/1/cult/cu3-5.html> (дата обращения: 30.03.2014).
- ³ См.: Kirch A. Russians in contemporary Estonia — different strategies of the integration into the Nation-State // The Baltic States at Historical Crossroads / Academy of Sciences of Latvia. Riga, 1998 ; Kirsh A., Kirsh M., Tuisk T. A Non-Estonian Population Today and Tomorrow : a Sociological Overview. Tallinn, 1992 ; Курх А. В., Ярве П. Э., Хаав К. Р. Этносоциальная дифференциация городского населения Эстонии // Социс. 1988. № 3.
- ⁴ Анатомия независимости : сб. ст. / под ред. Р. Григоряна, И. Розенфельда. Тарту, 2004.

- ⁵ Поправки, дополнения и предложения к постановлению «О гражданстве Эстонской Республики» // *Rahvusarhiiv* (ЭГА) Ф. R-3. Оп. 3. Д. 16115. С. 31—32.
- ⁶ *Бронштейн М.* На службе национальных интересов Эстонии в Москве // *Анатомия независимости.* С. 212—213.
- ⁷ *Välismaalaste seadus* (Закон об иностранцах) // *Riigi Teataja.* 1993. № 44. Ст. 637. Русский перевод закона: Закон об иностранцах // *Jus-tiitsministeerium* (Сайт Министерства юстиции ЭР). URL: http://www.just.ee/orb.aw/class=file/action=preview/id=49469/Valismaala_steseadus.pdf (дата обращения: 30.03.2014).
- ⁸ *Kohaliku omavalitsuse volikogu valimise seadus* (Закон о выборах органов местного самоуправления) // *Riigi Teataja I.* 1993. № 29. Ст. 505.
- ⁹ *Гаранжа Е.* Рыцарей Круглого стола ждут новые битвы // *Молодежь Эстонии.* 2001. 16 нояб. URL: <http://www.moles.ee/01/Nov/16/2-1.php> (дата обращения: 30.03.2014).
- ¹⁰ *Melvin N.* *Russians Beyond Russia : the Politics of National Identity.* L., 1995. С. 46—47.
- ¹¹ *Астров А.* Самочинное сообщество: политика меньшинств или малая политика? Таллин, 2007. С. 58.
- ¹² *Сависаар Э.* Правда об Эстонии. Таллинн, 2013. Т. 1. С. 358.
- ¹³ *Rõhikooli- ja Gümnaasiumiseadus* (Закон об основной школе и гимназии). URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/28542> (дата обращения: 30.03.2014).
- ¹⁴ *Rõhikooli- ja Gümnaasiumiseadus* (Закон об основной школе и гимназии) // *Riigi Teataja I.* 2000. № 33. Ст. 195.
- ¹⁵ *Rõhikooli- ja Gümnaasiumiseadus* (Закон об основной школе и гимназии) // *Riigi Teataja I.* 1997. № 69. Ст. 1111.
- ¹⁶ *Алик Я.* Россия, помоги русской интеллигенции в Эстонии! // *День за днем.* 2011. 18 июля. URL: <http://www.dzd.ee/501852/jaak-allik-rossija-pomogi-russkoj-intelligencii-v-jestonii> (дата обращения: 30.03.2014).
- ¹⁷ См.: *Кузнецова Н.* Патриотизм русской культуры мог бы быть выше // *Молодежь Эстонии.* 2004. 13 февр. URL: <http://www.moles.ee/04/Feb/13/9-1.php> (дата обращения: 30.03.2014).

ББК 72.471.2

С. А. Красильников

РЕГИОНАЛЬНЫЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ЦЕНТРЫ В СОВРЕМЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РФ

Прежде чем перейти к конкретике, выскажем свою позицию относительно границ и возможностей рассмотрения поставленной темы. На наш взгляд, данная тематика подлежит исследованию в более широком временном диапазоне, нежели постсоветский период, и должна вести свое начало со второй половины XX в. Именно «хрущевское время» может служить точкой отчета для формирования региональных центров изучения проблематики истории культуры и интеллигенции, а в более широком контексте — динамики социально-культурных процессов. Именно в период «оттепели» появляются первые научные (а не «нормативные») исследования в данной предметной области (теоретические работы Л. Н. Когана и др., конкретно-исторические труды С. А. Федюкина, В. С. Волкова, В. Л. Соскина и др.). Индивидуальные усилия перечисленных выше талантливых, и в известном смысле независимых, самостоятельных исследователей-«шестидесятников» оказались счастливым образом соотнесены с одной из базовых тенденций в научно-образовательной сфере (и шире — в политико-управленческой и социально-экономической

© Красильников С. А., 2014

Красильников Сергей Александрович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Новосибирского государственного университета. krass49@gmail.com

сферах) — децентрализацией с ее организационным выражением в виде регионализации. Современные историки науки и образования обосновали синхронность развития регионализма в данных областях, связывая это не только с феноменами появления региональных отделений Академии наук вначале в Сибири (новосибирский Академгородок), далее на Урале и на Дальнем Востоке, но и с экстенсивным наращиванием в регионах сети вузов, особенно с 1970-х гг., с ее университетской составляющей.

Сказанное выше имеет самое прямое отношение к формировавшимся в этот период «точкам роста» — региональным научно-образовательным структурам, специализировавшимся на проблематике истории культуры и интеллигенции, для которых открывались ресурсные возможности — сетевые, кадровые, финансовые и т. д. Не касаясь иных регионов (об этом подробно и квалифицированно расскажут другие), отметим обстоятельства и факторы, которые определили как создание и развитие, так и последующие проблемы, ограничения и трудности в судьбе новосибирского сообщества историков культуры и интеллигенции за почти полвека его существования. Оговоримся далее, что в данном случае более точно было бы говорить не о центре, как институционально оформленной структуре, а именно о сообществе, имеющем черты и свойства корпорации с определенными нормами, ценностями, процедурами, формальными и неформальными взаимодействиями, следованием определенным научным парадигмам, которые могут со временем трансформироваться.

Новосибирское сообщество более чем за сорокалетний период своего существования прошло несколько стадий трансформации, которые, впрочем, нельзя представить вне объединяющей фигуры Варлена Львовича Соскина. В нем счастливым образом сошлись качества талантливого ученого, прекрасного педагога и умелого организатора в научно-образовательной сфере. Убрать одну из составляющих данную триаду, и уже не сложится сообщество: на нашей памяти — яркие ученые, такие как В. П. Данилов или С. А. Федюкин, могли сформировать и возглавить то или иное научное направление, но, в силу невозможности полноценно участвовать в вузовском образовательном процессе и иметь учеников из студенческой среды, у них не могло быть развивающегося и пополняющегося собственного сообщества. И в этом смысле

лидер новосибирского сообщества сумел реализовать предоставленные ему возможности, сформировав и научное направление, и научное сообщество. Достаточно сказать, что за полувековой период преподавания на историческом отделении гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета из спецсеминара профессора В. Л. Соскина вышло более 100 дипломников по историко-культурной тематике, под его руководством около сорока человек защитили кандидатские диссертации и до десятка ученых стали докторами наук, профессорами, создавшими свои научные направления в рамках истории науки, образования, интеллигенции (Е. Т. Артемов, Е. Г. Водичев, А. Л. Посадсков, С. А. Красильников и др.).

При всем нынешнем критическом подходе к позднесоветскому периоду существования отечественной исторической науки, 1970—80-е гг. предоставляли для развития историко-культурных исследований в целом комфортные условия (речь идет именно об условиях): формировались научные направления, достаточно стабильной являлась институциональная основа в академических и вузовских структурах, предоставлялись ресурсы для научно-исследовательской инфраструктуры (издательская деятельность, научные мероприятия имели горизонты планирования на пятилетние сроки и т. д.). Для научного сообщества культурологов Новосибирска пиками признания стали проведенные в Академгородке Всесоюзная конференция по проблемам интеллигенции (1979) и семинары по проблемам применения системного подхода к изучению культуры (1983, 1985), в организации и концептуальном сопровождении которых роль В. Л. Соскина неоспорима. Именно в этот, относительно «спокойный» период и произошло становление нашего регионального сообщества, получившего признание и поддержку со стороны других центров и сообществ. В рамках того же времени сложилась и определенного рода специализация по профессиональным интересам внутри небольшой корпоративной группы историков. Большинство ее молодых представителей оказалось сориентировано на изучение науки и отчасти образования как социальных институтов, т. е. в рамках набравшего силу направления социальной истории.

Сам В. Л. Соскин совместно со своими учениками Е. Г. Водичевым и Е. Т. Артемовым начал активно формировать

базовые принципы и подходы к развитию социальной истории науки. В поисках новых подходов и методов В. Л. Соскин и его последователи сумели воплотить в своих работах институциональную (как ее теперь называют) историю региональной науки, исследовав феномен становления и развития в Сибирском регионе всех трех составляющих научного потенциала (академический, вузовский и отраслевой секторы науки) на протяжении всей советской эпохи. Одновременно с этим им вместе с С. А. Красильниковым, Т. Н. Осташко и Л. И. Пыстиной был завершен цикл работ по истории региональной интеллигенции т. наз. переходного периода (с 1917 по 1941 г.), и в известном смысле оказалась исчерпанной та советская парадигма, на которой базировалась история советской интеллигенции (С. А. Федюкин и др.).

Следующий период, наступивший на рубеже конца 1980-х — начала 1990-х гг. и незавершенный по сей день, для новосибирского сообщества стал поисковым, переходным и в известном смысле даже испытанием на прочность. В поисках выхода из очевидно тупиковой системы государственного патернализма, когда рухнули устои «государственного заказа» на гуманитарные исследования и «работники идеологического фронта» оказались предоставленными самим себе, новосибирские историки культуры ищут себя в нескольких направлениях, и пока трудно предугадать, чем эти поиски завершатся.

Одно из направлений поисковых исследований можно было бы обозначить как *культурно-мемориальное*, в прямом смысле корреспондирующее с деятельностью общества «Мемориал». Начиная с 1990-х гг. немалые усилия новосибирского сообщества направлены на историческую реконструкцию советской дискриминационно-репрессивной политики, причем не только в отношении интеллигенции в традиционном смысле этого термина, но и т. наз. пограничных групп (политических активистов, священнослужителей, бывших офицеров и т. д.) и других социальных страт. Именно с этим связана и активная *публикационная* деятельность, подготовка и издание корпусов источников по данной тематике, начатая в 1990-е гг. и продолжающаяся ныне выпуском ряда серий — «Власть и интеллигенция в сибирской провинции» (4 выпуска, охват периода с 1919 по 1945 г.), «Спецпереселенцы в Западной Сибири» (4 выпуска, охват периода с 1930 по 1945 г.).

Особое значение нами придается поддержке и продолжению начавшегося в конце 1990-х гг. такого серийного издания, как «Архивы Кремля». В частности, нами в кооперации с московскими и зарубежными историками осуществлены следующие выпуски: «Судебный процесс социалистов-революционеров 1922 г. Подготовка, проведение, итоги. 1922—1924» (М.: РОССПЭН, 2002); «Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930—1940» в двух книгах (М.: РОССПЭН, 2005, 2006); «Шахтинский процесс 1928 г. Подготовка, проведение, итоги» в двух книгах (М.: РОССПЭН, 2010, 2011).

Профессиональный уровень новосибирского сообщества позволяет реализовывать при поддержке РГНФ ряд крупных проектных/грантовых работ последних лет, в том числе «Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы» (российско-французский проект, число участников 10 человек, 2009—2010, с выпуском двух тематических сборников статей), а также «Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х — 1930-е гг.)» с числом участников 10 человек, 2011—2013, с выпуском итогового коллективного труда по теме проекта (Новосибирск, 2013. 419 с.).

Сказанное выше не означает свертывания сегмента исследований по социальной истории отечественной науки, что нашло свое отражение в выходе только в 2012—2013 гг. крупных работ исследовательского и документального характера: Водичев Е. Г. Наука на востоке СССР в условиях индустриализационной парадигмы (Новосибирск, 2012. 348 с.); Совет по изучению производительных сил Академии наук СССР. Деятельность в восточных регионах. Документы и хроника. 1930—1960 (Новосибирск, 2013. 478 с.).

В завершение нашего краткого обзора приведем перефразированное под данную тему высказывание: «Центры приходят и уходят, а сообщество остается». Злободневность этого тезиса подтверждается тем, что существовавшего на протяжении сорока лет сектора истории культуры уже нет в нынешней структуре Института истории СО РАН. Возможно, что реструктуризация затронет и сам Институт истории. Однако исчезновение институциональной структуры не означает прекращения жизнедеятельности нашего новосибирского сообщества социальных историков культуры, науки, интеллигенции.

Петровичева Е. М. Земская интеллигенция в период Первой мировой войны (На материалах центральных губерний России)

Ключевые понятия: органы земского самоуправления, гражданские инициативы, земская интеллигенция, Первая мировая война.

Исследуется деятельность земской интеллигенции (так называемого «третьего элемента») в тылу, выясняется ее роль в организации помощи раненым и фронту, прослеживается вклад земских служащих в формирование элементов гражданского общества России в период Первой мировой войны. Рассматриваются взаимоотношения земской ответственности и власти, сыгравшие немалую роль в определении исторических судеб Российской империи.

Квакин А. В. Интеллигенция и духовный кризис в России после 1917 года

Ключевые понятия: Россия, культура, интеллигенция, традиционные ценности, кризис, духовный кризис.

Анализируется влияние отказа от традиционных ценностей после революции 1917 года на становление «новой морали». Показывается, что свобода отношений между полами неоднозначно оценивалась представителями интеллигенции, чему способствовали и первые законодательные решения новой власти, результатом которых стало обесценивание традиционной семьи. Показано, что со второй половины 20-х гг. начинается утверждение «нового социалистического Домостроя». На примере интеллигенции демонстрируются последствия этой политики.

Кузьмина В. М. О роли интеллигенции в индустриальной модернизации в СССР

Ключевые понятия: индустриальная модернизация, советское руководство, работники искусств, формы работы с населением.

Анализируется партийно-государственная политика привлечения работников культуры и искусства к решению задач индустриальной модернизации в СССР. Рассматриваются всевозможные формы и методы работы деятелей искусств с населением, косвенно направленные на форсирование темпов индустриальной модернизации.

Комиссаров В. В. Дискуссии в среде интеллигенции о социальных функциях научной фантастики

Ключевые понятия: советская интеллигенция, научная фантастика, социальные функции, прогностика, футурология.

Рассматривается социальное значение научной фантастики в жизни советского общества, приводятся мнения писателей и ученых, анализируются различные точки зрения.

Ершова Э. Б. Современные исследования о российской интеллигенции XX — начала XXI века

Ключевые понятия: российская интеллигенция, ученые разных регионов, Россия, зарубежные ученые о российской интеллигенции.

Предпринята попытка анализа мнений российских и зарубежных ученых по различным публикациям о российской интеллигенции XX — начала XXI века, ее политической и общественной значимости в истории страны, ее чертах, судьбах, изменениях, связанных с переходом общества в новые параметры существования мирового пространства.

Сайтанов С. В. Общественно-политический выбор русского интеллигента: П. А. Кропоткин и анархистское движение

Ключевые понятия: Петр Кропоткин, анархизм, интеллигентность, анархо-реформизм, общественно-политический выбор, радикализм, реформизм, самопожертвование, справедливость.

Освещается проблема взаимосвязи и влияния личностных качеств П. А. Кропоткина на его духовный выбор и присоединение к такому радикальному общественно-политическому направлению, как анархизм. Отмечается, что определяющим при выборе между марксизмом и анархизмом было личное отторжение П. А. Кропоткина от

марксистской организации в Западной Европе как не соответствующей его интеллигентским принципам.

Гордеев П. Н. С. Л. Бертенсон в 1917 году: политический выбор интеллигента-чиновника

Ключевые понятия: интеллигенция, просвещенная бюрократия, российская революция, политический выбор, кадровая политика, театральное дело.

Рассказывается о перипетиях судьбы С. Л. Бертенсона в 1917 году. На основании биографического анализа делаются выводы по таким проблемам, как кадровая политика революционных правительств (Временного правительства и первого советского правительства), идейный выбор отдельных отрядов русской интеллигенции, исторические судьбы русского чиновничества в годы социальных перемен.

Околотин В. С. Реализация налоговой политики и специфика политических репрессий в воспоминаниях Н. М. Сиганова

Ключевые понятия: налоговая политика, политические репрессии, быт политзаключенных, система ГУЛАГа, гражданская позиция мемуариста, воспоминания.

На основе анализа воспоминаний провинциального интеллигента Н. М. Сиганова и архивных документов исследуется специфика деятельности финорганов в 1930-е годы, практика ведения следствия, быт в тюрьмах и в системе ГУЛАГа на территории Ивановской, Ярославской, Архангельской областей и Красноярского края.

Возилев В. В. Проблема интеллигенции на страницах рукописных журналов начала XX века

Ключевые понятия: интеллигенция, провинция, рукописные журналы, революция.

Рассматриваются проблемы интеллигенции в рукописных журналах начала XX века, а также отражение в них дискуссий о судьбе и предназначении интеллигенции в переломные периоды отечественной истории.

Кузеванов В. С. Архитектурный проект как источник для изучения социальной истории и культуры интеллигенции России в 1930—50-е годы

Ключевые понятия: источники, архитектурный проект, советский архитектор, история повседневности, интеллигентоведение, социальная история.

Предлагается расширить круг «сугубо» исторических источников при изучении отдельных профессиональных групп интеллигенции. Предпринимается попытка найти «внутренний» пласт источников для реконструкции частной жизни и повседневности в советскую эпоху. В представленной работе техническая документация (в частности, архитектурный проект) выступает как источник для изучения такого малоизученного отряда технической интеллигенции, как советские архитекторы. Отмечается принципиальное отличие периода 1930—50-х гг. от других исторических эпох, т. к. профессиональная деятельность архитекторов в это время была направлена на решение социальных задач и выполнение политического заказа.

Цумарева Е. П. Интеллигенция о национальном вопросе в Российской империи в начале XX века (По материалам прессы)

Ключевые понятия: интеллигенция, национальный вопрос, либерализм, консерватизм, национализм, славянское единение, пресса.

Анализируются взгляды интеллигенции либерального и консервативного лагерей на решение национального вопроса и вопроса о роли России в славянском мире. Раскрыта проблема поиска точек соприкосновения устремлений национальных окраин и интересов империи. Обосновывается идея о необходимости практической реализации компромиссного решения национального вопроса. Материал статьи представляет интерес для специалистов в области истории и журналистики.

Симонов А. В. Империя и колониализм в полемике британских интеллектуалов во второй половине XIX — начале XX века

Ключевые понятия: Великобритания, интеллектуалы, империя, колониализм.

Раскрывается участие британских интеллектуалов в общественно-политической дискуссии вокруг колониальной политики в период расцвета Британской империи на рубеже XIX—XX вв. В ходе анализа различных мнений, характерных для интеллектуальной среды того вре-

мени, демонстрируется неоднозначность отношения к империализму представителей различных направлений политической философии и интеллектуалов в целом.

Зверев К. А. Русскоязычная интеллигенция и формирование национальной политики Эстонской республики в 1992—2007 годах

Ключевые понятия: интеллигенция, русскоязычное население, Эстонская республика, национальная политика.

Рассматривается отношение русскоязычной интеллигенции к формированию политики Эстонской республики в национальном вопросе — от оформления независимого государства (1992) до окончания первой интеграционной программы правительства и кризиса политики интеграции (2007). Причины неудач попыток русскоязычной интеллигенции влиять на принятие государственных решений автор видит в ее разобщенности, а также в недостаточной поддержке ее усилий со стороны России.

Красильников С. А. Региональные научно-исследовательские центры в современном интеллектуальном и образовательном пространстве РФ

Ключевые понятия: В. Л. Соскин, С. А. Федюкин, региональный научно-исследовательский центр, новосибирское сообщество, региональная наука, направления поисковых исследований.

Подробно анализируется деятельность региональных научно-исследовательских центров изучения проблематики истории культуры и интеллигенции в современном интеллектуальном и образовательном пространстве России. Акцентируется внимание на уникальной истории новосибирского сообщества, сложившегося под руководством профессора В. Л. Соскина.

ANNOTATIONS

Petrovicheva E. M. Intelligentsia of Zemstvo during World War I (on the materials of the central provinces of Russia)

Key notions: Zemstvo territorial self-government, civil initiatives, intelligentsia of Zemstvo, World War I.

The article deals with the activities of the intelligentsia of Zemstvo —so-called «third element», in the rear, reveals its role in the organization of aid to the wounded and the front, traces the contribution of Zemstvo's employees to the formation of the civil society elements in Russia during the World War I. The relationship of Zemstvo activists and the authorities which have played a considerable role in the historical destinies of Russian Empire.

Kvakin A. V. Intelligentsia and spiritual crisis in Russia after 1917

Key notions: Russia, culture, intelligentsia, traditional values, crisis, spiritual crisis.

The work analyzes the influence declining traditional values after the revolution of 1917 on formation of «new morals». It is shown that freedom of the intersexual relations was ambiguously estimated within the intelligentsia and the first legislative decisions of the new power caused their impact upon it. All this led to depreciation of a traditional family. It is shown that from the second half of the 1920-s there begins «a new socialist Domostroy (domestic tyranny)». The example of intelligentsia shows the consequences of this policy.

Kuzmina V. M. About the role of intelligentsia in the industrial modernization in the USSR

Key notions: industrial modernization, Soviet authorities, art and culture figures, forms of the work with the population.

Soviet party-and-state policy concerning involvement of culture and art figures to the solution of the industrial modernization problems in the USSR is analyzed. The culture and art figures used various forms and methods of the work with the population, indirectly aimed on speeding up the industrial modernization.

Komissarov V. V. Discussions in the milieu of intelligentsia about social functions of science fiction

Key notions: Soviet intelligentsia, science fiction, social functions, prognostics, futurology.

Social value of science fiction in the life of the Soviet society is considered, and various viewpoints and opinions of writers and scientists are analyzed.

Yershova E. B. Contemporary research of the Russian intelligentsia of the 20th — the beginning of the 21st centuries

Key notions: Russian intelligentsia, research, scholars from different regions, Russia, foreign scholars on Russian intelligentsia.

An attempt to analyze the opinions of Russian and foreign scholars reflected in various publications about the Russian intelligentsia of the 20th — the beginning of the 21st centuries is undertaken. The political and public importance of intelligentsia in the history of Russia, its features, destinies, changes connected to the transition of society to new parameters of the world space are revealed.

Saytanov S. V. Social and political choice of the Russian intellectual: P. A. Kropotkin and anarchist movement

Key notions: Peter Kropotkin, anarchism, intelligentsia, anarcho-reformism, social and political choice, radicalism, reformism, self-sacrifice, justice.

The problem of interrelation and influence of personal qualities of P. A. Kropotkin on his choice and joining such radical social and political direction as anarchism is considered. The defining factor in the choice between Marxism and anarchism was P. A. Kropotkin's personal rejection of the Marxist organization in Western Europe as non- corresponding to his intellectual principles, the author concludes.

Gordeyev P. N. S. L. Bertenson in 1917: political choice of intellectual-official

Key notions: intelligentsia, the educated bureaucracy, the Russian revolution, political choice, personnel policy, theatre business.

The article tells S. L. Bertenson's life story in 1917. On the basis of the biographic analysis the author draws conclusions on such problems as personnel policy of the revolutionary governments (Provisional government and the first Soviet government); ideological choice of separate groups of Russian intelligentsia; historical destinies of the Russian officials in the years of social changes.

Okolotin V. S. Realization of tax policy and the specifics of political repressions in N. M. Sigantov's memoirs

Key notions: tax policy, political repressions, political prisoners, life in prison and GULAG system, a civil position of the author of memoirs.

Through memoirs of the provincial intellectual N. M. Sigantov and archival documents the specifics of activity of financial bodies in the 1930-s, political repressions, practice of investigation cases, life in prisons and in GULAG system on the territory of the Ivanovo, Yaroslavl, Arkhangelsk and Krasnoyarsk regions are revealed.

Vozilov V. V. The problem of intelligentsia on the pages of hand-written magazines in the beginning of the 20th century

Key notions: intelligentsia, province, hand-written magazines, revolution.

The article considers how the problem of the intelligentsia was discussed in hand-written magazines of the beginning of the 20th century. The discussions conducted by the outstanding representatives of the Russian intelligentsia about its destiny and mission during the critical periods of national history and reflected in these magazines are revealed.

Kuzevanov V. S. Architectural project as source for studying social history and culture of Russian intelligentsia in the 1930-s — the 1950-s

Key notions: Sources, architectural project, Soviet architect, everyday life history, intelligentsia studies, social history.

The author suggests to expand a circle of traditional historical sources studying separate professional groups of intelligentsia trying to find the «internal» layer of sources for reconstruction of private and everyday life during

the Soviet époque. In the article technical documentation (in particular, architectural project) is represented as source for studying such understudied group of the technical intelligentsia as Soviet architects. The period from 1930-s to 1950-s essentially differs from other historical periods since the professional activity of architects was directed at this time on the solution of social tasks and implementation of the political tasks.

Tsumareva E. P. Intelligentsia about a national question in Russian Empire at the beginning of the 20th century (on press materials)

Key notions: intelligentsia, national question, liberalism, conservatism, nationalism, Slavic unity, press.

The article analyzes the views of the intelligentsia of liberal and conservative camps on the solution of national question in the Russian Empire at the beginning of the 20th century and of the issue of Russia' role in the Slavic world. The problem of search for the common ground for the national suburbs' aspirations and for the interests of the empire is revealed. The idea of the need of practical implementation of the national question compromise solution is argued. The material of the article will be interesting to experts in the fields of history and journalism.

Simonov A. V. Empire and colonialism in polemics among the British intellectuals in the second half of the 19th — the beginning of the 20th centuries

Key notions: Great Britain, intellectuals, empire, colonialism.

The article reveals the participation of the British intellectuals in social and political discussion around colonial policy during the peak of the British Empire between the 19th—20th centuries. Analyzing various opinions that were typical for the intellectual milieu of that time, the author shows the ambiguity of the attitudes towards imperialism of political philosophers belonging to different directions and of intellectuals as a whole.

Zverev K. A. The Russian-speaking intelligentsia and formation of national policy of the Republic of Estonia in 1992—2007

Key notions: intelligentsia, Russian-speaking population, Republic of Estonia, national policy.

The attitudes of Russian-speaking intelligentsia to the formation of the politics of the Republic of Estonia in national question is considered from the formation of the independent state (1992) to the end of the first governmental integration program and the crisis integration policy (2007). The author

sees the reasons of failures of the attempts of the Russian-speaking intelligentsia to influence the state decision making in its dissociation and in insufficient support of its efforts by Russia.

Krasilnikov S. A. The regional research centers in contemporary intellectual and educational space of the Russian Federation

Key notions: V. L. Soskin, S. A. Fedyukin, regional research center, Novosibirsk community, regional science, directions of basic researches.

The article analyzes in details the activities of the regional centers of cultural history problems and intelligentsia research in contemporary intellectual and educational space of Russia. The attention is focused on unique history of the Novosibirsk research community developed under the direction of professor V. L. Soskin.

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по историческим, философским и политическим наукам. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.ceeol.com)

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим **актуальным проблемам** современной науки:

- **Актуальные проблемы современного интеллигентоведения;**
- **Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции;**
- **Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран;**
- **Интеллигенция и общество в современных условиях;**
- **Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории;**
- **Международные отношения и личность;**
- **Роль религии в развитии мировой культуры;**
- **Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла;**
- **Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни;**
- **Из архивных фондов: публикация исторических источников.**

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать фамилию, имя, отчество автора, полный почтовый адрес, телефон, ученую степень, звание, должность и место работы, контактную информацию (e-mail или телефон). Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2014 № 2

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *М. Б. Балябина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Н. Г. Юркин, Т. Б. Земскова*

Подписано в печать 11.06.2014 г.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 10,1. Уч.-изд. л. 8,5. Тираж 300 экз.

Адрес редакции: 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Факс: (4932) 32-66-00 E-mail: vs_memetov@mail.ru

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41 E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru